

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

М. Какимев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

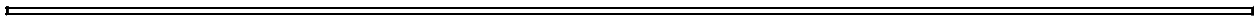
Annotation

Эта книга — научно-художественная биография Сакена Сейфуллина, национальной гордости казахского народа, основоположника казахской советской литературы, революционера, крупного общественного и государственного деятеля. Его имя стало легендой еще при его жизни. Он был одним из первых казахов-коммунистов, одним из первых основателей Советской власти в Казахстане, одним из первых Предсовнаркомов, автором первого казахского стихотворения об Октябре, первого казахского революционного романа — «Тернистый путь», первой революционной поэмы — «Советстан», первой революционной пьесы — «Красные соколы».

Автор книги, Турсунбек Какишев, — доктор филологических наук, профессор Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени С М Кирова. На казахском языке в 1968 году вышла его книга о Сакене Сейфуллине «Красный сокол». Ему принадлежат также монографии: «Плоды Октября», «Портреты эпохи», «Путь критики».

-
- [Т. Какишев](#)
 -
 -
 -
 - [ТРОПИНКА НАДЕЖДЫ](#)
 - [ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВАЛ](#)
 - [ПУТЬ К СЧАСТЬЮ](#)
 - [ПОТОК СКАЗАНИЙ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 14
(521)

МОСКВА
1972

Т. Какишев

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

М., «Молодая гвардия», 1972

© Copyright

*Светлой памяти Каныша Имантаевича Сатпаева
— академика АН СССР, первого президента АН
КазССР, лауреата Ленинской и Государственной
премий.*

ТРОПИНКА НАДЕЖДЫ

Зима в Сары-Арке суровая и буйная. Январские стужи всегда сопровождаются метелями и снежными буранами. Возчики руды для Спасского медеплавильного завода сбились с пути и забрели в зимовку Карашилик, что означает «Черные рябины».

Карашилик — укромное, живописное местечко. Рядом — ершистые горы Ортау, кругом — степь. До ближайшего городка — 500 верст.

Старший возчик Акилдек, сын кузнеца, остановился у охотника Сейфуллы, который приходился ему дальним родственником.

Сейфулла бесконечно рад другу. Акилдек много путешествовал, многое повидал. У него можно попросить совета.

И когда иссякла обычная застольная беседа, Сейфулла наконец решился. Своей сокровенной мечтой он не делился даже с Камал.

— Послушай, Акилдек, я хочу отдать Сакена обучаться русской грамоте, что бы ты сказал на это?..

Сейфулла внезапно замолчал, словно и сам испугался столь дерзновенной мысли. Жамал замерла на месте. Две пары встревоженных, вопрошающих глаз уставились на Акилдека.

Возчик не торопился с ответом. Он давно дружит с Сейфуллой, но сейчас важно мнение матери Сакена. А мать — это очевидно — лишь сию минуту узнала о намерениях мужа.

И потом — поблизости нет школ, в которых бы учили русской грамоте. Поговаривают, правда, что на руднике откроют русско-казахскую школу. Пока Сакен мог бы пожить в доме Лаврентия. У него жена — бывшая учительница. Люди они пожилые, Сакен помог бы им по хозяйству, Сейфулла доставит продукты. Мальчик пообвыкнет среди своих сверстников, русских ребят. Жена Лаврентия подучит его. Что ни говори, Сейфулла прав, без русского языка молодым нет дороги...

— Отдавай, Сейфулла.

Буран прекратился через два дня, и возчики собрались в путь. Навьюченные верблюды, нагруженные сани, и среди тюков на одной из повозок примостился укутанный маленький комочек, жалобно оглядывающийся на остающийся позади родной аул.

Сейфулла был небогат, хотя и происходил из богатого и знатного рода. Его отец Оспан умер в 23 года, не оставив грудному сыну ни скота, ни

пастбищ. И Сейфулла вынужден был с ранних лет добывать себе пропитание поимкой ловчих птиц и охотой.

Жамал тоже не принесла Сейфулле ни богатого приданого, ни земельных угодий. Зато она унаследовала от отца — оратора, композитора, музыканта, виртуозно владевшего домброй, — любовь к музыке, песне, народным сказам.

Не лишен способностей к музыке был и Сейфулла. Без его участия не обходились ни один праздник, ни одна свадьба в степи, носящей имя Сары-Арки.

Он и дня не мог провести без охоты, без песен и поэтому редко появлялся в родном ауле, предоставив Жамал заботы и о хозяйстве и о детях.

Семья была большая. Сакен — старший, он родился 15 октября 1894 года. А кроме Сакена — Маликаждар, Абумуслим, Габдулмажит и сестры — Рахима, Калима, Салима.

Сакен не часто видел отца, но каждый день слушал песни матери.

Он был таким же, как и все его сверстники из аула, — сыном степей. И он с малых лет знал степь, умел понимать ее язык, повадки ее обитателей.

Причудливый силуэт далеких гор Ор и Аба, извилистые реки и речушки, сплетенные в вычурный орнамент, — орнамент, который он каждый день видел на украшениях казахских юрт, одежде, — океан трав, то колышущихся под ветром, то сникающих под зноем, говорили ему больше, чем все премудрости корана.

Сакен неохотно ходил в аульную школу — мектеб. Зубрил коран, не понимая его смысла. Аульный мулла, прозванный Деревянной Ногой, заставлял детей заучивать наизусть религиозные догмы. Сакен скучал на уроках, шалил. Он был живым и любознательным мальчиком.

И Жамал и даже Сейфулла все чаще задумывались о будущем своего первенца.

И вот он едет в чужой поселок...

Весна. Холмистую местность, где расположен Спасский медеплавильный завод, казахи называют Нильди, русские — Успенским рудником. Заводские учреждения и дома чиновников — рядом с заводом, на холме. Землянки рабочих — в низине. Те, кто душой и телом отдался французскому горнопромышленнику Карно, солидно нажились. Им не страшны ни знойное лето, ни зимняя пурга. Те, кто в низине, страдают от зноя, холода, голода.

Начисто убрав двор, Сакен вышел на улицу. Предстоял урок русского

языка, нужно было набраться силенок.

Сакен скучает по аулу, по друзьям, по родителям. Трудно дается ему ученье у Марфы Тимофеевны. Она не сердится, не ругает его, но выжимает семь потов.

От завода до родного аула Сакена рукой подать. Но никто из родных не спешит навестить его. Волостной управитель дал ему медяки на сладости, но разве управитель и медяки могут заменить отца?

Сакен не стал покупать конфеты. Купил самую красивую книгу. В ней столько рисунков. Марфа Тимофеевна повертела, полистала книжицу, улыбнулась и сказала: «Тебе еще рано читать такие книги. Поди отдай обратно и купи книгу с большими буквами».

А с «большими» в магазине была только «Азбука» Льва Толстого. Она стоила дешево, и у него остались деньги на монпансье.

Хорошо, когда бежишь домой, а под мышкой у тебя книга, а в кармане, в жестяной коробке, позвякивают леденцы. Даже петь хочется.

Сакен уже совсем собрался запеть, как из-за холма появился всадник. Надо родиться в степи, чтобы по стуку копыт скакуна, по посадке, еще не разглядев лица, Узнать седока. Отец!

Сейфулла обнял сына, не слезая с седла.

Потом легко спрыгнул, еще раз обнял и так и не снял тяжелой руки с плеч. Когда они поравнялись с домом Лаврентия Сергеевича, у которого жил и учился Сакен, отец и сын исчерпали все слова любви и тоски, скупые мужские слова, накопившиеся за полгода разлуки.

Сакен снял с седла коржун, занес домой. Сейфулла здоровался с Лаврентием Сергеевичем и Марфой Тимофеевной так, будто век не виделись.

— Сакенжан, подвинь ко мне коржун. Сейфулла ловко отвязал кармашек у красивой, расшитой национальным орнаментом сумки и, как фокусник грациозным движением достает из волшебного ларца сюрпризы, достал и протянул Марфе Тимофеевне что-то мягкое, переливающееся.

— Это лиса. Долго искал ее. — Затем вновь запустил руку в коржун. — А это два волка тебе, тамыр.^[1] Эта зима волка было мало. Но я еще найду тебе. А это песец вашей дочке.

Марфа Тимофеевна и Лаврентий Сергеевич, словно заранее сговорились, запротестовали.

— Что ты, что ты, тамыр! К чему эти подарки! Мы их не заслужили.

Сейфулла с трудом подбирает русские слова. И те, что вспоминал, коверкал безбожно.

— Мои обижают не надо. Я тебе скажу, что ваш труд большой, много.

Сакен ушит, — и не закончил. К нему подбежала Леночка, Сейфулла набросил на нее хорошо отделанную шкуру песца.

— Ой, тамыр, у нас теперь целый зверинец. Я — волк, старуха — лисица, а Леночка, Лена... как называется по-казахски песец?

— Карсак, — отчеканил Сейфулла.

— Да, да, карсак!

Марфа Тимофеевна стала накрывать на стол. И Сейфулла затих, погасил улыбку. Он почувствовал себя не в своей тарелке. Сейчас ему подадут ложку и вилку. А что с ними делать? Отец умоляюще смотрел на сына. Но чем Сакен мог помочь отцу? Лаврентий Сергеевич делал вид, что не замечает затруднений Сейфуллы. Расспрашивал о зимовке, нуждах аула. Тот оживился. — Мы сикоро кочоваит джайлау.^[2]

Марфа Тимофеевна не столько поняла, сколько угадала его мысль, и сразу же возразила.

— Нет, тамыр, это невозможно!

Мешая русские и казахские слова, Марфа Тимофеевна объяснила Сейфулле, что Сакену надо много заниматься, ибо еще очень слабы его знания — не время сейчас возвращаться в аул.

Сейфулла оспаривал ее решение при помощи рук и мимики.

— Жина жилайды, много, много слез! В спор вмешался Лаврентий Сергеевич.

— Сакенчик, ты, видимо, не против поехать домой? — Сакен возрадовался было, но, встретив удивленный взгляд Марфы Тимофеевны, смутился. — Тогда так и сделаем, — продолжал Лаврентий Сергеевич, — ты побудешь несколько дней в своем ауле, а вернешься, когда они начнут кочевать на джайлау. Так, пожалуй, будет лучше. Проветришься, поиграешь вдоволь. А ты, моя старушка, тоже немножко отдохнешь от учительствования. Как вы все на это смотрите?

— Тебе мировым быть, — сказала Марфа Тимофеевна, а Сейфулла, кивая, только повторял: «Прауда, прауда...»

Осень. От нещадно палящего солнца растительность потеряла свою зеленую окраску. В ложбинах выцветшая трава еще колыхнется, а холмы совсем голые. В Сары-Арке всегда ветрено. На холм, где стоит только что открытая русско-казахская школа, поднимаются двое: Марфа Тимофеевна и Сакен. Сакен помогает учительнице, поддерживает ее под локоть. А она часто останавливается, глубоко дышит, но продолжает давать ученику последние наставления.

— Говорят, что Николай Романович строг. Мне самой никогда не

доводилось с ним беседовать. Ты, Сакен, не бойся, отвечай бойко, — снова и снова повторяет старая учительница.

На холме двухкомнатный белый дом. В просторном классе большая черная доска блестит свежей краской. Видимо, еще никто не дотрагивался до нее. Маленький стол и несколько парт, они расставлены в два ряда. Николай Романович Склянкин — учитель и заведующий этой школы — сидел в одиночестве.

— Марфа Тимофеевна, коллега, здравствуйте! А это ваш воспитанник? Слышал, слышал, что вы обучаете одного степняка. Пожалуйста, проходите, садитесь.

Прием был благожелательным. Марфа Тимофеевна и Сакен успокоились.

— Значит, ваш воспитанник уже закончил домашнее образование. Очень хорошо! Давайте теперь поговорим. — Сакен почувствовал, что краснеет под испытующим взглядом Николая Романовича. Да и Марфа Тимофеевна насторожилась.

— Так как же тебя зовут?

— Садуакас, — Сакен назвал свое имя по-казахски.

Марфа Тимофеевна удивилась:

— Разве у тебя двойное имя?

— Нет, Марфа Тимофеевна! Сакен — это мое ласкательное имя, а настоящее — Садуакас, — объяснил Сакен.

Этот диалог обрадовал Николая Романовича, ибо казахские дети в школу приходят, не зная ни одного русского слова.

У мальчика и произношение правильное. Видимо Марфа Тимофеевна за время пребывания Сакена в их доме сделала все, что было возможно.

Обычно казахские дети ведут себя очень застенчиво. Робко отвечают на вопросы. А если и отвечают, то так невнятно, что их трудно понять. Николай Романович был уверен, что это связано с национальным характером. Но ответы Сакена несколько поколебали его выводы.

— Возьми мел, — приказал Склянкин, напиши что-нибудь.

Сакен в недоумении умоляюще посмотрел на Марфу Тимофеевну. Что такое мел, он не знал. И учительница забыла ему объяснить. Николай Романович показал Сакену на предмет, напоминавший белый камень. Сакен решительно подошел к доске. Он слышал, что на доске пишут. Но неужели этим белым камнем? Сакен осторожно взял мел и держал его, словно боялся, что он взорвется у него в руках. Попробовал выводить буквы А, Б, В. Выходит. Написал: «Я хочу учиться». Написал без ошибок.

Нервы Марфы Тимофеевна не выдержали, она прослезилась. Николай

Романович одобрительно похлопал Сакена по спине. Теперь двери школы были открыты.

Счастливые дни начавшейся учебы были омрачены смертью Марфы Тимофеевны. Лаврентий Сергеевич и маленькая Леночка — приемная дочь — никак не могут оправиться от утраты. Когда-то светлая, просторная квартира без старой учительницы выглядит мрачной, неуютной. Если до сих пор уделом Сакена была уборка двора, то теперь ему пришлось взять на себя обязанности и домохозяйки. Он готовит обед, прибирает квартиру. В школе на время забывается, возвращается домой — и снова наваливается печаль.

Глубокой осенью приехал Сейфулла. По казахскому обычаю выразил соболезнование Лаврентию Сергеевичу. Но после нескольких слов они замолчали. О чем говорить? Сейфулла считал нетактичным и неуместным начать сейчас разговор о дальнейшем пребывании Сакена в этом доме. В такие трудные и грустные дни не следует Сакену оставлять эту семью.

Лаврентий Сергеевич угадал мысли Сейфуллы.

— Привыкли мы к Сакену, да и он к нам, наверное. Но что же делать — Сакенчику нужно учиться. А готовить уроки и ухаживать за нами — слишком много забот на одни плечи.

— Нет, тамыр, такой горе — мы не оставит беде. Сакен большой, будет жить и учиться у тебя.

— Я знаю, вы, казахи, народ сострадательный. Но, тамыр, не нужно мешать Сакену. Пусть Сакенчик учится свободно, не зная забот и горя. Нам, старикам, умирать, а им жить.

Однако Сейфулла стоял на своем.

— Твой жинка был хороший человек. Она ушел. Мой сын отсюда никуда не пойдет. Нет, тамыр. Живите вместе, что ты кушаит — он тоже, что ты работаит — он тоже.

И, решив, что дело улажено, Сейфулла молча вышел из дома, да с тем и уехал в свой родной аул.

Прошла зима. А в начале лета Лаврентий Сергеевич отправился куда-то на Урал.

Сакен переехал на квартиру знакомого почтовоза Тунгышбая. И напрасно!

Жена Тунгышбая заставляла Сакена работать день и ночь. Посылала за водой, заставляла даже стирать пеленки для новорожденного. Все было бы полбеды, но она без конца бранила Сакена, унижала, а иногда даже кидалась на него с кулаками. Во время еды смотрела Сатану в рот так, что

даже чай застревал у него в горле. Сакен похудел, стал мрачным. Когда выдавались свободные минуты, уходил из дому и бежал в кузницу, где работал знакомый кузнец Ибрай. Здесь все было необычным. И грохот молотов, и жара раскаленного металла, и бесконечная песнь Ибрая. Он сам придумывал новые слова к старым мотивам. Когда он пел, его подручные Асан, Усен, Арын затихали. Жадно слушал кузнеца и Сакен. Однажды Ибрай обратился к Сакену:

— Поди сюда. Видимо, тебе нелегко живется. Знаю, жена Тунгышбая — дрянь. Отец не приезжал еще? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я вчера встретил Закирбека, сына Копбая. Ты его знаешь, он работает на конюшне заводууправления. А что, если ты будешь жить у него? Когда приедет твой отец, я объясню ему, что к чему. Тебе лучше будет у Закирбека, и он, и его жена не злые люди. Твой отец — охотник, он доставит продукты и деньги. Сегодня вечером, в конце рабочего дня, приходи сюда, я тебя отведу к Закирбеку.

По-новому зажил Сакен. Утром — в школе, после обеда — в кузнице Ибрая. Школа и кузница несли новые знания. Теория и практика. Грамматика и жизнь. Впоследствии Сакен писал, что «от биения сердца кузнеца, от стремительного движения машины, от грохота двигателей шахты, от сурового лика шахтеров, которые ежеминутно выбрасывают камни из глубины земли, от их землянок, прижатых к холмам», получал он наглядные уроки жизни.

А ведь это было время, когда вспыхнула первая русская революция 1905–1907 годов. Отзвуки ее боев докатились и до казахских степей, до Спасского медеплавильного завода.

На глазах у Сакена прошла и известная забастовка горняков на Успенском руднике.

Ранним утром 9 декабря 1905 года жизнь в рабочем поселке замерла. Не слышно привычного рева заводского гудка. Не видно и рабочих, которые обычно в это время брели к шахтам и заводу. Тишина.

На улице мороз. И обычно в такие дни Сакен сидел дома, как и остальные поселковые ребята. Но сегодня чуть свет за ним забежали Альжан Жумажанов — сын рабочего с медеплавильного завода, и Ахмедия Аханов, отец которого работал там же.

— Сакен, пойдем посмотрим!..

— Что посмотрим? — удивился раннему визиту друзей Сакен.

— Разве ты не знаешь — сегодня никто на работу не вышел. Собрание на заводе будет.

Можно ли пропустить такое событие! И пусть себе лютует мороз — они не уйдут, пока все не выяснят.

Суровы лица рабочих, особенно сегодня. Все молчат, ждут чего-то. Из заводоуправления вышли Топорнин, Али Байчагиров и кузнец Ибрай, Низовитин, Невзоров, Мартылаго. Через несколько минут здоровяк Топорнин уже держал речь:

— Товарищи, не хотят вести переговоры с нами эти холуи французского капитала. Говорят: не будем ничего платить. Да еще пугают штрафом — кто не выйдет на работу, тому пишется акауыз.^[3] Ну, думайте, и прошу высказаться.

Толпа загудела, закричала.

— Не все хором. Кто желает выступить? Вышел русский рабочий и сказал:

— Как условились, так и будет. Пусть сокращают рабочее время и увеличивают оплату. Пусть уничтожат штрафы. Если не выполнят этого требования, никто из нас на работу не выйдет. Так и передайте этим хапугам, домашним крысам!

Его поддержали:

— Правильно, надо этих кровопийц проучить! Слово взял Али Байчагиров:

— Родные и близкие, братья. Вот здесь сегодня мы, и русские и казахи, объединились. Как же нам не объединяться, если мы вместе работаем, вместе страдаем, терпим издевательства. Кто из нас может сказать, что живет как человек. Плохо, очень плохо оплачивается наш изнурительный труд, полуголодное существование нас самих и членов семей наших дальше нетерпимо. Вы слышали, что они, эти холуи, отказываются прибавить оплату. Что же нам остается делать? Продолжать забастовку. Мы, казахи из соседних аулов, при помощи родичей можем продержаться еще несколько дней. Можно походить по аулам, попросить продовольствия. Наверное, так и придется сделать. Но нам еще надо подумать о положений наших русских друзей. Они-то живут впроголодь, запаса у них нет. И не у кого взять. Я думаю, мы, казахи, поделимся с ними. Будем держаться вместе. Наш Русско-киргизский союз^[4] должен доказать, что он жизнеспособен. Будем же стойкими! — Эту речь Али Байчагиров прои' нес дважды — на русском и казахском языках.

Затем слова попросил кузнец Ибрай.

— Казах — аул пойдет, махан принесет. Русский даст. Наш союз будет жить.

Ибрая поддержали. Топорнин заключил выступления:

— Товарищи, нам необходима сплоченность и сплоченность. Только организованная борьба достигает цели. Они сегодня нам отказали, но мы не пойдем на уступки. Будем продолжать нашу забастовку. Они вынуждены будут сами прийти к нам. Вот здесь Али Байчагиров хорошо сказал, что казахи помогут русским братьям. Это и есть конкретный, деловой союз. Давайте сплоченно будем держаться. Кто согласен, пусть поднимет руку.

Поднялся лес рук, изможденных от работы, но крепких и сильных.

Прошло два дня. Администраторы по одиночке приглашали рабочих, уговаривали выйти на работу, угрожали увольнением. Но получили отпор.

Забастовка приносила хозяевам колоссальный ущерб. В конце концов администрация согласилась с требованиями Русско-киргизского союза. Но, конечно, с оговорками. Так была достигнута первая в бескрайней казахской степи победа рабочих.

Май 1907 года. Наступила цветущая весна в Сары-Арке. Забыты тяготы зимы. Особенно молодежь рада весне. После рабочего дня, перед закатом солнца, молодые люди поднимаются на холм, потом спускаются в ложбины. Здесь у них веселье. Главное — алтыбакан. Из семи жердей сколачивают качели, на качели садятся двое — юноша и девушка. Они всегда объект звонкого и язвительного смеха. А им следует уметь петь. И отшучиваться. Плохо приходится тому, кто не нашел себе достойного партнера, — получай все сполна. И так до полуночи.

А ночью играют в аксуйек («белая кость»). Правила игры простые. Нужно ночью найти белую кость — асык лошади или верблюда. Их много в степи. Но найти надо ту, которую забросит ведущий игры. И нужно найти быстро. Поиск кости в лунной ночи сравнительно легок, а в безлунной — довольно затруднителен.

Душой этого молодежного веселья всегда были подручные кузнеца Ибрая — Усен и Арын.

В один из таких вечеров случилось маленькое событие, которое, однако, имело далеко идущие последствия. Толмач управляющего Амир схватил за руку понравившуюся ему девушку по имени Гулбану, приглашая ее к поиску аксуйека. Девушка вырвала руку и при этом порвала платье. Наступая, Амир нагло заявил ей:

— Не плачь, куплю шелковое взамен этого ситцевого. Джигиты с мозолистыми руками тебе его не купят.

Гулбану оттолкнула Амира и кинулась к группе молодежи, где затевали свою очередную игру Асан, Арын и Усен.

— Эй, джигиты с мозолистыми руками, — крикнула Гулбану, — вам бы следовало иметь мягкие руки, как лапы кошки или руки Амира!

Все оглянулись на Гулбану. Рукав ее платья висел на ниточке. Гулбану рассказала, что произошло. Усен решил отомстить Амиру. Он любил Гулбану.

Однажды, подходя к кузнице, Сакеи увидел Арына, Асана и Усена с бумагой и карандашом в руках. Они спорили, злились.

— Не получается у нас, а просить помощи у Ибрая стыдно, — услышал Сакен.

— Вон Сакен идет, может, он кумекает в этом деле. Усен подозвал Сакена. Друзья объяснили, что хотят осмеять Амира, но пока ничего у них не получается.

— Я знаю насмешливые стихи, их сложили в нашем ауле. Но сам я никогда ничего не сочинял, — начал было отговариваться Сакен.

— Ты сейчас свободен, попробуй, авось получится, — хором потребовали они. Сами же поспешили в кузницу.

Нежданно-негаданно на голову Сакена свалилось это задание, оно и во сне ему не снилось. Что делать? Неудобно отказать в просьбе старшим, но как выйти из затруднительного положения? Ведь он никогда не сочинял, даже и не пытался, не было необходимости. Но сказать, что он не в силах, тоже неловко — как-никак он ведь грамотный. К тому же считается, что любой казах умеет сочинять стихи. Не зря же ориенталисты утверждают, что казахский народ — народ поэтов. Об этом Сакену рассказала однажды Марфа Тимофеевна.

Сакен не пошел в кузницу, побежал домой. Второпях схватил карандаш и сразу же сел писать. Без остановки исписал полстраницы. Похоже или непохоже это на стихотворение? Над этим Сакен не задумывался. Он просто старался выложить то, что пришло на ум.

Но когда перечитал — ужаснулся. Получилась какая-то чушь, ни ладу, ни смысла. Прочитал еще раз вслух. Нет, эти стихи нельзя пропеть. Что делать? Неудобно перед кузнецами. А что, если начать со знакомого куплета?

Написал несколько строк, заученных с детства. Стихи как стихи...

Но ведь нужно выдумать свое. Трудно давались строчки. В голову лезли знакомые рифмы. А на языке вертелось:

Ты высоко в мечтах всегда паришь.

Ты выскочка. Ну что ты можешь, выскочка?

Это подходит к поведению Амира, он же всегда старается быть на виду. Народ таких окрестил выскочками. Но как осмеять, осрамить его?

Набросал конец стиха:

*Не ведаешь того, что говоришь.
Позор тебе, хвастун, невежда, выскочка!*

Кажется, что-то получается. Надо бы так и продолжать. А подходят ли рифмы этого куплета к народной мелодии? Попробовал пропеть — ничего, как будто бы складно.

Опять взялся за карандаш. Писал, читал, снова писал, зачеркивал. Хотел было внести в стихи имена друзей, Гулбану, но они в стихи никак не вписывались. Так и не удалось их вставить в стрдеу. Теперь самое главное — прояснить общий смысл того, что он хочет сказать.

*Коль ничего не можешь, не хвались,
Коль скуден ум, не быть тебе хваленым.
Мозолистые руки. В них взглядишь —
Они ведь чище байских рук холеных.*

Сакен обрадовался, дописав эти строки. Даже закричал:
— Нашел то, что хотел сказать!

Еще раз прочитал написанное и выскочил из дому. Побежал к кузнице. Увидел, что кузнецы уже спускаются с холма. Догнал. Остановил и, задыхаясь от бега и волнения, тут же прочитал им стихи. Они слушали, перемигиваясь, посмеиваясь, и в результате одобрили три куплета.

Алтыбакан в разгаре. Нет конца веселью, но вот Усен и Гулбану запели. Им вторят Асан и Арын. Знакомая мелодия, но текст песни новый. Слушатели сразу заметили это, примолкли. Когда была спета последняя строка, молодежь огласила вечернюю степь громким хохотом. Посрамленный Амир убежал с вечеринки.

Сакен и не думал, что его первое творение привлечет всеобщее внимание. О его стихотворном даре заговорили. Первый успех окрылил Сакена.

И хотелось вновь взяться за стихи.

Вместе с Сакеном учился его троюродный брат Такай (Ташмухамет),

сын волостного управителя Нильдинской волости — Жакена.

Такай умом не блистал. Он сорил отцовскими деньгами, был драчлив, заносчив, презирал Сакена и его друзей. Не раз Сакен и Альжан поколачивали Такаю, теперь Сакен задумал разделаться с Такаем по-иному. Он засел за новое стихотворение. Писалось на сей раз легко. И через несколько дней тщательно переписанное арабским шрифтом стихотворение стало достоянием не только соклассников Сакена, но и молодых рабочих Успенска.

*Богат мой род, но беден мой отец.
Мой взгляд тяжел и мрачен, как свинец.
Нет у меня дурманящих монет,
И потому мне не купить конфет.
Такай — сын бая — учится со мной.
И сладостями полон его рот.
Мы жаждем знаний, мы идем вперед,
А он надменно ходит стороной.
Мой друг Альжан, не подражай ему:
Он одинок, он отойдет во тьму.
Учись у настоящих знатоков —
У мудрых, дальноруких степняков.*

Вот и пройдена программа начальной школы. В этом году у Николая Романовича школу оканчивают восемь учеников. Миша и Гриша поедут учиться на Урал. Такай тоже будет учиться — таково желание его отца. Хотя Николай Романович уверен — ничего путного из Такаия не выйдет. А вот Альжан и Сакен — два самых способных ученика — бедны. Отец Альжана рабочий, едва-едва сводит концы с концами. И мечтает лишь о том, чтобы сын стал хотя бы толмачом или писцом. Но особенно беспокоит Николая Романовича судьба Сакена. Ведь Сейфулла беспечен, он любит охоту и веселье. Типичный «степной артист». Не слишком-то он озабочен судьбою своих семерых детей. Его больше тревожит, какая будет в этом году погода, охота, где намечаются скачки и той, праздники и свадьбы. Правда, умелая и умная мать Сакена Жамал каким-то чудом все же содержит семью, обременяя себя всеми заботами и женщины-матери, и мужчины-кормильца.

— Сакен и Альжан, останьтесь после урока, — предупредил Николай Романович.

Ребята ушли. Николай Романович усадил друзей.

— Вот вы заканчиваете школу. Вы — первый наш выпуск, первые наши ласточки. Скоро вам придется самостоятельно искать свою дорогу в жизни. Вы еще маленькие, но жизнь с этим не считается. Сможете ли вы продолжить учебу, или же ваши родители определяют вас толмачами к волостным управителям? Не знаю. Только знаю, что полноценными переводчиками вы не можете быть, у вас не хватает знаний.

В первый раз учитель заговорил с ними как со взрослыми. И они не знают, что ответить. Им и радостно, и жутко, а в душе теплятся светлые детские мечты.

— Да, неплохо было бы продолжать учебу, — неуверенно сказал Сакен, — но никто из аула еще не приезжал, и я не знаю, что они думают. Об этом со мной никто не беседовал, кроме вас, но есть у меня своя мечта.

— А ну-ка, о чем? — заинтересовался Николай Романович.

— Да вот говорят, где-то есть город Акмола. Там бывали наши старики. Рассказывали, что жизнь в городе не похожа на степную.

— Да, это, верно, — задумчиво сказал Николай Романович. — В Акмолинске есть приходская школа и городское трехклассное училище. Вас сразу в гимназию не примут, знания не соответствуют.

Больше ничего не сказал учитель. Но в душе у Сакена крепла надежда увидеть город, продолжить учебу.

Казахские аулы — на джайлау. Но уже близится осень, хмурится небо. В дни каникул Сакен пристрастился к охотничьему ружью отца. С приближением осени он все реже и реже выходит в степь. И мать с тревогой поглядывает на него. Что будет с ее красавцем сыном? Она отгоняет от него злых духов, она гордится им. Но что скажет отец? Как решится судьба Сакена?

И вот настал этот день, Сейфулла озабоченно спросил:

— Ты выстирала вещи Сакена? Надо его готовить. Скоро начнется учеба, я сам отвезу его.

— Все готово, когда поедете?

— В среду, в день удачи.

— Я тоже так думала. А ты нашел барана для гостинца? А то неприлично с пустыми руками ехать в город.

До Акмолинска от джайлау 250 верст. На верховой лошади можно доскакать за два дня. Но они ехали не спеша. Останавливались в крупных аулах. И только на четвертые сутки попали в город.

— Вот, сынок, добрались наконец, — облегченно сказал отец,

подъезжая к городской окраине.

— Это и есть Акмолинск? — удивленно спросил Сакен. Он представлял себе Акмолинск огромным городом с многоэтажными домами. Степная молва о нем была шумной, громкой.

— Карауткель, — коротко ответил отец. Окраинные дома оказались глинобитными, низкими и грязными. Проехали несколько улиц. Все чаще стали встречаться деревянные дома с разукрашенными карнизами и ставнями. Но такие же Сакен видел в Успенске, в больших русских поселках, куда они заворачивали по пути. Наконец Сакен заметил длинные здания — торговые ряды.

— А эти дома чьи?

— Здесь не живут, сынок, здесь магазины, склады. А вон видишь самый длинный дом — это магазин Кубрина.

Они еще долго ехали по улицам, приближаясь к берегам Ишима. И Сакен тешил себя надеждой, что город Акмолинск где-то там впереди, а пока они едут по Карауткелю. И не знал Сакен, что Акмолинск и Карауткель (Черный брод) — два названия одного города.

Акмолинск основан в 1830 году на высоком берегу реки Ишима как казачий форпост. В 1868 году он был преобразован в уездный город. В начале XX века в нем насчитывалось всего около восьми тысяч жителей. Здесь шел широкий обмен товаров фабрично-заводской промышленности на продукцию степи. Местная торговля находилась в руках семьи Кубриных, владельцев обширных магазинов. Были здесь мыловаренный, кожевенный, маслобойный, пивомедоваренный и пряничные заводы, казенный винный склад, много кузниц и мельниц. В городе расположились уездное казначейство, почтово-телеграфная контора, аптека. Культурные учреждения города были немногочисленны: городское трехклассное училище, прогимназия, две начальных школы, городская публичная библиотека (Пушкинская). За городом расположилась низшая сельскохозяйственная школа с опытным полем и садом. С внешней стороны город мало чем отличается от других городов края. Каменные строения только на главной площади. Улицы немощеные, кое-где они освещаются керосиновыми фонарями. Несколько извозчиков пухнут от безделья. Гостиниц и номеров для приезжающих в городе нет...

На берегу реки — большой дом. Сейфулла направился к этому дому. Здесь живет ветеринарный фельдшер Шаймерден Ниязов — один из влиятельнейших людей, и не только среди казахов. Добродушный, общительный человек.

Жена фельдшера Батен встретила гостей радушно. Расспросила обо всех, кого знала в ауле. Поблагодарила за посылку. Сейфулла преподнес ей от имени Жамал молочные деликатесы — курт, иримшик, сыкпа, сливочное масло — все не лишнее в хозяйстве. Шаймердена дома не было.

— Он поехал в окрестные села, — сказала Батен. — Обещал вернуться сегодня к вечеру, его ждут какие-то срочные дела в городе. Я сейчас поставлю самовар. А ты что стоишь как вкопанный? — обратилась она к Сакену. — Раздевайся, умывайся.

Пока гости приводили себя в порядок, подospel чай. Выпив две-три чашки чаю, Сакен почувствовал усталость и примостился в самом дальнем углу, где постелен был толстый бостек — матрац малого размера.

— Отдохни, сынок, видимо, дорога тебя порядком потрепала, — ласково проговорила Батен.

Четырехдневный путь на лошади верхом действительно измучил Сакена, ибо ему это не было привычным, как отцу. Он сразу заснул. Попытались разбудить его к ужину, Сакен не проснулся. Фельдшер Ниязов был уже дома. Посмеиваясь, он посоветовал оставить Сакена в покое.

— Ничего, пусть проспится, завтра наверстает.

Сакен проснулся рано утром. Все еще спали крепким сном. Чтобы никого не разбудить, Сакен на цыпочках вышел в переднюю. Обулся, осторожно открыл двери и очутился на улице. Солнце только-только вставало. Русские и казахские женщины, подоив коров, выгоняли их в стадо. Немного постояв, Сакен решительно отправился осматривать «знаменитый город».

Долго бродил среди приземистых деревянных строений, отличающихся друг от друга разве только своими подвалами да заборами. Наконец выбрался к высокому каменному зданию со множеством резных и лепных украшений, ажурным балконом. Хотел подойти поближе, но из-под ворот вылез огромный волкодав и так свирепо зарычал, что Сакен поспешил ретироваться. Потом он узнал, что в этом доме живет Кубрин — купец, известный далеко за пределами Акмолинского уезда.

Недалеко от дома Кубрина стояло кирпичное двухэтажное здание. Сакен подошел поближе и остановился, восхищенный искусством строителей, которые сумели так сложить стены дома, что простой кирпич образовал причудливые узоры и невольно притягивал взгляды. Вскоре Сакен наткнулся на другой дом, напоминавший тот, который так ему понравился. Сакен подошел к парадному подъезду и увидел надпись: «Трехклассное городское училище». Видимо, и здесь ему предстоит

учиться.

Долго еще блуждал Сакен по городу, разглядывал, удивлялся. Устал и повернул обратно к дому фельдшера.

А все же унылое у него осталось впечатление от этого грязного, почти лишенного зелени города. Подходя к дому, Сакен услышал в открытое окно, как Ниязов отчитывает Сейфуллу.

— О чем вы думали, — Ниязов и Сейфулла сидели за завтраком, — когда вы начнете признавать календарь, ведь на целых пятнадцать дней опоздали? В школе давно идут занятия. Хорошо, если согласятся принять Сакена, а нет — год пропал.

Сакен насторожился.

Сейфулла не знал, что ответить, и вытащил из кармана бумажку.

— Вот записка нильдинского учителя!

— А что из того? Разве он сказал вам, что Сакена примут с опозданием? Ну да ладно, пойдем.

— Ты куда? Гости еще не напились чаю! — упрекнула Батен. — Сакенчик только что пришел.

Ниязов ласково посмотрел на жену и усмехнулся:

— Разве ты не знаешь, что степняки часами просиживают за чаем, не думая о времени. Тоже мне заступница!

Батен ничего не ответила, встала из-за стола. Поднялись и остальные.

Ниязов не хотел терять ни минуты. Сразу после чая он повел Сейфуллу и Сакена в начальную приходскую школу к заведующему Ситникову. Вошли в кабинет, поклонились.

— Слушаю вас, к вашим услугам! — Поднялся из-за стола Ситников.

Ниязов объяснил суть дела и протянул записку Склянкина. Заведующий прочел, глянул на Сакена.

— Это о тебе? Сколько же тебе лет?

— Тринадцать.

— Тринадцать? В этом году у нас очень много казахских детей. Не знаю, что и делать. Трудно их обучать, большинство по-русски ни слова.

— Но Сакен кончил Нильдинскую школу, — начал было Ниязов.

Ситников не дал ему договорить.

— В том-то и дело! Иначе я давно бы сказал, что вы опоздали, мест нет.

Это была уже какая-то надежда. Ситников укрепил ее:

— Сегодня разберусь с положением в классах, поговорю с наставником. Дня через два дам окончательный ответ.

Прошло два дня. Сейфулла и Ниязов отправились к Ситникову за ответом.

Сакен не мог сидеть без дела в ожидании решения своей судьбы. Схватил метлу и с остервенением начал выметать со двора серую осеннюю пыль. Работа его немного успокоила, он даже почувствовал удовлетворение, оглядев чистый, опрятный двор.

Сейфулла вернулся довольный, и по его улыбающемуся лицу Сакен понял — приняли.

— Пошли, сынок, куплю тебе бумагу, книги и карандаши, — сказал отец.

— Значит, все-таки приняли?

— Да, сыночек. Кое-как, но приняли. Если бы не мулла Мантен, вряд ли мы его уговорили бы! Будешь жить у Ниязова. Никто тебе не помешает учиться. К зиме привезу продукты. Жена фельдшера, да и он сам люди хорошие, прислушивайся к их советам, да и по хозяйству помогай.

Это были последние наставления отца перед отъездом.

В 1910 году Сакен окончил начальную приходскую школу. С осени должен был продолжать учебу в трехклассном городском училище. Но в дни каникул он решил полностью отдаться безделью и отдыху.

В родном ауле с ним стали разговаривать в почтительном тоне не только ровесники, но и пожилые. К каждому его слову прислушивались. Шутка ли, окончил школу в самом Акмолинске, которого многие даже и не видели.

Только один Турмаганбет, которого в ауле все звали шутником Абеном, не испытывал никакого почтения к Сакену. Он все время придурился и тем выводил Сакена из равновесия. Ему наплевать, что Сакен учится в Акмолинске и скоро станет «большим человеком». Абен по-прежнему свободно обращается с Сакеном и все время подтрунивает над ним. Абен шутник, но и Сакен с удовольствием веселится. Ведь Абен и спящего медведя сумеет разбудить своими выходками. У него все получается смешно.

Сакена часто приглашала в гости молодежь ближних аулов. Везде и всюду аульчане смотрели на Сакена с завистью, взрослые же говорили: «Стал настоящим джигитом, хороший вырос жених».

Однажды Абен рассказал Сакену, что в ауле Санырак у хажи ^[5] Мусабека две дочери-невесты. Все молодые люди убиваются по ним. Особенно младшая хороша — красавица неопишуемая, музыкантша и, как говорит молва, стихи сочиняет.

— И тебе нос утрет, — подзадоривал Абен. — Желаеть увидеть этих красавиц, могу устроить свидание.

Сакен отнекивался, но и не отказывался наотрез.

— Да что стоит тебе поехать, посмотреть на них? — не унимался Абен. — Джигиты из их аула говорят — девицы тобою тоже интересуются, — приврал тут же Абен.

— Далеко ли? — поддался наконец Сакен.

— Да рядом, видишь — холмик, за ним сопка Жаксы-Иманак, а там и их аул, — зачастил Абен. — Ехать-то какой-нибудь час. Поедем?

— Ну ладно, — уступил Сакен. — Поедем.

Отправились в путь. Едут, едут — никак не доедут даже до Жаксы-Иманака. Завечерело. Потом и ночь наступила. Вдали в ауле и огоньки погасли. Куда же ехать? Но ехали. Пели шуточные песенки, поддразнивали друг друга и ехали.

— Твой прадед, — заметил Абен, — заблудившись в степи, сказал бы, что это было хорошей прогулкой. Нагуляемся вдоволь.

— Э, нет, — заартачился наконец Сакен. — Я не намерен трястись всю ночь на своей лошадке.

— Что же предлагаешь?

— Ночевать здесь.

Расседлали коней. Сакен проснулся первым. Сейчас он Абену покажет. Снял пояс да и стал просовывать его осторожно другу под сорочку. Просунул сантиметров на тридцать — стал крутить свободный кончик. Абен вскочил как ужаленный — решил: змея. А Сакен хохотал, приговаривал:

— Где же девушки твои, плут Абен? Скоро ли увидим их?

Поскакали дальше по солнышку. Поднялись на холм. Глядят: вереница навьюченных верблюдов тянется, катятся большепоклесные казахские телеги. Это аул, в который они ехали, перекочевывал на новое место.

— С меня хватит, — сказал Сакен. — Дальше не сделаю ни шагу.

Так и вернулись ни с чем.

Абен разболтал всем об их путешествии. И долго еще потешались над ними аульчане.

1912 год. Зима. Сакен повзрослел, и его одолевают думы. Причин достаточно. Не так давно в Акмолинске появился Габдулла халфе Султанов. Он окончил духовную школу сначала в Бухаре, затем в Казани. В Акмолинске Султанов открыл медресе для детей зажиточных казахов и городских жатаков — полупролетариев. Вскоре судьба свела Сакена с

Султановым.

Габдулла халфе отдал Ниязову малую часть большой пустоши, что принадлежала медресе. Отдал под огород. И однажды, когда Ниязов и Сакен копались в этом огороде, ученики медресе пришли им на помощь. Они хотели поближе познакомиться с Сакеном, учеником городского училища.

Габдулла халфе был человеком гибкого ума. И когда его подопечные изъявили желание поучиться у Сакена русскому языку, он не стал препятствовать. Правда, втайне Султанов надеялся, что ребятам все это скоро надоест. Но он не учел педагогических способностей Сакена.

В медресе нет парт, там стоят маленькие стульчики с небольшим плоским сиденьем, которые ребята используют и как табуретку, и как письменный стол. Ученики медресе обычно больше слушают, чем пишут. Коран учат со слуха, повторяя слово за словом вслед за учителем. Но шакиртам^[6] преподают и арабскую письменность. А в последнее время стал модным джадидский метод обучения, который допускал и изучение арифметики, географии. Эти веяния тоже были учтены Габдуллой.

Но, согласившись на преподавание русского языка в медресе, Габдулла, однако, в последнее время не на шутку стал беспокоиться. Шакирты начали плохо успевать по духовным предметам. Негласная конкуренция двух преподавателей с каждым днем возрастала, и чаша весов, пожалуй, склонялась в сторону Сакена.

Он преподает уже четвертый месяц. Почти все шакирты очень быстро усвоили русскую азбуку, научились читать, хотя еще и не понимают прочитанного. Усердие Сакена было замечено и некоторыми родителями шакиртов. Они подняли вопрос об оплате учителя русского языка. Стали платить по три рубля с ученика за месяц. Сакен не брал платы с детей жатаков и бедных. Среди платно обучавшихся был и единственный сын самого Габдуллы халфе, Насыр Султанов.

Сакен пристрастился к новой работе и теперь всерьез подумывал стать учителем. Он знал, что это благородный и очень нужный его народу труд. В последнее время многие казахи начали убеждаться, что без знаний, без грамоты жить в этом большом мире становится все труднее и труднее.

Быстро пролетел учебный год, Сакен даже и не заметил, как прошло время. Да ему, собственно, и некогда было думать о времени. Занятия в училище, преподавание в медресе, подготовка уроков и подготовка к урокам не оставляли свободных минут.

В начале весны приехал отец. Он навьючил своего гнедого коржунами,

полными всевозможных подарков от аульчан.

Ниязова не было дома, и отец с сыном, может быть, первый раз за все время говорили как равный с равным. Как красочно, сочно описывал отец сцены охоты, свои приключения в вольной степи. Сакен заслушался. Сейфулла же выпрашивал сына о его намерениях. Он был бы рад видеть сына толмачом, а может быть, даже и волостным правителем.

Разъезжая по казахской степи, Сейфулла между делом приглядывал для Сакена невесту. В последнее время в аулах его стали принимать с почестями. Впрочем, казахи всегда славились своим гостеприимством.

— А, приехал блудный сын природы, — распахивая дверь, сказал Ниязов. — Как ты, однако, загнал гнедого! Охота была удачная? По твоему гнедому видно, что тебе недосуг было заехать к нам зимой, — съязвил Ниязов.

С приходом фельдшера посыпались шутки в адрес незадачливого степного охотника и праздного человека, каким Шаймерден считал Сейфуллу.

— А ты знаешь, что Сакен стал дамуллой?^[7] — с гордостью объявил Ниязов.

Сейфулла с недоумением посмотрел на сына.

— Нечего тебе удивляться, мы на все способны! На лице Ниязова расплылась широкая улыбка.

— А что нам, было бы ему хорошо! Мы всегда готовы молиться богу, чтобы он был человеком, — смиренно парировал Сейфулла. — Вот старею. Как-то раньше за охотой и не думал, что жизнь такая быстротечная. Теперь заметил. Семья-то моя почти ежегодно пополняется новым членом. Сакен-то первенец, но другие птенцы тоже начинают оперяться. Об их судьбе уже пора задумываться.

— Ну, брось ныть. Что с тобой, плохо спал сегодня? Дом с детьми — это же рай с радостями. Вот бог отказал нам в этой радости. Но, как видишь, и мы живы. Не беспокойся, прокормишь семью и без помощи Сакена. У тебя же родичи богатые, неужели они тебе не помогают?

Сейфулла в ответ только безнадежно махнул рукой.

— Сакену необходимо продолжать учебу. Знания, полученные в Акмолинске, только для кочевников кажутся всеобъемлющими. А ведь это только начало пути.

Сейфулла испуганно посмотрел на фельдшера, догадываясь, куда он клонит.

— Успокойся, мы не на край света собираемся! Вот мы с Сакеном давно спорим: он желает стать учителем, а я хочу видеть его ветеринарным

врачом. Кто тебе больше по душе? Что же ты молчишь? Ты согласен или нет на то, чтобы Сакен продолжил учебу?!

Сейфулла все молчал. Вопрос фельдшера застал его врасплох. Ведь ему казалось, что человека, учение Сакена, и быть не может. Он уже видел сына большим чиновником. И вдруг опять учение. Есть отчего растеряться.

— Ну что ты вытаращил глаза, как будто век не видел нас? Отвечай, что тебе нравится — ветврач или учитель?

Сейфулла обозлился:

— У меня мало скота. Я не боюсь ни джута,^[8] ни эпидемий.

— Значит, ты желаешь видеть своего сына учителем? Сейфулла машинально кивнул.

— Ну что ж, теперь я уже не в силах переубедить не только сына, но и отца. Ваша взяла, поздравляю, Сакен, тебя с просвещенческой карьерой. Всякая учеба полезна. Ну, Сакен, скажи свое слово, отец твой теперь в наших руках.

Сейфулла умоляюще посмотрел на сына в надежде, что тот откажется от плана, составленного без его участия.

— В Омскую семинарию! — отчеканил Сакен. Сейфулла смотрел на сына с ужасом и еще пытался протестовать.

— Далеко же этот город, разве в Акмолинске нет такой семинарии? — Но эти слова прозвучали как согласие. Между тем Сейфулла уже и не рад был своему приезду.

Батен постелила постель на двоих. Отец и сын лежали под покровом одного пухового одеяла, но их думы были разные. Сейфулла сожалел, что дал согласие. «Как он будет жить в Омске, ведь там нет знакомых, да и, кажется, там нет ни одного казаха? В какую компанию попадет? Обрусееет совсем и не вернется к родному очагу». Что только не приходило в голову опечаленному отцу. Он не мог уснуть, ворочался с боку на бок. А Са-кена одолевали свои думы, и он с наслаждением отдавался сладким мечтам о будущем.

Сейфулла на сей раз приехал рано, до окончания учебы оставалось еще много дней. Свободный сын степи, он не мог сидеть в городе и решил вернуться домой. Он очень сдал за эти дня, ходил нахмуренный. Сделав покупки для детей и жены, уехал. Перед отъездом ничего не сказал Сакену. Но Ниязов был уверен, что Сейфулла в конце концов согласится.

Раз решение принято, возврата нет — так уж повелось у казахов.

После отъезда Сейфуллы фельдшер сказал Сакену, что прошение о зачислении в семинарию надо отправить в Омск заранее. Сакен засел за его составление. Но это оказалось не простым делом. Только через два дня

показал написанное Ниязову. Тот одобрил и лишь добавил: «сын потомственного почетного гражданина». Сакен посмотрел на него с недоумением.

— Ты же знаешь, что не одинаковы пять пальцев. Так и среди людей. Если ты скажешь, что ты «сын бедняка», на тебя будут смотреть свысока, не будет к себе почтения, хотя у тебя и светлая голова. Ничего не поделаешь, жизнь так устроена испокон веку. Богатство в почете. Да и ты сын не простого бедняка, ваши родичи потомственные богачи, все знают их. Ты не страшись этого слова, оно не будет лишним: отношение к тебе будет более сносное.

Итак, первое прошение, написанное самостоятельно Сакеном, отправилось в далекий Омск.

«Его Высокородию Господину Директору Омской учительской семинарии от ученика Акмолинского городского трехклассного училища, сына потомственного почетного гражданина из киргиз Нильдинской волости Акмолинского уезда Садвакаса Сейфуллина

Пршение

Желая поступить в Омскую учительскую семинарию стипендиатом, имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие о допущении меня к приемным испытаниям. Требуемые документы представляю лично с собой во время приема. От роду мне 18 лет.

О последующем прошу уведомить меня через управителя Нильдинской волости Акмолинского уезда. 1913 года, 15-го мая.
Садвакас Сейфуллин».

Отправив это прошение, Сакен облегченно вздохнул, будто свалил гору с плеч. Теперь надо хорошо окончить год в трехклассном училище, ибо оценки — это лицо поступающего, крылья для абитуриента. Памятуя об этом, он день и ночь готовился к экзаменам.

19 июня 1913 года пришло за номером 679 отношение от дирекции Омской учительской семинарии. Текст послания был какой-то холодный.

«Так как просителю уже исполнилось 18 лет, а в число

воспитанников пригготовительного класса семинарии принимаются лица только до 17-летнего возраста, то вопрос о допущении просителя к приемным испытаниям может быть разрешен педагогическим советом, который состоится не раньше 5 августа, когда вернутся из отпуска преподаватели семинарии, и означенные испытания начнутся 7 августа».

Показал Ниязову.

— А ну-ка подними голову. Тоже мне!.. Это еще не все, тебе, собственно, не отказывают. Постарайся сдать экзамены на «хорошо» и «отлично». И только тогда ты возьмешь верх. Не унывай, иди заниматься! — властно потребовал Ниязов.

Но Сакен потерял покой, его одолели мрачные думы. И вот из Омска пришло второе письмо, текст его был кратким и ясным: «Вы допущены к приемным испытаниям. Будете сдавать экзамены в первый класс. Приемные испытания начнутся 7 августа сего года». Сакен сразу же приободрился. Появилась надежда.

Экзамены в городском училище сдал уверенно и получил свидетельство:

«Предъявитель сего Садвакас Сейфуллин, родом 15 октября 1895^[9] года, магометанского вероисповедания, при отличном поведении и хороших успехах обучался в Акмолинском трехклассном городском училище с 16 августа 1910 года. В 1913 году переходит из первого отделения третьего класса во второе отделение того же класса и выбыл по желанию родителей из второго отделения третьего класса 21 июля 1913 года, в чем удостоверяю подписью и приложением печати училища.

Учитель-инспектор Ситников А.».

В плотно приталенной куртке, в сапогах на высоком каблуке, в красивом меховом боруке (круглая шапка) Сакен походил на джигита-сала, свободно и привольно разгуливающего по казахской степи певца-импровизатора. Да он и не лишен этого божественного дара.

Не спеша идет Сакен по Омску, рассматривает каждое значительное здание, встречающееся ему на пути. Изредка бросает взгляд на людей, но не замечает, что и сам стал объектом пристального внимания горожан. Не только национальная одежда, но и его стройная фигура, правильные черты лица, черные глаза и грациозная походка невольно приковывали к нему

взоры прохожих.

Вышел на окраину. Осмотрелся. Омскую учительскую семинарию в народе называли Сибирским университетом. Значит, она должна занимать самое красивое, самое большое здание во всем городе. А тут одноэтажные и двухэтажные домики. Сакен решил, что заблудился, как-никак он впервые в этом большом сибирском городе. Спросил у прохожего. Тот указал на длинное одноэтажное здание с мансардой в пять окон и с куполом. Немного разочаровался, но, подойдя поближе, заметил, что дом этот, построенный искусными руками сибирских умельцев из простого красного кирпича, очень хорош. Подошел еще поближе, и казавшееся маленьким и низким здание буквально преобразилось, вырастая с каждым шагом все выше и выше.

На площади, около главного входа, полно абитуриентов, они жмутся небольшими группками друг к другу. Одни в гимназической форме, другие в самой разношерстной одежде.

— Семинария здесь?

— Здесь. А ты откуда? — К Сакену подошел низкорослый, худощавый, с кривыми ногами паренек.

— Из Акмолинска, — с достоинством ответил Сакен, памятуя о популярности этого города. Ведь степное губернаторство именуется Акмолинской областью, хотя административный центр его в Омске.

— Прекрасно! А я из Атбасара. Меня зовут Турган-беком, сыном Байлина, — по-казахски общительно и любезно сообщил худощавый паренек.

— Сакен Сейфуллин из Нильдинской волости, — представился Сакен, в свою очередь.

— Пошли, здесь много наших, я тебя познакомлю. Сакен нехотя двинулся за ним. Поздоровался. В этой группе ребят стояли Иван Светличный из Кутуркульской станицы, Фаддей Бондаренко — из Макинки, Петр Кусков — из Алексеевки, Альберт Герт — из Сандыктавской станицы. Ребята дожидались очередной консультации. Они объяснили Сакену правила сдачи документов.

Здание семинарии внутри оказалось просторным и высоким. На стенах коридора — красочные картины, разнообразные диаграммы, чертежи, портреты. Сакен решил, что в таком здании учиться, видимо, интересно. Из комнаты наставников вышел сухощавый, бледнолицый преподаватель. Он направился к двери, на которой написано «Директор». Сакен решил подождать, когда от директора выйдет преподаватель, тогда зайдет и он. Но никто не выходил. Набрался смелости, постучал. Вошел в кабинет и

остановился у порога.

— Подойди поближе! — сказал резким тоном бледнолицый.

Сакен, крупно шагнув, подошел к большому столу, документы положил на край стола.

— Что за люди эти абитуриенты, никогда не подают документы в руки, и мы должны гнуть старые кости, — усмехнулся директор.

Сакен смутился, не зная, что ответить. Просмотрев документы, директор бросил:

— Надейся на бога и на свои знания, для Акмолинского земства выделено только две стипендии, а ты уже седьмой претендент. Значит, конкурс. Нам все равно, кто поступит, лишь бы был хороший, прилежный воспитанник. В коридоре расписание, аккуратно посещай консультации. До свидания.

Когда Сакен вышел из кабинета, ребята заинтересовались, как принял его этот злой и вредный человек. Его звали Васильевым.

— Вы же говорили, что я шестой. А он говорит, что есть еще один, седьмой претендент. Не знаете кто? — начал было Сакен, но в это время мимо них прошел Борис Кубрин, сын известного в Акмолинске купца. Сакен словно родного встретил, бросился за ним, закричал: «Боря, Боря!» Кубрин остановился, улыбнулся и надменно подал руку, другим же только кивнул.

— Ты тоже подал в семинарию? — заинтересовался Сакен.

— Подать-то подал, но, видимо, уеду в Петербург. Кубрин не понравился ребятам. Они точно определили, что Борис — любимый сынок денежного мешка.

— Абитуриенты, в класс! — Послышался звучный и приятный голос.

— Сегодня будет консультация по географии, как вы, господа, знаете из расписания. Люди добрые зовут меня Александром Никитичем, а фамилия моя — Седельников. Любите и жалуйте, — не то с иронией, не то с юмором начал Седельников свою консультацию. — Завтра вы познакомитесь с Александром Ивановичем Покровским, большим специалистом и знатоком русского языка и литературы. А потом отдохнете денька два, а седьмого августа, голубчики, будете дрожать и сдавать экзамены. Если на это согласны, господа, то я начну свое занятие. Есть вопросы? Нет? Превосходно!

Ребятам понравился этот приветливый и шутливый наставник. Привлекательная внешность, простая манера обращения как-то успокоили ребят. Как только он начал объяснять самые трудные разделы географии, ребята заслушались. Мигом пролетел час. Когда зазвенел звонок, всем

показалось, что прошло несколько минут.

— Бот у такого невольно географией заинтересуешься. Даже путешественником станешь, скитальцем по белу свету, — как-то просветленно высказал свое впечатление Турганбек Байлин. Ребята с ним согласились.

— Словно сказку послушали. И в каких только частях света за один час не побывали!

Вторая половина консультации была посвящена степному краю, охватывающему Акмолинскую и Семипалатинскую области. Во многих уездах и округах этих областей побывал Седельников как географ и этнограф. Ему известна казахская Сары-Арка, его нога ступала на северные окраины Бетпак-Далы — Голодной степи.

На следующий день консультацию проводил Покровский. Он очень доходчиво объяснял сложные правила грамматики, читал наизусть стихотворения великих русских поэтов. Но держался строго.

Утро 7 августа. Небо ясное, ни облачка. На площади семинарии столпилось 60–70 абитуриентов. Только мальчики. Одеты разномастно. Притихли. Все помыслы сейчас — как лучше написать сочинение.

Их пригласили в зал. Здесь полно наставников. У директора семинарии сегодня лицо суровее прежнего.

Перед тем как объявить тему сочинения, Васильев предупредил: никаких шпаргалок. К соседям в тетрадь не заглядывать. Выходить нельзя. Кто нарушит — моментально вон, и прощай семинария.

А за сим начнем письменную работу. Абитуриенты подготовительного класса будут писать изложение по «Евгению Онегину» Александра Сергеевича Пушкина. А абитуриенты первого класса будут писать сочинение на тему: «Мой родной край». Необходимо по возможности полно описать природу родной местности, хозяйственные занятия ее обитателей, культурные очаги, в общем, все то, что знаете вы о своем родном крае. При этом обязательное условие: свои мысли вы должны изложить правильно и литературно, без грамматических ошибок. Вопросы есть? Нет. Ну тогда в добрый час, приступайте.

Прошло довольно много времени, а Сакен еще не брал в руки перо. Сидел и думал. Мысленно составил себе план сочинения. Вспомнил свою родную широкую степь с ее реками, горами. Начал писать, но дело двигалось туго. Ручка, как ленивая лошадь, едва-едва плетется. Прошло еще несколько минут, и как будто ее кто-то подхлестнул, дело пошло веселее. Сначала он описал горы Ор и Аба, которые находятся в сердцевине Сары-Арки, и, все более удаляясь от гор, перешел в долину, где между

невысокими холмами приютился Спасский медеплавильный завод. Затем выбрался на равнину, где протекают реки Ишим и Нура. Обозрел просторы кургальджинских озер, заросших высоким камышом, где гнездятся неисчислимые стаи пернатых и водятся дикие кабаны. Поговаривали, что есть люди, встречавшие здесь и тигров.

Реки Ишим и Нура величаво текут по ровной степи, делая зигзаги, похожие на казахский орнамент, вплотную приближаются друг к другу в районе Кенбидаик и как бы наперегонки бегут дальше. Описал город Акмолинск: слава громкая, а сам-то он просто большой населенный пункт. Уже написаны четыре страницы, но что писать дальше, Сакен не знает.

А что, если эти описания сопроводить своими стихами, посвященными реке Нуре. Сперва написал по-арабски, а потом перевел на русский.

— Сочиняешь стихи? — Это над ним наклонился Покровский.

Сакен, погруженный в свои думы, вздрогнул.

— Да так себе! — смутился и скомкал бумагу.

— Зачем же? А ну-ка покажи.

Сакен развернул, подал. Покровский прочитал, но ничего не сказал.

Когда начали проверять сочинения, Александр Иванович нашел работу Сакена, читая, вспомнил годы учебы в Московском университете, тогда сам увлекался сочинительством — некоторые стихи его были опубликованы в газетах. Он и теперь в кругу знакомых иной раз, когда у него бывало хорошее настроение, баловался экспромтами.

Сочинение Сакена не тянет на 5. Но написано грамотно, да и как будто край свой родной он знает. Впрочем, учитель литературы никогда не бывал в этих местах. Решил посоветоваться с Седелниковым.

— Александр Никитич, вы пишете учебник по географии Акмолинской области. Знакомы ли вам эти места? — И подал сочинение Седелникову.

Тот, прочитав, сказал:

— Акмолинск, его окрестности описаны точно. И реки Ингам и Нура — тоже. Балованные сыны природы, они действительно величавы. Небольшие, не так глубоки, но все же красивы. А вот что он вначале описал, то мне незнакомо, видимо, это где-то около Голодной степи, ибо эти горы должны быть отрогами великого горного кряжа Центрального Казахстана. Да, Александр Иванович, сочинение-то недурно написано.

— А знаете, Александр Никитич, этот степняк еще и стихи складывает. Я читал подстрочник стихотворения, который он, видимо, хотел втиснуть в этот текст.

— Казахи — талантливый народ, — Седельников как-то даже посветлел в улыбке. — Степь щедра талантами, об этом не раз говаривал Григорий Николаевич Потанин.

Покровский знал: об этом писал и сам Седельников в восемнадцатом томе многотомной книги «Россия». Рассказывая о степном крае, он несколько страниц уделил казахской литературе, творчеству Абая Кунанбаева, в частности.

Итак, по конкурсу прошли Сакен и Турганбек Байлин. Они стали стипендиатами Акмолинского уезда. А остальные пять претендентов были вынуждены искать другие учебные заведения или же возвращаться домой ни с чем.

Волостной управитель Жакен привез в Омск единственного наследника, но в Омске управитель — не больше чем пешка. Он не знает покоя ни днем ни ночью. Рыщет по городу, ищет знакомых, близких, которые устроили бы его сына учиться. Ему помогают и такие покровители, как золото. Его у Жакена в достатке.

Экзамены Такай сдавал не блестяще, хотя деньги и здесь были подспорьем. Два дня осталось до последнего, решающего экзамена. Такай пристал к Сакену: «Что тебе стоит, иди сдай за меня, никто же не знает нас». Сакен ответил уклончиво, у него ведь тоже не все идет гладко.

Когда Сакен в радостном настроении вернулся из семинарии, узнав, что принят, Такай имел такой вид, словно только очнулся после многодневной попойки.

— Что с тобой? — спросил Сакен.

— Говорят, арифметику будем сдавать сегодня после обеда. Ни черта не знаю. Видимо, учеба не по мне, — жалобным голосом произнес он, сжимая голову ладонями.

Не удалось управителю устроить сына и в фельдшерскую школу. Они туда просто опоздали, и стипендии Акмолинского уезда были отданы другим. Сакен присутствовал при разговоре директора с управителем. И вышел из кабинета в раздумье: как можно отдать прикрепленные места представителям другого уезда, не подождав законных хозяев? Не хотят принимать, так и надо сказать, а то несколько дней впустую обнадеживали. Просто непонятно. Возвратившись домой, Сакен уселся за стол и с увлечением начал что-то писать. Наблюдавший за ним Жакен решил, что Сакен строчит жалобу. Полюбопытствовал:

— Что пишешь, Сакен?

— Статью в журнал «Айкап»!^[10] Разоблачать надо этих комбинаторов. Сакен начал читать.

Жакен, покачивая головой, твердил:
— Правда, да, сущая правда.

«В Омской центральной фельдшерской школе имеется 8 стипендий для казахов Акмолинской области, 8 стипендий для казахов Семипалатинской области (всего 16 стипендий для казахов Акмолинской и Семипалатинской областей), открытые царской администрацией. На эти стипендии за последние три года приняты только трое казахских подростков. Мотивируя тем, что казахские дети мало поступают в школу, губернаторы Акмолинской и Семипалатинской областей передали эти казахские стипендии детям русских уездов. В этом году 3–4 казахских подростка сдавали экзамены, но им отказано в стипендии, так как не оказалось вакантных стипендий, но их не приняли и на те свободные стипендии, которые предназначены для русских. Бедные казахские дети, не найдя ни у кого поддержки, возвратились домой. Один из них вынужден был учиться на свои средства. В следующем учебном году будут освобождены стипендии Акмолинской или Семипалатинской областей. Казахские юноши должны стремиться получить эти стипендии, иначе опять они окажутся в таком плачевном положении, как в этом году.

Сдают экзамен по русскому языку и арифметике. На возраст казахского юноши нет ограничения. Вступительные испытания начинаются в августе. В этом учебном году эту школу окончит юноша Какишев из Семипалатинска.

Сагидукас Сейфуллин»

Подписался и, сложив лист вчетверо, запечатал в конверт, написал адрес и отправил в город Троицк, где издавался первый казахский журнал.

Через несколько дней из Омска отправились в Петербург дети толстосумов: Борис Кубрин — легкомысленный сын акмолинского капиталиста, и Такай Ташмухамет Жакенов — шалопай степного владыки — волостного управителя. Сакен после проводов почувствовал себя одиноким в этом большом незнакомом городе.

Начались занятия. Все внимание теперь обращено па учебу. Нет свободного времени: на выполнение заданий и читку книг уходят дни и ночи. Даже в воскресенье Сакен не расстается с книгами. Он запоем читает

русскую литературу. Он очарован стихами Пушкина, Лермонтова, Блока.

Чем дальше, тем труднее становилось заниматься в семинарии. Расширились, углублялись программы по русскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии, естествознанию. Прибавились еще и новые предметы, такие, как физика, педагогика, рисование, черчение, ручной труд. Мусульманские дети освобождены только от изучения закона божьего. И если у них есть желание, то они могут посещать в пятницу службу (намаз) в мечети.

В семинарии дисциплина строгая, требования жесткие. Редко кто приходит на занятия неподготовленным. Если же кто-то не усвоил предмет, то ему обязательно еще раз объяснят. Для ленивцев нет прощения. Наказываются учащиеся и за несоблюдения правил общежития, за излишний шум-гам, за то, что несвоевременно лег спать, не вовремя решил отдохнуть.

Сакен был одним из успевающих и примерных воспитанников. Он аккуратно готовился к занятиям, старался получать только хорошие отметки. Наверное, поэтому преподаватели семинарии не замечали его мелкие недостатки.

Сакену не терпелось сообщить кому-нибудь из близких о своих делах, о своих первых успехах. Писать в аул не стоит. Зато есть возможность завязать переписку с Такаем Жакеновым. Он учится на частных земледельческих курсах в Петербурге.

Письмо пошло с оказией. Этак быстрее. Откуда мог знать Сакен, что это письмо обернется для него бедой, что он попадет в черный список царской охранки.

Первые подозрения на этот счет у Сакена возникли в конце ноября.

Зима в Сибири снежная. Если уж снег пошел, то так, чтобы потом лежать все шесть месяцев. И бураны сильные. Метут несколько дней кряду, глаза не откроешь. В один из таких ненастных дней Сакену встретился человек с приподнятым воротником. Он так и сверлил глазами воспитанника семинарии.

Во время перемен Сакен еще раз заметил того человека — он выходил из кабинета директора. А к вечеру он увидел его на углу общежития. Через два дня еще одна встреча. Сакен шел и почувствовал чей-то взгляд на затылке.

Обернувшись, опять увидел человека с вороватыми глазами, тот плелся за ним.

«Что ему от меня надо, где я, там и он», — подумал Сакен и повернул в сторону книжного магазина. Купив какую-то мелочь, он не решился идти

дальше, а направился обратно к общежитию. «Какие нехорошие глаза, может быть, какой-нибудь ворюга», — подумал Сакен.

Всю эту долгую зиму Сакен никуда не ходил. Только в семинарию и обратно в общежитие. Он заметно пополнил пробелы своего образования и особенно в литературе. Забыл он и о человеке-тени. И, уж конечно, не подозревал, что его письмо к Такаю попало в руки полиции.

А между тем помощник начальника жандармского управления Оренбургской губернии по Троицкому и Верхнеуральскому уездам ротмистр Кучин 18 ноября 1913 года направил в Омское жандармское управление особо секретное и совершенно срочное донесение за номером 735, в котором писал: «Препровождая при сем открытое письмо на татарском языке из г. Омска по адресу г. С.-Петербург, 10, Рождественская № 13 дома 31 Таж-Мухамеду Джакену, прошу экстренного распоряжения Вашего о переводе содержания этого письма и препровождении мне. Письмо это обнаружено было по моему требованию у Бирского мещанина Ермолая Степановича Михалева, заподозренного мною в передаче своего паспорта бежавшему из городской Красноярской тюрьмы 17 января 1906 года Вер Захару Евшумяцкому (Шумяцкому), проживавшему по паспорту означенного Михалева в г. Киеве во время кооперативного съезда в августе месяце с. г. Вместе с переводом и установкой автора письма прошу препроводить мне справку о политической благонадежности автора письма».

«Просьбу» ротмистра Кучина выполнял тот человек с вороватыми глазами. Он, чтобы выяснить содержание письма, вначале обратился к главному имаму казахско-татарской мечети — Шаймердену Альжанову. Имам перевел письмо на русский язык и объяснил, что здесь, кроме здравствуй и до свидания, ничего нет, но сам для себя запомнил имя — Садуакас Сейфуллин. 25 ноября в Троицк пошел ответ:

«Препровождаю протокол, составленный мною по осмотру через переводчика открытого письма на татарском языке, отправленного из Омска 30 сентября с. г. в Петербург на имя Таж-Мухамеда Джакенова.

Письмо это ничего интересного не представляет. Автором его является Сад (Сагид) Вакас Сейфуллинович Сейфуллин, потомственный почетный гражданин, 18 лет, Киргиз, ученик Омской учительской семинарии, проживает по удостоверению, выданному Нильдинским волостным правлением Акмолинского

уезда, а вышеозначенный Джакенов, его товарищ, — тоже киргиз Нильдинской вол. Акмолинского уезда, 16 лет, выехавший отсюда для дальнейшего образования в Петербург. 25 августа 1913 г.

Сейфуллин и Джакенов ни в чем предосудительном не замечались, и политическая их благонадежность сомнений не возбуждает».

Но это письмо Саксна не исчезло бесследно. И клубок продолжал наматываться. По-видимому, не без помощи учителя по ручному труду Генриха Ивановича Томпа. Во всяком случае, учившиеся с Сакеном в семинарии Венедикт и Александр Ивановы утверждают, что Томп подслушивал разговоры семинаристов, шпионил за ними.

Весною 1914 года состоялся курбан айт (религиозный праздник). Семинаристам-мусульманам в этот день был дан отгул. Они сидели в общезитии и не знали, куда бы направиться.

Турганбек Байлин предложил:

— Пойдемте на айт.

Старшеклассники Ныгымет Нурмаков, Ахмет Баржаксин, Магжан Жумабаев с подготовительного, а также сокурсники Турганбек и Сакен, разрядившись в пух и прах, направились в мечеть.

Мусульмане уже расходились с намаза. Но возле мечети оказалось много учащихся казахов из других учебных заведений Омска. Ныгымет и его друзья тут же познакомили Сакена с коллегами.

Последним из мечети вышел человек лет около тридцати. Магжан подошел к нему и по-мусульмански поприветствовал его.

Пожимая руки молодым шумливым шакиртам, имам Шаймерден Альжанов лукаво спросил:

— Почувствовали свободу и наконец-то нашли дорогу и в нашу сторону?

Сакена удивило такое простое обращение человека, у которого на устах всегда должно быть слово «аллах».

— Кроме Магжана, все вы и не мусульмане и не кафиры.^[11] В семинарии, выдавая себя за мусульман, пропускаете мимо ушей шаригаты Гайсы.^[12] Но в мечеть слушать наставления Мухаммеда не ходите. Кто же вы все-таки? Выходит, что всех вас надо будет по одиночке пропустить через пороги «медресе Галии»^[13] в Уфе?

Более опытные шакиры стояли и улыбались, а новички не знали, что

ответить. А ведь и правда, кто они на самом деле?

— Многих узнаю, а этот мальчик кто будет? — Шаймерден указал на Сакена.

— Сакен Сейфуллин, в семинарию поступил в этом году.

— Кто, говоришь? Имя — казахское, а фамилия — татарская, — переспросил имам.

— Настоящее мое имя — Садуакас, из волости Нильди, что в Акмоле, — поправился Сакен.

— Не ты ли писал в недавний номер «Айкапа» об Омской фельдшерской школе?

Товарищи с удивлением посмотрели на Сакена. Но ему неизвестно было — напечатана его статья или нет. И спросить у самого имама неудобно. Лучше уж отмолчаться, чтобы не оказаться в неудобном положении.

Пока Сакен был занят своими мыслями, имам спросил у Турганбека Байлина:

— А ты из каких краев?

Поведение имама окончательно сбило с толку Сакена. Обычно имамы, муллы указывали на кого-нибудь подбородком, а этот, как аульный казах, пальцем тычет...

— Раз вам нет дела до религии, значит, нужно просто развлечься. Не так давно я смотрел представление татар. Ничего плохого нет, если увлекаешься прекрасным. Вы сами, наверное, тоже смотрели? Много казахов работает на железной дороге и в затоне. Почему бы и вам не организовать для них концерт? Разве не найдется среди вас певцов, домбристов?!

— Ведь мы не знаем даже, с чего начать, — ответил было Сакен.

— А что же ты думаешь, люди с пеленок все знают? Лучше признайтесь, что нет у вас желаний и нет у вас единства. Вместо того чтобы строить отдельные шалаши, не лучше ли веем вместе поставить один большой дом? Здесь, в Омске, вас, казахских джигитов, более ста, — сказал Шаймерден и, не попрощавшись, ушел.

Сакен все раздумывал над словами имама. Станный все же этот имам. Ведь обычно из уст человека религии никогда не услышишь ничего обыденного, житейского, а лишь: «В коране сказано так, в аят-хадисе^[14] говорится этак».

Сакен держал путь на базар. Туда приходили все шакирты в свободное от занятий время. Посмотреть, не приехал ли кто из аула. Полакомиться. Покупали вареное мясо, а то и свежее. Иногда даже целого барана в

складчину. Потом шли к знакомому готовить мясо по-казахски.

Сакен поравнялся с Ныгыметом Нурмаковым. Отправились дальше вместе. Прошли по центру базара, подошли к мясному прилавку — никого нигде. Повернули в ту сторону, где обычно продают живой скот. Увидели: группа шакиртов толкует о чем-то между собой. Похоже, не могут решить, как поступить. Они тоже увидели Сакена и Ныгымета, обрадовались. Стали звать к себе.

Чернявый джигит объяснил Ныгымету суть дела:

— Хорошо, что вы подошли. Жирное нам не по карману, а тощее не устраивает. Вносите свои доли, есть куда пойти, — сказал и протянул руку.

— Ну что же, — согласились друзья.

Теперь предстояло не менее важное дело — выторговать приглянувшегося барана. Как по команде, окружили джигиты со всех сторон стоявшего с краю торговца. Собрались здесь и те, кто хотел посмотреть, как торгуются шакирты.

— Ну, аксакал, договоримся за два рубля семьдесят пять копеек?

— Нет, миленький. Три с полтиной. Нисколько не сбавлю.

— Значит, сколько сказал, столько и возьмешь?

— Что же, по-твоему, я приехал издалека, чтобы сбыть свой товар по дешевке?

Когда же были невеселы шакирты? Им интересно, как торгуется аксакал. И тот чернявый докучал ему, добавляя по копейке. Наконец сошлись на 3 рублях 30 копейках.

Итак, с каждого по тридцать копеек — все разом полезли в карманы. С веселым гамом повели барана прочь. Вручили барана знакомому. Сами расположились на пригорке возле дома. Стали ждать бишбармак. Тем временем завели беседу.

— Мухтар, — сказал Ныгымет чернявому джигиту, — мы ведь искали именно вас. Ты уже около четырех или пяти лет живешь в Омске. Многих знаешь, да и повидал немало. — И он рассказал о разговоре у мечети.

— Тебя интересует татарская организация «Гомуми»?^[15] Я знаком кое с кем из этой группы. Но имей в виду, полиция не дает им покоя.

— Скажите, кто-нибудь из вас слышал, чтобы казахская молодежь имела свою организацию?

Никто не ответил Мухтару.

— Ни «Айкап», ни «Казах»^[16] об этом не пишут, — вставил Магжан, стараясь показать свою осведомленность.

И снова все замолчали, прислушиваясь, как бурлит в казане

бишбармак.

— Здесь нас немало, давайте для начала создадим группу в составе Мухтара, Сакена, Магжана, — предложил Ныгымет.

— А для чего?

— Чтобы потом эта группа создала нашу казахскую молодежную организацию.

— Хорошая мысль. Но я думаю, что Ныгымет тоже должен войти в эту группу.

— На том и порешили. Зато сколько споров, волнений вызвал вопрос, как назвать организацию. В предложениях не было недостатка: «Айна» («Зеркало»), «Игилик» («Доброе дело»), «Жастар кауымы» («Общество молодых»), «Котерил» («Поднимайся»), «Талап» («Стремление»), «Бирлик» («Единство»).

— А ведь имам прав, говоря, что у нас нет единства. «Где есть единство, там есть жизнь» — такова народная мудрость. Я поддерживаю название «Единство». Во-первых, оно более точно определяет те цели, ради которых мы объединяемся. А с другой стороны, пусть название это свидетельствует о том, что впредь у казахов возникнут и другие организации. Важно положить начало. — Сакен не был уверен, что выразил общие мысли.

Заговорил Магжан:

— Я не против, чтобы называть наше общество «Вирлик» или «Талап», «Игилик», — названия эти, бесспорно, очень хороши. Но все же думаю, что лучше было бы назвать «Айна». Зеркало отражает лицо человека. Это не то зеркало, в которое ежедневно по многу раз смотрится красавица. Я говорю о священном зеркале, в котором отражается внутренний мир людей. И это зеркало — мы. Год тому назад молодые казахи в Уфе горели желанием создать свою организацию «Талап». Нас было немного, и все равно единения мы так и не добились. — Магжан сказал об этом с горечью. Но его слушатели уловили иную мысль: «Я побывал во многих городах, многое повидал — не то, что вы».

— Абай всю свою жизнь осуждал казахов за отсутствие единства, взаимопонимания. Почему бы нам не осуществить его мечту! «Зеркало» найдем в любое время, если нам захочется полюбоваться собой, — съязвил Са-кен. Джигиты засмеялись. Магжан набычился, хотел ринуться в словесную драку, но его остановил Ныгымет.

— Мы еще ни о чем не договорились, но уже среди нас нет единства. Давайте поручим орггруппе выбрать самое подходящее из перечисленных здесь названий. О своем решении они сообщат, когда мы соберемся вместе.

— Ныгымет вовремя притушил разгоревшиеся страсти.

Каникулы организаторов пролетели в хлопотах. Ныгымет по договоренности с главным имамом мечети Шаймерденом Альжановым должен был провести собрание шакиртов и казахской молодежи города, собравшейся на намаз. Но об этом собрании не должны были знать старики. Они и без того с недоверием посматривали на молодого имама. Особенно следили за каждым шагом Шаймердена верующие татары.

Бывший имам мечети и его приспешники преследовали Шаймердена — нового имама. Они распространяли слухи, будто он был тесно связан с большевиком Куйбышевым. И даже работал на железной дороге. Что его выследили и он вынужден был сбежать в Стамбул.

Они говорили, что вовсе он и не учился в Стамбуле, что все это ложь, а он невежда. Но клевета как-то не приставала к молодому имаму. Его хулители потягаться с ним в знаниях не могли. И первые, кто поверил ему безраздельно, были молодые казахи из различных учебных заведений Омска.

Скоро наступит горячая пора экзаменов, а затем долгожданный отдых, поэтому организаторы нового общества поторопились созвать всех, кто хотел бы в общество войти. Не успели оповестить только казахов, обитающих в затоне.

Иртыш уже вошел в свои берега, но еще не наступили жаркие дни, и потому ни у кого не вызвало удивления, что сотня молодых людей с песнями, шутками переправились через реку и расселись на берегу неподалеку от какой-то сторожки. С левого берега Иртыша хорошо просматривается затон, видно, как копошатся вокруг каких-то судов рабочие, ползут по реке буксиры. Обычная картина трудовой части города Омска... Но у шакиртов сегодня день праздничный.

Кое-кто притащил с собой казаны, кто-то тянет за рога упирающихся баранов. Уже запылали костры, и вспорхнули над водной гладью первые песни.

Но казахи собрались здесь не только для веселья. Сегодня они собрались, чтобы услышать программу нового общества, утвердить ее, окончательно договориться о названии.

Открыл собрание имам Шаймерден. А честь представлять собравшимся проект программы, разработанной оргкомитетом, выпала на долю Ныгымета.

Он прочитал:

— «Ввести казахский народ в ряд народов с развитой культурой и литературой, возродить в народе чувство национального достоинства.

Чтобы добиться этой цели — развивать у молодежи чувство любви к своей нации, организовать сбор народной литературы, издавать эту литературу в виде брошюр и книг, издавать пьесы для театров, газеты и журналы, учебники для начальных и средних школ, открывать подготовительные курсы для шакиртов, желающих учиться, оказывать помощь нуждающимся шакиртам, организовать казахский театр, показывать спектакли, концерты и другие представления».

Ныгымет кончил — молодежь одобрительно зашумела, зашевелилась.

— Не все пока доходит до нас. И все-таки затеяли вы доброе дело, — головы собравшихся повернулись в сторону просто одетого парня, что сидел на пороге сторожки, — Ильяса Бекенова. — Я был среди татар, — продолжал он, — когда работал на судженской угольной шахте. Помню, татарские джигиты часто давали представления, концерты, развлекали народ. Много нас, казахов, работающих ломовыми в Иртышском пароходстве. О них подумать надо — защитить их от баев и разных других насильников.

Начало прениям было положено. Теперь каждый торопился высказаться. Поднялась с места юная девушка и, не смущаясь большим обществом, сказала:

— Все вы знаете о том, как тяжка доля девушек и женщин — казашек. А не подумали вы о предоставлении нам равноправия?

Это была Гулия Досымбекова, она училась в Омском фельдшерско-акушерском училище.

Мнений было много, самых разных. Как и вопросов, которые предстояло решить.

Как организовать концерты для рабочих-казахов? Кто, где и как займется собиранием казахского эпоса и образцов письменной казахской литературы? Западносибирское отделение Российского географического общества создает специальную комиссию, Потанин снаряжает экспедицию, которая должна отыскать сокровища устного творчества казахского народа. Это ли не поприще для приложения сил и талантов казахской молодежи, учащихся семинарии, фельдшерской школы? Сказы, песни, легенды, бережно хранимые народной памятью, не должны исчезнуть. Их нужно записать, классифицировать, издать.

Об этом с большой страстью говорил на собрании Ахмет Баржаксин. Его поддержали:

— А разве нет среди собравшихся своих поэтов. Разве Сакен не пишет стихов? Пишет! И ему нужно помочь издать их.

Нашлись и скептики. Слово попросил джигит в очках, одетый в

костюм-тройку. Это Мусылманбек.

— Я лично, — сказал он, — понимаю дело так, что многое из того, что мы намечаем, — фантазия. Впрочем, — заключил он, — я не против создания такой организации.

Снова поднялся Шаймерден. Поставил на голосование программу. Раздались голоса: «Принять».

— Теперь нам надо решить еще два вопроса. Как назовем организацию? Джигиты, подготовившие проект, предлагают два названия: за «Бирлик» проголосовало большинство, а за «Айна» — меньшинство. Какое из этих двух выберем? Я лично не скрываю, что мне по душе «Бирлик»,

Голоса с мест поддержали:

— «Бирлик»,

— Пусть даст нам бог единство мыслей, единство целей.

Начались выборы руководителей «Бирлика». Все заговорили разом, называя имена одно за другим. Шаймерден сказал:

— Ныгымета вы знаете, Саматов Мухтар, покажись народу. — Мухтар поднялся. Затем поднялись Сакен и Магжан.

— Каждый из них учится. Четверых будет, наверное, маловато, — засомневались некоторые.

— «Если много будет биев, то не будет конца спорам», — говорят в народе. Пока этих достаточно. Советчиком им будет имам. Включить в состав руководителей и его, — предложил кто-то.

Все поддержали его.

Так закончилось первое организационное собрание «Бирлика».

Трудно вести серьезные разговоры, когда рядом звучат песни, когда кто-то уже организует крут и вот-вот в него вступят танцоры.

Сакен вдруг вспомнил — ведь ему, и никому иному, поручено руководить всей художественной самодеятельностью сообщества.

А что, если сейчас, не откладывая на завтра, устроить импровизированный концерт для казахов, работающих в затоне. Найдутся и солисты, уже есть спевшийся дуэт, да и музыкантов более чем достаточно.

К пяти часам вечера в затоне собралась масса желающих присутствовать на концерте. Какие-то джигиты успели оповестить об этом всех казахов-рабочих.

А Сакен растерян. Он же знает, с чего начать, он плохо представляет, кто из его товарищей по «Бирлику» владеет домброй, а кто поет.

Сакена выручил Шаймерден. Оказывается, имам все время был среди молодых, веселящихся казахов. И теперь он пришел на помощь растерявшимся организаторам концерта.

— Это только начало, — сказал имам, — не обессудьте, если первый концерт шакиртов не всем понравится. Они дают его в счет будущего. Но и от вас они ожидают помощи. Помогите организации «Бирлик» кто деньгами, кто книгами, а кто и своим талантом.

Сакен после окончания концерта так и не мог разобраться, прошел ли он с успехом или первый блин оказался комом.

Кончился учебный год, и заторопились ребята-казахи в свою просторную степь, словно птицы, улетающие в теплые края. Члены «Бирлика» записывались в экспедицию, снаряженную географическим обществом для сбора казахского эпоса. Они не требовали себе оплаты. Они готовы работать безвозмездно, чтобы заработанные деньги пошли в фонд их организации.

Сакен наслаждался отдыхом в родном ауле на берегу реки Нуры. Позади волнующие встречи с родными и знакомыми, и жизнь вошла в привычную колею. Но Сакен в это лето не поехал в степь с ружьем. Он собрал своих молодых друзей, раздал каждому из них по тетради и дал задание: переписать все легенды и сказки, которые они слышали. А сам всерьез засел за книги и стихи.

Но мирные занятия поэзией были прерваны страшным известием. Германия начала войну против белого царя. Несколько дней аул гудел как улей. Обойдет ли их эта война стороной? Из Акмолинска пришли успокаивающие вести. Там пока все тихо. Затих и аул.

Между тем журнал «Айкай» напечатал стихотворение Сакена «Родина моя, аул мой». И на время это событие оттеснило для Сакена все другие.

Стихотворение, опубликованное в «Айкапе», прославило Сакена в родном ауле и вызвало у него новый приток поэтического вдохновения. Ни днем ни ночью не расстаётся он с бумагой и карандашом. И нет ему покоя от аульчан. Взрослые приходят с просьбой написать какое-нибудь прошение, посоветоваться, куда лучше определить детей учиться. Сверстники зовут на алтыоакан или на той.

И всюду он желанный гость — поэт, воспевающий родной аул, рассказавший всем, как тоскливо ему жить на чужбине вдали от бескрайних степей.

А Сакен не выпускает из рук книжечку стихов Абая.

Великий поэт подсказал ему новые мысли, новые образы. И Сакен

пишет стихотворение «Акын».

*Как золото слова твои для умных,
А для невежды — лишь холодный ветер;
Он в мыслях не вынашивает думы,
Чтобы народ мой повести к рассвету.*

Как вывести из тьмы отсталый народ? «О казахи мои, мой бедный народ!» — в этих грустных причитаниях вся жизнь» Абая. Неужели мы в самом деле беспомощный народ? Кто в этом виноват? Управители? Волостные? Наверное, и они. Но интеллигенты и вообще-то способны больше на разговоры. А у наших слова и вовсе расходятся с делом. Но есть ли вообще люди, которые могли бы руководить нами? Во всяком случае, это не баи, баи пекутся только о своем скоте, и нет им дела до народа, чьими руками создана вся земная красота.

*У нищих ни двора и ни кола.
Но есть у них мозолистые руки.
Без них засохнет щедрая земля...
Ты не постигнешь той земной науки.
За правду можешь осудить меня,
Но, повторяю, нет в тебе огня.
Ты даже тем, что за душой имеешь,
Распорядиться толком не умеешь.*

В этих строках нашли выход думы, мучившие его еще задолго до того, как он впервые взялся за перо. А разве не о том же думал Абай? Разве он не призывал свой народ к свету, знаниям. Ужели все дело в богатстве?

*Бай до поры богат — пока цел его скот,
Невежество богатством прикрывая.
Но нищий в ноги баю не падет,
Пока душа у нищего живая.*

Нет, бедняк богаче бая. Он не трясется над своими гуртами — у него их попросту нет.

Ты, Сакен, теперь уже по-новому видишь родной аул, внешне такой благополучный, а изнутри сотканный из противоречий, теперь бы ты не написал этих стихов — «Переезд на джайлау» и «Сладкий кумыс джайлау». Но поздно. Он уже послал одно из них в журнал «Айкал».

Сама жизнь подсказывала Сакену темы и настроения для стихов. Однажды он встретил круглого сироту-мальчика. Он жил где придется, кормился чем бог послал и готов был взяться за любую работу. Но ведь он только мальчик. И еще не умеет сдерживать слезы. Горькие слезы сиротства.

*Кто же посочувствует тебе
В том, что ты остался сиротой?
Плачешь ты и смотришь на детей,
Что веселой заняты игрой.*

*Нет теперь таких средь мусульман,
Что тебя могли бы приласкать.
Не нуждался б в ласке мальчуган,
Живы будь отец его и мать.*

Ну, допустим, что ребенок, оставшийся без отца и матери, живет тяжело, впроголодь, бесприютно, — кого это удивит. Но разве не сироты и те дети, которые, имея и отца и мать, вынуждены падать на колени перед баями. Иначе им не прокормиться. Сакену тогда казалось, что эта беда только его народа. Что казахи мало приспособлены к труду, разобщены и поэтому не могут идти в но-ГУ с другими народами. Но Сакен заблуждался. Он готов был обвинить казахскую молодежь в праздности, в нежелании учиться, овладевать ремеслами. Эти заблуждения были рождены болью за свой народ. И болью полны его стихи.

Он мечтает о человеке, просвещенном человеке, который встал бы во главе народа. Вот каким он должен быть:

*Братом называли б человека,
Если б он к единству звал народ.
Если б он пресек все распри века,
Бросив клич отчаянный: «Вперед!»
Если б он, переборов невзгоды,
Стать примером для людей сумел,*

*Если бы он для счастья народа
Жизни бы своей не пожалел.*

Кому дано проникнуть в думы поэта, когда он в одиночестве склонился над столом и как клятву повторяет запавшие в память слова: «Своей рукою твори свес счастье, Италия». Может быть, он ищет рифму? А может, просто перебирает мысли, словно настраивает домбру? Но он думает о народе, о его будущем. И о том, что казахский народ сам должен помочь себе.

Если не просвещенные, то кто же еще позаботится о своих темных собратях? Иначе оставалось бы надеется на всевышнего. Ведь баи — одни готовы душу продать за лишнюю сотню баранов, другие — дома не покидают. Сидят, укрывшись в жеребьячи шкуры. Жизнь, жизнь, для баев ты сладка, для бедняка как яд.

Если бы Сакена спросили, о чем это он бормочет над чистым листом бумаги, то он не сумел бы ответить.

*Брось игру, учись, мечтай, мой брат,
Веселись,
в полет стремись, дерзай.
Думы детства попусту не трать.
Знаниями сердце наполняй.*

*Мы пока что в полутьме сидим.
А богатым ярко и в ночах.
К свету, люди!
Свет необходим,
Зажигайте свет в своих сердцах!*

Пройдут годы, прежде чем Сакен поймет источники бед не только его народа, но и других народов России, закабаленных царизмом.

Нужно возвращаться в Омск. Окончились вакации. Но у Сейфуллы нет ни копейки денег на дорогу сыну. А путь не близкий — семь-восемь дней. Найти бы попутчика. Сейфулла рыщет по аулам. День, другой. И однажды радостно сообщил Сакену:

— Сынок, готовься! Нашлись попутчики!

Попутчики оказались кереями^[17] и торговали лесом.

Понемногу завязался разговор, хотя братья были хмуры и молчаливы. Сакен убедился в верности народной пословицы: «Если у кереев родится сын, то дереву цвествь». Какой бы разговор они ни повели, с их уст не сходят слова «дерево», «лес». Как только сойдутся — все толки о лесорубах, столярах, плотниках. О Бакижане, искусном резчике по дереву, о срубщике Рамазане, о силачах Мукуше и Жумане, которые могут уволочь огромное сосновое бревно.

Далеко ли уедешь на волах? На четвертые сутки еле добрались до родных мест кереев. Дальше, в Омск, Сакену предстояло ехать с другими попутчиками.

Начавшийся еще с Аккуля перелесок при подъезде к Борли превратился в непроходимый лес. Здесь нетрудно было бы и заблудиться. Кругом сосны и березы. Когда солнце опустилось уже совсем низко, путники подъехали к аулу.

— Ну как, с удачей вас нынче? — спрашивали братьев аксакалы, изредка бросая взгляд в сторону незнакомого им Сакена. К приезжим подошел смуглолицый, рябой джигит, низенького роста, с блестящей медной пластинкой на лацкане форменного кителя и в фуражке набекрень.

— С благополучным возвращением, что ли? Что-то не очень веселы. Видно, все продали за бесценок? — с улыбкой заговорил он. — Ничего, к осени лес подорожает. — Он тоже вопросительно посмотрел на Сакена. Глава обоза объяснил ему суть дела. — А, значит, дальше поедем вместе, тогда пошли, — сказал и направился к деревянному дому, что стоял поодаль.

— Лес — это богатство нашего аула. Только им и живем. А я работаю лесничим в лесохозяйстве «Отрадный».

Ташмагамбет, так звали нового знакомого Сакена, оказался человеком общительным и хорошо говорил по-русски. Судя по всему, был одним из интеллигентных людей в ауле.

Сакену, выросшему в степи, в доме из дерна, этот деревянный дом в ауле — с резными украшениями, высоким потолком и дощатым полом — казался удивительным. Буфет, спинки стульев и дивана, кровати, сундуки сделаны из добротного дерева и украшены резным орнаментом.

Заметив интерес Сакена, Ташмагамбет сказал:

— Всю эту мебель сделали наши мастера, а орнаменты и украшения — дело моих рук. Мы не знаем, что такое джайлау. Всю зиму мы заняты заготовкой лесоматериала, чтобы летом увезти его в Акмолу. Занимаемся земледелием, сеем понемногу, сажаем картофель. Кроме двух-трех домов калмыков, все мы одного рода.

— Батен, приготовь обед, гость в доме, — предупредил Ташмагамбет жену.

И пока пили чай и ели мясо, Сакен вдоволь наслушался всяких историй из жизни этого лесного края. Аульные старшины, волостные старосты причиняли немало бед аульчанам и здесь.

Сакен торопился, но его попутчикам — хозяевам лошадей и подвод — торопиться было некуда. По пути они заехали в Кутыркульскую волость. После села Боровое повернули подводы на Кокчетав. И, только получив в волостях и уездах необходимые бумаги, напрямик направились в Омск. Лишь в конце августа, правда, безо всякой платы, знакомясь по пути со многими местами и селениями, Сакен наконец добрался до Омска. В городе полным-полно войск. По железной дороге один за другим идут эшелоны. На вокзале шум, песни, плач.

Были и иные новости. Главный имам Шаймерден Альжанов бросил службу в мечети и поступил шакиртом в Омскую центральную фельдшерскую школу. Это вызвало немало толков и пересудов среди верующих татар. Они говорили: «Наш имам превратился в кафира. Смутьяна ждет кара аллаха». Муллы, желающие заполучить должность имама, тайно отбыли в Уфу к муфтию.^[18]

Начались занятия. В этом году на подготовительный курс семинарии из числа казахских ребят поступил только один человек. Не очень-то много казахов было принято и в другие учебные заведения. На первое же собрание «Бирлика» пришли все его прошлогодние члены, пришел Шаймерден. Но были и новички. Им растолковали цели и структуру организации.

Потом слушали отчет тех, кто летом собирал образцы народного творчества. Ахмет Баржаксин доложил, что работал в экспедиции по Каркаралы, наряду с поговорками, пословицами, сказками, сказаниями он записал народные шутки-прибаутки и остроловия шаншарских хитрецов. Мухтар тоже выезжал с экспедицией, рассказал о традициях и обычаях Семиречья, его природных особенностях.

И все же оказалось — больше всех сделал Сакен. Он ведь раздал тетрадки друзьям — джигитам. И они постарались.

Сакен не скрыл к тому же, что написал новые стихи. Собравшиеся потребовали: «Ну-ка, почитай!» Всем понравился «Казах-неуч» и «Братишке». Но Магжал возразил:

— Сакен призывает в своих стихах учиться. Что же, учиться надо. Правильно. Но тема ли это для стихов? Любовь — истинная, священная тема поэзии. Только любовной лирикой и можно измерить дарования поэта.

— Твое, Магжан, стихотворение о любви я прочитал. — Это Ныгымет вступился за Сакена. — В нем только и есть: «люблю и от любви сгораю». Так, подражая старым бардам, можно и окоченеть в любовных объятьях. Ты лучше скажи: есть у Сакена поэтическое дарование или нет? По-моему, есть. И разве не у каждого в мыслях то, о чем говорится в его стихах? Мы клянемся, что будем служить народу. Почему же должны мы избегать социальных стихов? Для отсталого народа нужны в первую очередь такие стихи. Мое предложение — издать стихи Сакена, а выручку внести в фонд «Бирлика».

На том и порешили. Теперь слово взял Шаймерден.

— Многие нас спрашивают, — сказал он, — когда же шакирты снова покажут концерт. Только вчера из затона приезжали двое. Что будем делать?

Магжан не преминул съязвить:

— Звезда Сакена горит нынче ярче всех. Ведь организация концертов — тоже его дело.

Сакен улыбнулся:

— Что могу я сделать один? К тому же и репетировать негде. Я слышал, что зал коммерческого училища пустует. Мухтар, может, сумеем его снять? Можно бы подготовить к постановке пьесу. Вот только какую?

Заспорили. У каждого нашлись свои предложения. Так и не пришли к согласию.

Под конец собрания кто-то решился задать Шаймердену вопрос: почему ушел он из мечети, поступил в фельдшерскую школу?

— Это длинная история, — попытался было отговориться Шаймерден.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, — попросили все.

— Хорошо, — сказал Шаймерден, — тогда послушайте.

И он стал повествовать о том, как созрело в нем его решение. Он говорил, что народ темен и угнетен и нуждается в деятельной помощи. Что имам, хочет он того или нет, обманывает народ, ибо призывает положиться на волю аллаха. Что он, Шаймерден, устал от обилия пустых слов. Что пора делать реальное дело.

— Рана на теле вылечивается не словами, а лекарствами, — закончил он. — Став врачом, я принесу людям больше пользы.

Шаймерден, самый старший из «Бирлика», говорил, и слова его шли от души. Все примолкли. И каждый мысленно примерял их к себе. Думал: «А я, правильно ли я выбрал свою дорогу в жизни?»

У Сакена прибавилось хлопот. Оказывается, легче всего принять

решение о том, чтобы его стихи вышли отдельной книгой, зато как трудно привести их в систему. Он заново перечитал все, что написано. Те стихи, которые нравились, переписал начисто. Некоторые стихотворения переработал. Когда же все было готово, написал «несколько слов от автора»:

«Человеку, который впервые знакомится с этими стихотворениями, может показаться, что в некоторых строках одно слово лишнее или, наоборот, его недостает. Такое впечатление — следствие недостаточного знакомства с казахской литературой, потому что в разных краях могут быть разные песни, разные кюи. Эти стили написаны по мотивам народных песен Акмолинского края. Прошу дорогих читателей не судить автора строго...»

Несколько дней Сакен промучился в поисках названия для своего сборника. Никак не мог остановиться ни на одном из двух понравившихся ему: «Плоды молодости» или «Минувшие дни».

Потом решил, что эти стихи — все же память о минувшем. Ныгымет Нурмаков от имени издателей написал предисловие:

«Слово «литература» легко произносить, но очень трудно ее создавать и развивать. Как бы ни был образован народ, у всех литература обретает совершенство не сразу, а постепенно. У некоторых это достигается быстрее, у других — медленнее. Причина этого, конечно, кроется не в литературе, а в самом народе: чем больше в народе будет людей, поддерживающих литературу, тем быстрее она будет развиваться.

И вот, учитывая все это, мы, казахская молодежь, издаем эту книгу нашего товарища. Цель наша не в извлечении какой-либо выгоды, а в том, чтобы не пропадали такие таланты, в том, чтобы они росли и росла казахская литература... Мы предлагаем вашему вниманию эту книгу, чтобы вы поняли смысл народной мудрости: «С миру по нитке — голому рубаха», «Золотая бусинка не пролежит долго на земле». Казахская молодежь».

В назначенный день Сакен принес рукопись Шаймердену, у которого застал готового к отъезду в Казань имама Иркутской мечети Баязита. Они сидели за столом, на котором красовалась бутылка с этикеткой «Ром». Оба имама покраснелись.

Баязит при виде Сакена почувствовал неловкость, но Шаймерден его успокоил и разделил остаток рома на две чаши.

— Ну, счастливого тебе пути! Если эту книгу ты не сумеешь издать, то грош цена твоей дружбе, — пошутил Шаймерден.

— Прежде всех своих дел возьмусь за книгу. Слава аллаху, брат поможет. В Казани у меня много друзей, — заверил Баязит.

Организация концертов и иные поручения «Бирлика» мешали учебе. Сакену не хватало времени, и он вынужден был пропускать занятия по ручному труду, пению и черчению.

27 октября 1914 года на педагогическом совете семинарии был поставлен вопрос об итогах первой четверти. Вот здесь-то учитель по ручному труду Г. И. Томп, а также преподаватель черчения и рисования И. В. Волков и обрушились на Сакена за неуспеваемость и плохое поведение. А комендант общежития еще и добавил от себя. Он перечислил дни, когда Сакен с опозданием возвращался домой, нарушал дисциплину. Припомнил и то, как Сакен, ссылаясь на мусульманские обычаи, уходил без разрешения. Вспомнил, что тот несвоевременно рассчитался за полученную в магазине Шанина одежду в кредит.

Оценка 4 за поведение — редкий случай в истории семинарии. Но на сей раз Сакену поставили 4.

Директор семинарии Васильев приказал издать постановление, в котором перечислялись все проступки Сакена. С него была удержана стипендия за два месяца, и в довершение всего ему не разрешалось отлучаться из общежития позже шести часов вечера.

Директор долго беседовал с учителем Томном, а потом пригласил к себе соклассника Сакена, сына русского переселенца — казака Леонида Емельянова, и предложил ему установить тайную слежку за каждым шагом Сакена. Обо всем замеченном тот должен был информировать лично директора. Немало смущенный этим поручением, Леонид молча вышел из кабинета.

Отозвав Сакена в сторонку, все без утайки рассказал ему:

— Посоветуй, что мне делать?

Сакен был благодарен Леониду за товарищеское предостережение и откровенность. И, немного подумав, сказал:

— Ты не волнуйся, давай будем дружить. Но все же ты хоть изредка навещайся к директору и говори ему: «В поведении Сакена пока не обнаружено ничего подозрительного. Все разговоры его в основном сводятся к шуткам-прибауткам. Ходит он к одной татарочке. Видимо, влюбился в нее».

Сакен хорошо знал, что нужно быть осторожным. Но он не мог и не хотел уклоняться от выполнения поручений «Бирлика». Как жаль, что им никак не удастся найти подходящей пьесы! Понадеялись было на опубликованную в журнале «Айкап» пьесу «Манап» («Богач»). Сакен прочел, не приглянулась. Издатели «Айкапа», публикуя эту пьесу,

обратились к своим читателям: «Если эта драма понравится нашим читателям, то мы намерены издать ее отдельной брошюрой. Но мы пока не уверены в том, что она вам понравится. Поэтому просим читателей: напишите нам свое мнение о том, достойна ли драма «Манап» быть изданной отдельной книжкой». И Сакен сочинил статью, в которой раскритиковал пьесу.

«Уважаемый Мухаметжан-ага, — писал он, — не утруждайте себя выпуском «Манапа» в таком виде отдельной книгой: написавший эту вещь уездный начальник не имеет представления о жизни казахов. Или же он сочинил это с целью высмеять их? Хотя он и утверждает, что сюжет «Манапа» достоверен, что его герои живут и здравствуют, сама драма нисколько не отражает жизненного уклада казахов... Диалоги действующих лиц, их поступки лишены правдоподобия».

Пока писал статью, забыл, что сегодня состоится платный концерт в Коммерческом училище. Часть выручки от концерта должна была пойти на уплату за аренду клуба, а часть — на уплату налога в пользу казны. Остаток предполагалось внести в кассу «Бирлика». Особенно высока оплата за клуб. С трудом сошлись на 35 процентах общей выручки. Все эти дела должен был уладить он. И, как назло, решение педсовета сковывало Сакена по рукам и ногам. О возвращении в интернат к шести вечера не могло быть и речи, хорошо бы успеть хотя бы к одиннадцати-двенадцати. Где же выход? Как божий день ясно, что Васильев опоздания не разрешит. В поисках Покровского Сакен направился в семинарию. В учительской он объяснил проверявшему тетради Покровскому свое положение. Тот посочувствовал:

— Не могу знать, разрешит ли Алексей Павлович. Но я до двенадцати часов ночи задержусь здесь. До этого времени ты должен успеть вернуться. А если запоздаешь, то пеняй на себя.

А тем временем шакирты, обойдя многие казахские дома, уже успели распространить билеты на концерт. Толпы казахов собрались возле Коммерческого училища. Как только Сакен пришел, начался концерт. Со сцены полились казахские песни и кюи. Понравившиеся номера зрители просили повторить. Время уже перевалило за одиннадцать. Когда программа была исчерпана, Сакен обратился к зрителям:

— Уважаемые зрители, разрешите поблагодарить вас за посещение нашего концерта.

Но зал требовал продолжения представления. Сакен еще раз громко пояснил:

— Дорогие зрители, земляки. Это же не первая и не последняя наша

встреча. Мы с трудом добились этого помещения и только до одиннадцати часов, а время уже — к двенадцати. Если мы не сдержим своего слова, то в следующий раз нам не дадут этот зал.

И только после этих слов шум стал утихать.

Сакен что есть мочи помчался к интернату.

Достаточно прослыть недисциплинированным человеком, как потом очень трудно вернуть утерянное доверие. Хотя во второй четверти по поведению Сакен получил оценку 5, это не повлияло на отношение к нему начальства.

На заседании педсовета учитель по рисованию и черчению И. В. Волков, а так же преподаватель пения Я. В. Россихин заявили, что Сакен невнимателен на занятиях. Томи сказал, что Сакен пренебрегает его заданиями в мастерской и мастерит домбру.

Покровский и Седельников хотели было заступиться за Сакена, но Васильев осадил их. После этого педсовет под давлением Васильева принял решение: «Педсовет постановил обязать Сейфуллина в течение предстоящих рождественских каникул усвоить по пению часть курса, пройденную в первом полугодии, совместно с одним из наиболее успевающих в пении воспитанников его класса, например с Гуменом».

Сакен ломал голову над тем, как бы успокоить педанта Васильева, тщеславного Томпа и их прихвостней. Покровский внушал ему, что единственный выход — это повысить успеваемость. Сакен начал с Томпа. Выслушав задание учителя, он выполнил его беспрекословно и раньше всех. Впервые Сакен получил оценку 4.

— Генрих Иванович, разве эта деталь сделана не на «отлично», а? У нас, у казахов, такие вещи называют «как кукла», — пошутил Сакен.

— Сейфуллин, перестал бы ты лучше хвастать.

Сакен пулей выскочил из мастерской и побежал в другой класс. Решил показать, на что он способен в пении. Если его не вызовут, то сам напросится петь. Урок уже начался.

— Яков Вадимович, можно мне рассчитаться с задолженностями?..

Россихин съязвил:

— Со всеми сразу? Или по одной?

— Плюс ко всему спою казахские и татарские песни.

— Ладно. Выходи.

Сакен подошел к пианино и без запинки исполнил русскую мелодию «Светит месяц». Класс все еще топчется на азбуке музыки. А Сакен знал все эти премудрости еще раньше и поэтому не слишком-то усердствовал. Хотя нельзя сказать, чтобы он знал ноты, но играл неплохо. Научился он

этому в Акмолинске. По взгляду Якова Вадимовича Сакен понял, что тот готов задать вопрос: «Это все или еще что-то умеешь?» Тогда он сыграл всеми любимым «Старинный вальс». Кажется, что с Сакеном произошло что-то необычное. Яков Вадимович с удовлетворением вывел в журнале оценку 5.

У Сакена наладилось с учебой и дисциплиной, и теперь о нем говорили как о «талантливом воспитаннике». А тут еще сразу две радостные вести. Увидела свет в 23-м номере журнала «Айкап» его статья о драме «Манап». А в адрес Шаймердена из Казани пришла телеграмма, в которой сообщалось: «Назначен главным имамом Иркутской мечети. Заеду в Омск. Книга вышла в свет. Ждите 29 декабря. Баязит имам».

29 декабря Сакен и Ныгымет, оба возбужденные, радостные, прибежали на вокзал встречать Баязита. Шаймерден протянул им только что полученную вторую телеграмму: «Заеду в Уфу, встречу с муфтием, о выезде сообщу». Сакен даже изменился в лице, побледнел. Но что поделаешь, Баязиту нет дела до нетерпения Сакена, ему некуда спешить.

Вот и подошли новогодние каникулы. Все свободное время можно отдать «Бирлику». Теперь хоть целый день репетируй.

Нужно хорошо подготовиться к празднику национальностей, населяющих Сибирь, он намечен на март — апрель.

После долгих препирательств выбрали наконец и пьесу «Айтыс Биржана и Сары»^[19] Претендующих на роль Биржана джигитов много. Но вот беда, кто исполнит роль Сары? Могла бы Галия, у нее неплохой голос, но она не умеет играть на домбре.

Сакен зашел к Шаймердену посоветоваться. Тот, выслушав его, заговорщически улыбнулся:

— Попробуй уговорить мою женгей,^[20] только не ссылайся на меня. В девичьи годы она и пела и играла.

Пока собирали на стол, Сакен взял в руки домбру.

— У наших предков есть кюй, — сказал он, — его называют кюй Тока. Я вам сейчас сыграю его.

Он заметил, что женгей вслушивается в мелодию кюя

— Кайным,^[21] может, споешь? — попросила она.

Сакен запел «Манмангер». У него был несильный голос, но он прекрасно выводил мелодию. Когда кончив, сказал:

— Ну а теперь ты, женгей. Пока заваривается чай, исполни, пожалуйста, нам что-нибудь, — и протянул ей домбру.

— Ой, кайным, не помню, когда я пела. Теперь мне разве что «баю-

баюшки» петь, — сказала, а сама краем глаза весело поглядывала на Шаймердена и будто прикидывала в уме: что он, как к этому относится?

— Ну спой, чего скромничаешь, — полусерьезно, полушутя сказал Шаймерден.

Как бы нехотя взяла в руки домбру. Заметила, опустив глаза:

— Уважаемый ты человек в нашем доме. Никогда раньше не просил меня. Трудно и отказать.

Помолчала, как бы обдумывая, что спеть.

— В наших омских краях есть песня, которая называется «Снега идут со стороны Актобе», может быть, слышал когда-нибудь, кайным? — спросила и, не ожидая ответа, запела. Очень приятный голос. И песня, хватающая за душу. Сакен обрадовался — нашел то, что искал.

— Вот и попалась ты, женгей, в мои силки.

Она удивленно посмотрела на него:

— Охотился за куропатками, что ли, кайным?

Сакен попробовал было объяснить суть дела, но куда там — она и слышать не хотела. Куда дену двоих детей? А что скажут люди аула?

— Женгей, мы не будем надоедать вам. Текст перепишем и принесем. Остается только выучить наизусть и исполнить. В день, когда состоится представление, одному из шакиртов поручим, чтобы присмотрел за домом и за детьми, — не сдавался Сакен.

С большим трудом вдвоем с Шаймерденом они ее уговорили.

И снова просторный зал Коммерческого училища. Здесь много казахов и татар. Это последний просмотр перед выходом на «Сибирский вечер». Тут и жюри — из членов «Бирлика». В программе вечера казахской молодежи отведено всего полчаса. «Айтыс Биржана и Сары» Должен сегодня оправдать надежды. Это экзамен и для Женгей, и для джигита, исполняющего роль Биржана.

Это был экзамен и для зрителей, не привыкших еще к подобным зрелищам. Кто бы ни пел, в зале стоял невообразимый шум. Голос веселоглазой женгей не смог его перекрыть. К тому же она стеснялась — ей раньше никогда не приходилось выступать перед такой аудиторией.

Жюри выбрало из всех исполнителей человек десять, Сакена беспокоило, насколько удачно выступит «Бирлик» на «Сибирском вечере». Беспокоило и то, что от Баязита нет ни слуху ни духу.

В один из дней, когда он сидел и готовил уроки, вдруг появился Нуртаза, младший брат Шаймердена.

— Вас вызывает мой ага, — сказал он.

— Никого посторонних нет дома?

— Кто-то приехал из Казани.

Сакен вскочил с места, как будто его укололи иголкой. Наскоро одевшись, побежал, не обращая внимания на Нуртазу. Запыхавшись, вошел в дом. Увидел Баязита.

— Радуйся, кайным, с тебя причитается! — встретила его веселоглазая женгей.

Шаймерден протягивал ему книжечку в белой обложке, напоминавшую тоненький кусок белого хлеба. На обложке вверху написано и дважды подчеркнуто «Садуакас Сейфуллин». Слова «Минувшие дни» набраны ниже жирным, крупным шрифтом. А затем еще пониже: «Издатели — Казахская молодежь (Омск)». В самом низу обложки — слова, набранные арабским шрифтом: «Матбугат Каримия», Казан, 1915», и тут же на русском: «Казань, типография Т. Д. «Бр. Каримовы», 1914».

— А почему так: по-мусульмански написан 1915 год, а по-русски — 1914-й? — спросил Сакен.

— Наверное, потому, что она вышла в декабре, между старым и новым годом, — пояснил Шаймерден.

— Нет, нет, это не совсем так, — возразил Баязит. — Татары в типографии считали, что эта книга выйдет в новом году, потому что совсем немного оставалось дней до рождественского праздника христиан, а я поднес русским печатникам водочки, и они пообещали отпечатать до рождества. 29 декабря весь тираж был уже готов.

— А что такое тираж? — спросил Сакен.

— Эх ты, сын пастуха. Ведь скот баев тоже имеет счет. Каримовы выпустили тысячу штук таких книг — это и есть тираж. Кстати, пятьсот штук они оставили себе, а тебе отдали остальные пятьсот. Они продадут эти книги и деньги положат себе в карман.

Сакен развернул книгу. Красиво выстроившиеся буквы заговорили, запели. И все это благодаря Шаймердену, и Баязиту. Как же мне теперь отблагодарить их за это, подумал Сакен. Ему вспомнилась та бутылка со словом «Ром». Выскочил из дома, даже не ответив на вопрос Шаймердена: «Куда же ты?..»

— Шакирты странный народ, — заметил Баязит. Сакен пришел в винный магазин.

Его взгляд остановился на бутылке со словом «Ром». Но цена! Страшно дорого. За эту цену целого барана можно купить. Хотя в кармане не густо, что поделаешь. Приказчик удивился, когда Сакен сказал: «Заверните мне две бутылки».

— Может быть, возьмете коньяк?

— А что, это тоже вино?

— Да, но чуть дешевле рома. Около пятидесяти копеек сэкономите.

— Хорошо, давайте. — И, схватив две бутылки коньяку, Сакен помчался обратно. По пути забежал в магазин тканей и на оставшиеся пятьдесят копеек купил три метра тонкого шелка для платья.

Влетел в дом, протянул женгей сверток: «Вот вам коримдик»^[22]

— Я ведь пошутила, кайным, зачем ты тратишься? — стала отказываться женгей. Но куда же теперь денешься — приняла подарок.

Когда Сакен начал осторожно расставлять коньяк на круглом казахском столе, Баязит смущенно рассмеялся:

— Садуакас, дружок, да ты, оказывается богатей.

— Ну, зачем это надо было делать, скажи? Ведь и взял-то самое дорогое, — корил Сакена Шаймерден.

Налили коньяку и Сакену, который в жизни не брал в рот спиртного. Попробовал было отговориться. Но Баязит заставил, да и вправду грех не выпить в такой радостный день.

Наконец Сакен собрался уходить. Связал в пачку около пятидесяти книжек — приготовил взять с собой.

— А это вам, — протянул одну книгу Баязиту. Тот в ответ, еле ворочая языком, съязвил:

— Ай-ай, казах. Книгу-то дарят с автографом.

Сакен не совсем понял, что это значит. Но он слышал, что авторы дарят свои книги с собственноручной подписью. И он вывел на внутреннем листе: «Уважаемый Баязит-ага, всю жизнь обязанный за ваш труд Сакен Сейфуллин. 25 марта, 1915 г.».

— Вот теперь все в порядке, — удовлетворенно пробормотал Баязит.

И Шаймердену тоже подарил Сакен свою книгу.

Слух о том, что «вышла книга Сейфуллина», поднял на ноги весь интернат,

Александр Иванович Покровский перед началом урока поздравил Сакена:

— Ну, Садуакас, с удачным началом.

Сакен, вынув из нагрудного кармана, словно из-под сердца, завернутую в красивую бумагу книжечку, подарил своему наставнику.

— Спасибо, спасибо. Я рад, что не пропал мой труд. В истории семинарии были воспитанники, которые писали в газеты и журналы, но еще не было таких, которым бы выпустили книгу. Это событие должно послужит всем примером.

Пора весенних каникул. Молодежь «Бирлика» ходит по домам казахов, собирает вещи, нужные для сцены, одежду для участников концерта. Из аула Каржас, что под Омском, привезли большую юрту с орнаментом.

Желающих побывать на «Сибирском вечере» оказалось много. Представление наметили провести в самом большом театре Омска. Свыше тысячи человек вмещает этот театр.

Зал переполнен. В переднем ряду сидят члены Западносибирского отделения Географического общества во главе с Григорием Николаевичем Потаниным. Среди них А. Н. Седельников и А. И. Покровский. Где-то в центральной части зала преподаватель пения Я. В. Россихин. Судя по аплодисментам зрителей, кажется, представление началось удачно, и чем дальше, тем становится интереснее, особенно четко был исполнен украинский танец «Гопак». Чувствуется, что он хорошо отрепетирован. Попросили исполнить на «бис». Вот и дошла очередь до казахов. Открылся занавес. На сцене стояла казахская юрта, расцвеченная красными и зелеными электрическими лампочками. В ней сидели домбристы и певцы.

Сакен по-русски пояснил, что начинается представление, подготовленное омской казахской молодежью. На нем была национальная одежда: черные сапоги на высоком каблуке, облегающий талию бешпет, на голове — шапка, отороченная шкуркой выдры. На левом боку висят концы атласного пояса. Сакен подчеркнул, что свой концерт они построили так, чтобы показать этнографическую сторону национального искусства. Пояснил содержание исполняемых песен.

Когда на сцену вышел аксакал в тымаче,^[23] с домброй, многие зааплодировали.

Казалось, выступления казахов пройдут неплохо. Но не все шло гладко. После того как закончили свои выступления русские и украинцы, многие зрители, не знавшие казахского языка, стали покидать зал. Поднялся шум.

Распорядители вечера Новоселов, Березовский, Седельников старались навести порядок, но это удалось только отчасти. Сакен со сцены видел, как Кольбай — этот непримиримый враг казахских националистов, сгруппировавшихся вокруг газеты «Казах», возмущенно качал головой и что-то говорил сидевшему рядом с ним писателю Антону Сорокину.

Сакен понимал, конечно, что зрители уходят не потому, что хотят продемонстрировать свое пренебрежение к казахской культуре, что им просто не хочется сидеть в зале, ничего не понимая, и все же на душе у Сейфуллина остался нехороший осадок.

Да и не только у Сакена. На следующий день сибирский писатель

Антон Сорокин, автор многих произведений на казахскую тему, выступил со статьей «Не пойте песен своих». Сорокин упрекал зрителей в том, что она обидели старого певца, привыкшего у себя в степи к тому, что слушатели внимают каждому его слову. Он вышел и начал петь монотонную песню, аккомпанируя себе на домбре. Звучная в юрте, здесь, в театре, домбра звучала тихо и хрипло, как будто большой зал поглощал всю силу и чистоту ее звука. Зрители зашумели. Послышались смешки. Старый знаменитый певец, не докончив своей грустной песни, встал и ушел. Вышел молодой казах и внешне равнодушно сказал:

— Этой песне, что он играл, будет двести лет — старая песня, — сказал и ушел.

«Но мне, — писал Сорокин, — казалось, что хотел сказать он совсем не это.

— Чему смеетесь, старика аксакала, знаменитого игрока на домбре, обидели? Чего смешного? И песня старая, двести лет, одно поколение за другим слушало эту песню, это песня души Алаша,^[24] а вы чему смеетесь, неразумные?

— Мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали.

— Мы принесли вам самое лучшее, что имели, и вы не оценили.

— Мы спели вам песни степи, что Алашу несет радость и успокоение от забот в тяжелые минуты жизни, А а вы над нашими радостями посмеялись».

Никто не ожидал, что именно эта статья в «Омском вестнике» станет предлогом для острых дискуссий в «Бирлике» и даст им новое направление. Если «Бирлик» мог похвастаться кое-какими достижениями, то главного ему не хватало. Не хватало того внутреннего единства, ради которого и создавалась эта организация. Разность взглядов ее членов исподволь давала о себе знать постоянно. Но со всей очевидностью она проявлялась, когда речь заходила о путях развития казахского народа. Между тем, не придя к единому мнению в этом кардинальном вопросе, «Бирлик» не мог претендовать на роль ведущей казахской организации.

Так или иначе, разномыслящим следовало доспорить. И на очередном заседании «Бирлика» Сакен решил высказаться с полной откровенностью, не считаясь с последствиями.

Сказав, что задача «Бирлика» — вести среди казахского народа культурно-просветительную работу, он подчеркнул, что цель его — «через казахскую литературу бороться против произвола царских властей».

— Отсутствие взаимной поддержки, единства, наши разногласия при выборах волостных, аульных старшин, низкопоклонство перед

чиновниками привели нас к тому, что мы лишились многого. Наша судьба, — добавил он, — как бы там ни было, связана с русским народом. А русский народ, чтобы вырваться из когтей царя, проливает кровь, восстает. Мы, просвещенная молодежь, должны указать своему народу правильный путь к свободе, равенству.

Сакена поддержал Шаймерден, который дал понять, что только в союзе с русскими рабочими и крестьянством он видит путь завоевания равноправия.

Против них резко выступил их постоянный оппонент — Магжан Жумабаев.

— Все, о чем говорили Сакен и Шаймерден, — сказки из русских газет, — отпарировал он. — А на самом деле, добиваться для казахов оседлой жизни — значит отдать их на растерзание волкам. Кочевая жизнь не раз спасала нас от всяких врагов. Ни о каком сближении с русскими, особенно с рабочими и крестьянами, об объединении сил с ними не может быть и речи. Казахи должны думать только о своей жизни, о своем благополучии, о сохранении кочевой жизни. Вот смысл статей газеты «Казах», — заключил он.

Присутствующие на заседании новички с опаской поглядывали на ораторов. Они не привыкли к столь смелым речам. Сакен взял слово снова.

— Магжан, с твоих уст не сходит «Казах», «Казах»! А почему ты ни разу не заговорил об «Айкапе»? Ты что, не признаешь этот журнал? Коль разговор зашел о сегодняшней жизни казахов, то я тебе скажу, что об этом пишет «Айкап». Ты же за кочевую жизнь казахов. Так вот слушай: «Для казахских правителей и баев строительство городов, стремление получить по пятнадцать десятин земель — дело невыгодное.

Если по нормам переселенцев будет получен участок земли, то степному положению придет конец, осуществится переход на крестьянское положение. Коль придет, конец степному положению, то управители, мирзы лишатся власти, привилегий, доходов. Баи не смогут бесплатно пользоваться землями кедеев им придется сравняться с кедеями.^[25] Вот почему они против строительства городов. А советы газеты «Казах», выступающей против оседлой жизни, для правителей и баев что масло, им они очень нравятся».

Вспомни, Магжан, ты сам говорил, что твой бедный отец живет только землю. Когда я возвращался сюда с каникул, то познакомился с жизнью шубарских кереев. Они торгуют лесом, обрабатывают земли. Они живут лучше казахов, которые кочуют со своим скотом. Есть у них и свои муллы, свои учителя. Если хочешь говорить, то выскажи свои мысли, а не повторяй

мыслей других... Лично я, — закончил Сакен свое выступление, — твердо верю, что если начнется восстание, то казахский народ будет вместе с русскими рабочими и крестьянами.

Тем и кончился этот спор — каждая сторона осталась при своем мнении.

На осеннем сборе «Бирлика» — новая схватка. И снова Сакен и Магжан не достигли согласия.

— Для тебя ведь «Айкап» был идеалом. Читал последний номер? Прихлопнули ведь беднягу, — съязвил Магжан.

Сакен в ответ резко бросил:

— А что делать, если на журнал напала свора собак?

Противоречия и разногласия между членами «Бирлика» отрицательно повлияли на его дело. В организации работа пошла через пень-колоду. Уехал, окончив семинарию, Ныгымет, который долго примирял противников. Шаймерден тоже заканчивал учебу. Где-то будет он в будущем году? Да и сейчас на «Бирлик» у него остается мало времени — медицина дается ему нелегко.

Сакен очень изменился. Он много читал Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Стал усиленно заниматься историей, этнографией и политикой.

Политические книги Сакен доставал с помощью Феоктиста Березовского.

Феоктист был старше Сакена, успел сменить несколько рабочих специальностей и уже в начале 900-х годов выступил со статьями в различных сибирских газетах. Царские власти не обошли его своим вниманием, и Феоктист побывал в тюрьмах. К тому времени, когда он познакомился и подружился с Сакеном, за его плечами был уже и опыт работы большевика, организатора подполья. Сакен знал это имя и раньше. Березовский был известным сибирским писателем. Помимо Феоктиста, Сейфуллин добывал запрещенные книги и у Покровского, и у Антона Сорокина.

Только с самыми близкими друзьями делился он своими впечатлениями от таких книг, как «Социализм и женщины» или «Французская революция» А. Бабеля.

Книги эти Сакен читал, забравшись куда-либо в пригородную рощу, а зимой всегда находил какой-нибудь укромный уголок у городских приятелей.

И не случайно, когда в семинарии намечался литературный вечер,

Сакен отказался читать стихи Бальмонта, хотя именно на этом поэте настаивал директор. Сакен же предложил «Песню о Соколе» Горького. И сказал об этом Покровскому.

— Никогда не заикайтесь о Горьком: если дойдет до директора — нам обоим несдобровать.

На литературном вечере Сакен так и не вышел на сцену.

В начале 1916 года в одном из домов, около базара, проходил очередной сбор организации «Бирлик». По установившейся традиции и в целях конспирации опять устроили вечеринку. И снова речь зашла о судьбе казахского народа. И вновь схлестнулись Сакен и Магжан.

— Нам нечего ломать себе голову в поисках новых путей. Лучше давайте подумаем, как осуществить то, что рекомендуют газета «Казах», Алихан Букейханов, — заявил Магжан.

— Магжан, хоть когда-нибудь у тебя будет свое собственное мнение?! — взорвался Сакен. — Или ты представитель газеты «Казах»? Трудно стало тебя понимать. Скажи же что-нибудь свое, неужели думаешь, мы не читаем то же, что и ты читаешь? Букейханов для тебя пусть будет идеалом, а для нас он — последний отпрыск казахских ханов. Трудящиеся казахи за Букейхановым не должны идти и не пойдут. Если наступит день восстания, то мы должны идти за русскими революционерами. Если мы не поймем, что свобода и счастье казахского народа зависят не от идей Букейханова, баев и феодалов, которые служат белому царю, а от движения русских рабочих; и крестьянства, то кто же объяснит это жителям аулов! Я знаю только этот путь и считаю, что этот путь единственно верный.

Для Сакена это собрание «Бирлика» было последним. Ему предстояло готовиться к выпускным экзаменам.

День и ночь трудились шакирты, повторяя пройденное. И только в начале мая вздохнули свободнее.

10 мая 1916 года состоялось заседание педсовета. Было принято постановление: «Педагогический совет обсудил результаты выпускных испытаний и, приняв в соображение достоинства письменных работ воспитанников и устные их ответы, а также годовые баллы и заявления наставников и преподавателей о степени успехов и умственного развития каждого, постановил: всех 14 воспитанников третьего класса удостоить звания учителя начального училища, в чем и выдать им установленные свидетельства».

Вместе со свидетельством каждому воспитаннику была выдана характеристика. В последний раз решил сделать «доброе» дело Томп и предложил оценить познания Байлина и Сейфуллина на четыре. Но никто

его не поддержал. И все же старания Томна не пропали даром, повлияв на содержание характеристик. Им была выдана одинаковая, написанная по стандарту характеристика. «Сейфуллин — сын казаха из потомственного рода Нильдинской волости Акмолинской области и уезда, казенный стипендиат, 20 лет. Способность — выше среднего, не в полную силу занимается, по характеру — упрям и груб».

Как бы то ни было, но семинария — позади. А впереди — жизнь. Огромная!..

*О мечта! На крылатом коне,
Вихревые взметая метели,
Позабыв о покое и сне,
Ты летишь к неизведанной цели.
Занесла надо мной свою плетъ
И меня обрекла на блужданья.
«Что ты ищешь? — спросил я. —
Ответь!»
Говорит: «Исполненья желанья!»*

Прекрасно лето Сары-Аркы. А воздух напоен ароматом цветущих лугов. Но война дошла и до Акмолинских степей. Сакен заехал к другу отца в село Захаровское. Застал только жену — Марию. Мария плачет. Нет никаких вестей от мужа. И Петьку, сына, оказывается, забрали, хотя ему еще нет и семнадцати. Мария не знает, что делать с маленькими детишками. В доме пусто. Все более-менее приличное продано. Суровая была зима. Единственная надежда — корова подохла весною. Им грозит голодная смерть.

Такую же картину Сакен наблюдал и в Омске, и по пути. Внешний вид казахских аулов никаких изменений не претерпел. У речки пасется скот, у жеди^[26] — жеребята, на лугу — козы и ягнята. Привычная картина. Жа-мал и Сейфулла бесконечно рады тому, что их сын вернулся образованным человеком. Далекие и близкие, друзья и ровесники идут и идут к ним. Среди собственных овец, которые еле-еле дожили до весенней зелени, подходящей, чтобы заколоть, не оказалось. Поэтому Сейфулла обратился к родственникам. На язык гладкие, но скупые, родственники не спешили помочь Сейфулле. Об этом он хорошо знал. Но все же надеялся, что в честь такого случая, как возвращение Сакена домой, не откажут дать взаймы одного барана. Но напрасно. Никто не хотел дать ему барана. Тогда

Сейфулла вспомнил о шкурке алтайской лисы, которую добыл в прошлую зиму. Многие просили эту ценную шкурку, но он берег ее — Сакену пригодится. Теперь родственники разом заспорили: «Отдай мне, отдай мне». Сейфулла за шкурку выбрал более или менее подходящего барана. Вот цена родственникам.

Сакену представлялось, что после окончания семинарии жизнь ему откроет все свои двери. Но несколько дней, проведенных в родном ауле, показали — от других помощи не жди. Ну самое большее — могут один раз угостить хорошенько.

Отдохнув немного в ауле, Сакен решил поехать в Акмолинск. Не нашлось подводы, чтобы добраться туда. Тогда он оседлал единственную темно-рыжую отцовскую лошадь.

Из Акмолинска Сакен вместе с учителями — Нургаяном Бекмухамбетовым и Галымжаном Курмашевым отправился по 12 волостям Акмолинского уезда — на северо-восток, к урочищу Шубыра, и дальше — в Моншакты, Кзыл-топырак и Ереймен — для переписи скота. Конечно, им придется разделить и разъехаться в разные стороны, иначе перепись продлится слишком долго.

Но пока они вместе в степи Шубыра.

Шубыра — это холмы и низины, и все покрыто разнотравьем, словно устлано большими коврами с причудливым узором...

«Нам поставили юрту в некотором отдалении от речушки, где посуше, — так вспоминал Сакен начало своей первой деловой поездки по родине. — Рядом с нами в отдельной юрте расположились волостной управитель, старшина и писарь. Юрты стояли на пышной, густой траве, но тем не менее в знак особого уважения к приехавшим нам расстелили ковры и посредине поставили круглый низенький столик.

Мы с удовольствием разместились в юрте, убранной со вкусом и старанием, разложили бумаги и приступили к своему непосредственному занятию.

На тысячу верст из конца в конец раскинулись двенадцать волостей. Заметно было, что здешний народ живет богато, в достатке, а кто богат, того не грызут заботы, тот не прочь попить кумыса сверх нормы, вдоволь поспать. С утра до позднего вечера бродят мужчины под легким хмелем, кое-как, наспех одетые, охотятся по аулам за кумысом и девушками,

Немало скучающих бездельников толпится у нашей юрты, глазуют, как идет перепись. Другие ищут случая поухаживать за девушкой, резвятся, словно упитанные бычки, заводят веселые игрища, изощряются в шутках и насмешках друг над другом. Одним словом, убивают время как могут...

И только прислуга и чабаны, черные как смоль от палящего солнца, с каплями на лбу, не зная отдыха тянут свою лямку. Изнемогая на солнцепеке от зноя и жажды, стерегут они байское стадо на выпасах. Тщетно пытаясь спастись от оводов, они вынуждены усмирять и доить буйных полудиких кобылиц. Несчастные батраки, с обветренными лицами и потрескавшимися от жары губами, весь день собирают кизяк, чтобы развести костер и вовремя приготовить еду своему хозяину. Бесправные люди, им не дано пожинать плоды своей тяжелой работы...»

В одном из аулов на своем длинном пути переписчики удостоились чести видеть одного из тех, на кого работала вся округа, ибо всю округу держал в руках этот человек. Звали его Нурмагамбет Сагнаев, но за глаза все называли его Паном — за надменность и высокомерие.

Их пригласили в белоснежную двухкупольную юрту. «В передней, безлюдной, половине были разостланы ковры и узорчатые кошмы. Джигит молчаливым жестом пригласил нас дальше. Войдя во вторую юрту, мы увидели дивную роскошь. Здесь не было и клочка величиной с ладонь, который не был бы застлан пестрым шелковым ковром. На стенах висели бархатные ковры, блестел атлас, светлело серебро. У самой стены полукружьями высотой с аршин возвышалось нечто вроде скамьи, застеленной дорогими коврами, обшитыми снизу бахромой с кистями... На почетном месте поверх ковров лежат шелковые одеяла. Гость, по желанию, может располагаться на этих одеялах либо садиться на козловую скамью. Справа от почетного места под балдахин из синего шелка мы увидели поблескивающую металлом кровать и сидящего на ней Нурмагамбета. Кроме него, в юрте никого не было. Пан восседал неподвижно и безмолвно, как идол. На голове его покоилась бобровая шапка, на носу поблескивали очки в золотой оправе, на плечи был накинут халат из серого сукна с воротником темно-рыжего бархата, под халатом виднелся бешмет из того же дорогого серого сукна. На ногах глянцевого блестящие ичиги в галошах. Рукой в белоснежной перчатке Пан поигрывал небольшой серебряной тростью. У него жгуче-черные борода и усы, на вид ему уже перевалило за пятьдесят. Когда мы, озираясь на роскошное убранство, вошли и поздоровались, Нурмагамбет степенно поднялся и ответил на приветствие невнятным голосом, словно не желая утруждать себя громкой речью...»

Перепись оказалась делом нелегким. Переписчиков встречали радушно, но и настороженно. Как знать, зачем понадобилась эта перепись? Редко кто давал точные сведения, большинство темнили.

А тут еще пришло разъяснение от акмолинского губернатора по высочайшему указу императора о мобилизации казахов от девятнадцати до

тридцати одного года на тыловые работы. Разъяснение читали по аулам. Поползли слухи, что царь гонит казахов на войну. Женщины плакали, мужчины готовились отстаивать свои права с оружием в руках.

«Лучше принять смерть на земле, где мы родились, чем идти на войну, — говорили джигиты, седлая коней. — Пойдем войной против царя, который не сдержал свое слово».

Говорили, что убили такого-то пристава, такого-то полицейского, волостного или старшину. Джигиты не расседывали коней, точили пики, секиры. Молдабай Байузаков, казах из волости Моншакты, от имени жителей Акмолинского уезда через генерал-губернатора послал телеграмму царю, в которой предлагал ему вместо людей брать деньги, просил спасти казахский народ от гибели. Ответом на телеграмму был секретный указ, который обязывал жандармов и сыщиков выяснить, кто такой Молдабай Байузаков, сколько ему лет, каково его состояние, чем занимается, каково его поведение, имеет ли судимость или нет. Кроме того, им было поручено постоянно информировать о положении в степи.

Губернатор Акмолинской области Мосальский выехал было в аулы, чтобы утихомирить казахов. Губернатора нагнал слух о восстании в районе Акмолы и беспорядках в Колутоне. Приехавший в Акмолинск губернатор был похож на разъяренного верблюда. Вызвав к себе всех волостных, старшин, баев и биев Акмолинского уезда, он заявил им:

— Прошу вас спешно выехать по аулам и уговорить мужчин, чтобы в течение одной недели они вышли на тыловые работы согласно указу царя. Если вы этого не добьетесь, не ждите от меня милости. Вы знаете, что такое пулемет. Это оружие, которое сеет пули, как дождь. Мои войска вооружены этими пулеметами и будут косить казахов, как зеленую траву. Если вы через неделю не успокоите народ, то прежде всего я упрячу вас самих! Даю вам пятнадцать минут на совещание — после чего вы должны дать мне решительный ответ.

Растерянные верховоды сели во дворе, подобрав под себя ноги. Сидели, нахохлившись и негромко совещались. Решили просить отсрочку. Через пятнадцать минут, подталкивая друг друга, как испуганные овцы, пошли к губернатору.

Губернатор на отсрочку не согласился.

И «предводители народа», подавленные, унылые, разъехались по аулам.

Теперь все, кого считали годным для военных работ, искали пути к спасению.

К переписчикам относились с открытым недоброжелательством,

подозревая их в тайных намерениях.

Сакен вернулся в свой аул. По пути он наблюдал, как волостные, переводчики, старшины среди бела дня грабят народ, без всякого угрызения совести берут взятки. Видел и зверства карательных отрядов.

Вспоминая свое состояние в те смутные дни, Сакен писал в книге «Тернистый путь»:

«Нет сил спокойно смотреть на страдания народа. Слышишь горестные восклицания матерей, стариков и невест, видишь молодых, полных сил джигитов, обреченных на гибель в схватке с царскими войсками, и душа заволакивается черным туманом. Кажется, вот-вот разорвется от горя сердце с тихим печальным звоном, как рвутся до предела натянутые струны домбры. Люди мечутся, не отдавая отчета в своих действиях. Одни, словно повинувшись слепой силе рока, молча, терпеливо приготовились к смерти, другие, более благоразумные, стараются что-то предпринять, но все равно поддались панике и мечутся, не зная, что делать...

Неужели в такое тяжелое время не будет пользы от трехлетней учебы в Омске? Я ничего не мог понять в создавшейся обстановке. Не с кем было поделиться своими сомнениями и тревогой за судьбу простых казахов. Что их ждет впереди?

Тяжело оставаться в одиночестве. Как будто заблудился, остался один на краю пропасти».

Газета «Казах» в те дни писала: «Выяснилось, что для работы на фронте из числа казахов будет произведен набор. В прошлом номере нашей газеты мы сообщали, что указ царя должен выполняться беспрекословно. Это поняли, наверное, в народе... Но в ауле много раздетых-разутых кедеев. Однако они должны идти на фронт. Долг каждого — помочь им во всем».

— Вот свиньи! — рассердился Сакен. — Никогда в жизни они не проявляли такую заботу о кедеях, ишь куда гнут!

В последующие дни эта газетка подхалимов всячески уговаривала казахскую бедноту подчиниться царскому указу, взывала к «лучшим сынам народа», призывала их утихомирить тех, кто по темноте своей и неграмотности устраивает беспорядки.

Издатели «Казаха» из кожи лезли, чтобы расписаться в собственной лояльности и в своих верноподданнических чувствах. Они заверяли белого царя, что не все казахи против царского указа, что, например, казахи внутренней орды Астраханской губернии «с большой радостью» отправляются на тыловые работы.

В очередном номере газеты Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов выступили с обращением. Сокрушаясь по поводу беспорядков, они всячески поносили восставших во главе с Амангельды Имановым и Алиби Джангельдиным: «В Тургайском уезде до сегодняшнего дня орудуют смутьяны, воры, грабители и мошенники, которые причиняют большое горе народу, большой вред их хозяйству, держат в страхе мирных людей».

— И этим людям верят казахи, считают их своими руководителями, надеются на них. А они ведут народ под пули, нагайки усмирителей. — Сакен метался в бессилии, не зная, что предпринять.

В родном ауле картина та же. Волостной управитель вместе с баем Сейткемелевым сунули взятку начальнику и теперь, как своими рабами, распоряжаются бедными джигитами. В солдаты попали одни лишь бедняки.

Сакен понимал, что в одиночку бороться с этой коррупцией чиновников и баев бесполезно. И все же не выдержал — написал акмолинскому уездному начальнику о бесчинствах и взяточничестве, а в конце предупредил, «что рано или поздно, но справедливость должна восторжествовать, чиновники-звери когда-нибудь ответят за свои издевательства».

Благоразумие заставило Сакена подписаться не своим именем. Иногда Сакену казалось — не лучше ли сказать казахам: «Молодые казахские джигиты, идите в солдаты. Научитесь владеть современным оружием, обучайтесь военному искусству, чтобы потом выступить против царя!» Но кто поймет, подхватит его призыв? Бессилие душило, ни о чем ином Сакен не мог думать.

Как овец отправляют джигитов. В городе шум, гам, плач. Рыдает буквально весь Акмолинск. И каждый ищет спасения только для себя.

Наиболее решительные и смелые покидают город, присоединяются к восставшим. Почти все джигиты Атбасара и Улытау примкнули к восставшим Тургая. Аргинцы перекочевали в Сарысу, Бетпак-Далы, в туркестанские края. Киргизы и казахи вокруг Мерке вооружились. Люди из волостей Сулусары, Карабужыр, Колби Усть-Каменского уезда, казахи из окрестностей Барнаула массами уходят в Монголию. А джигиты Шубыра между Акмолой и Кокчетавом устроили у большой дороги засаду и освобождают тех, кого гонят в солдатчину и за счет их пополняют свои ряды.

В Аксаринской волости Ташмагамбет Хамзин, бывший когда-то попутчиком Сакена по дороге в Омск, призывает казахов вооружаться, не

ходить на тыловые работы.

Кое-где джигиты не только обороняются, но и сами переходят в наступление. В Акмолинском уезде казахи напали на русский поселок, перебили солдат, его охраняющих, а поселок сожгли.

Конечно, этот наскок на ни в чем не повинных русских крестьян свидетельствовал только о стихийности восстания, он был скорее актом отчаяния.

В ауле подполковника Султан Торе сына Абылая, в Бугулинской волости открылась школа, в которой и устроился учителем русского языка Сакен. Учитель он строгий, но, может быть, поэтому так и привязались к нему его ученики. Среди них были и взрослые люди.

Дни проходили в обычных для учителя хлопотах — кто-то не выучил урока, с кем-то надо позаниматься отдельно, а кого-то и пожурить.

Однажды он пришел проводить очередную партию мобилизованных на тыловые работы. «Собрались возле большого кирпичного дома, в котором прежде размещалась лавка. Улица перед домом запружена провожающими. Стоят неумолчный шум, гам, плач, в дом постоянно входят и выходят люди, ищут неизвестно чего, волнуются в ожидании отправки. Но вот появилась вереница телег в сопровождении солдат. Телеги остановились возле красного дома. Народ смолк, пристально следя за тем, что будет происходить дальше. Солдаты вошли в дом и через несколько минут начали поочередно выводить оттуда мобилизованных джигитов и усаживать их на подводы, И тут же без всякого прощания тронулись, увозя джигитов от родных и близких».

Сакен похудел. Редко теперь на его лице можно увидеть улыбку.

9 марта 1917 года в аул пришло ошеломляющее известие: в Петрограде революция, белый царь отказался от престола. Сакен решил немедленно ехать в город. Когда пробил час свободы, он считал, что его место не у школьной доски, а там, где решаются судьбы его народа. Со слезами провожали своего наставника шакирты. Опечалены их родители, да и Сакену трудно расставаться с любимившимися учениками. И все же он должен немедленно ехать.

Тоску прощания постепенно рассеял мягкий степной ветер.

Как только выехали на степные просторы, Сакен запел во весь голос. Услыхав песню, кучер сначала удивленно посмотрел на Сакена, но потом, подняв наушники шапки, стал слушать. Сакен импровизировал.

В степях царила ночь гнетущая,

*Ночь неизвестности и страхов.
О эта ночь, крыла простершая
Над мирным племенем казахов!..*

Сколько можно петь о минувших днях. Если ты не возлагаешь никаких надежд на будущее, то зачем бросил насиженное теплое местечко? В такое радостное, волнующее время нечего оплакивать прошлое. Ведь ты всю жизнь мечтал о свободе, равенстве. Ты идешь по дороге в будущее. Дни беззаботной жизни кончились.

*И мы коней крылатых вздыбили
По этим поднебесным тропкам.
Нам крутизна грозила гибелью.
Но что она сердцам неробким?
И вот мы дали озираем,
Поправ вершину покоренную.
Она над непробудным краем
Встает сияющей короною.
Ее, вершину высочайшую,
Окрасили лучи рассвета.
Она сверкающею чашею
К горящим небесам воздета.*

Конечно, над стихами еще надо поработать. Но мысли верные, а ритмы зовут вдаль, к неизведанному.

*Но кони не стоят на месте —
Рвут удила от возбуждения.
Они несут домой известие
О солнечном освобождении.
Они летят крылатой стаею,
Посланцы света и свободы.
И слезы радости блистают
В глазах казахского народа.*

Так, то распевая, то надолго умолкая, задумываясь Сакен ехал в

Акмолинск, еще не представляя, что он будет делать. Но он знал: место его там.

Бывшая Российская империя митинговала, избирала, переизбирала всевозможные бюро и комитеты и походила на старый, разошедшийся корабль, плывущий по морю без руля и без ветрил.

Повсюду появились свои доморощенные ораторы, вожди-краснобаи, вылезавшие на трибуну по любому поводу и без оногo. Прежде ничем не выделявшиеся, совершенно незаметные люди вдруг заявили о себе как яростные полемисты.

Бывшие приказчики и бакалейщики, спекулянты и мелкие чиновники, учителя и врачи, писаря, переводчики, ветеринары — все включились в борьбу. Все спешили выступить в роли вождей. И, конечно, от имени народа.

Величиной с ладонь Акмола, и она разбилась на группы и группки. И каждый день собрания, митинги. Собраний много, а власти — никакой. Для управления городом и степью собрались было избрать коалиционный комитет, куда бы вошли представители от разных национальностей, от разных классовых группировок, от разных сословий. «Было дано указание свыше, — вспоминает Сакен Сейфуллин, — выдвигать в комитет по равному количеству депутатов, независимо от численности избирателей, то есть поровну от мусульман, от русского казачества, от мещан, от жителей слободки, от солдат, от сословия учителей. Большинство, за исключением русского казачества, с такой установкой не соглашалось».

В итоге от идеи коалиционного комитета отказались. Избрали просто уездно-городской комитет, потом много раз его переизбирали. И все же управлял уездом не он, а прибывший от правительства Керенского комиссар.

«Вся свора царских чиновников, — писал Сакен о том времени, — волостные управители, приставы, крестьянские начальники продолжал жить припеваючи. Смещенные с должности, и то не везде, они жили на прежних местах, не испытывали никаких затруднений. У нового правительства не было и мысли о том, чтобы наказать этих кровопийц за бесчинства в прошлом. Ведь совсем недавно, год тому назад, когда была объявлена мобилизация на тыловые работы, когда народ восстал против несправедливости, эти подлые чиновники-живодеры драли три шкуры с обездоленных казахов.

До глубины души угнетала нас их теперешняя безнаказанность. Мы хлопотал», бегали, требуя возмездия, и все впустую, наши жалобы шли на

ветер».

Газета «Казах», ранее верой и правдой служившая царю, вдруг стала возносить хулу на монархию, договорилась даже до казахской автономии. Трудно разобраться в потоке противоречивых мнений. Поэтому, когда Сакену в руки попала газета «Алаш», которую издавали в Ташкенте Мариям и Кольбай Тогусовы, он обрадовался твердости и ясности их позиции.

Статья Тогусова была озаглавлена «Долой Романовых».

«В грязи и крови пала династия Романовых, триста с лишним лет, как кошмар, тяготевшая над Россией и ее народами...

Палка и кнут, тюрьма и ссылка, топор и виселица — вот ответ всех Романовых на справедливые требования народа, на все его попытки освободиться от кабалы помещиков и кулаков...

И неужели теперь, когда эта династия пала, преследуемая проклятиями и общей ненавистью, когда над Петропавловской крепостью и Зимним дворцом развевается красный флаг народной революции, — неужели теперь можно пожелать восстановления монархии?

Монархия нужна угнетателям, а не народу, не рабочим, не крестьянам и не мусульманам.

Единственная форма правления, достойная свободного народа, — это народоправство, демократическая республика. Единственным лозунгом будущего Учредительного собрания должно быть: «Долой Романовых, да здравствует демократическая республика!»

25 апреля 1917 года в Омске открылся областной съезд казахов. Председательствовал на съезде присяжный поверенный Айдархан Турлыбаев, его заместителями были сотрудники газеты «Казах», выходящей в Оренбурге, Мыржакып Дулатов и Ережеп Итбаев.

В президиуме съезда, открывшегося в Омске, сверкали не только лысины, но и золотые эполеты со старыми царскими вензелями. Командующий Омским военным округом генерал-майор Григорьев был в полной парадной форме. И председатель омского коалиционного комитета Н. А. Филатов явился, увешанный всеми регалиями. И, наверное, впервые они говорили, обращаясь к собравшимся «граждане казахи», хотя за долгие годы привыкли к иному — «инородцы».

Сакен, как и все казахи, напряженно следил за происходившим в Омске. До Акмолинска докатилась весть, что руководители съезда с почтением встретили выступление бывшего волостного — Олжабая, известного своими злодеяниями против народа в 1916 году. Он теперь явился в Омск на съезд без всякого приглашения. А вот речи делегатов

съезда, избранных жителями Акмолинска, — Байсеита Адилева и Хусаина Шашдаулетова — были оставлены без внимания.

На съезде избрали казахский областной комитет.

Акмолинским казахским комитетом руководил адвокат Рахимжан Дуйсембаев. Его заместителем был Сакен, и им удавалось договориться по всем вопросам работы комитета.

Сакен в то же время руководил созданной по его инициативе молодежной революционно-демократической организацией «Жас казах» («Молодой казах»). Членами бюро были — Абдулла Асылбеков, Бакен Серикбаев, Байсеит Адилев, Жумабай Ыуркин, Айбасов. Ее платформой было — «распространение среди народа законов, просвещение народа и участие его в политических делах».

«Жас казах» заявил, что он «считает большевистскую революционную партию самой верной партией в России», что он «выступает рука об руку с нею» а «всячески поддерживает создание Федеративной республики».

Комиссар Временного правительства прапорщик Петров в своем донесении областному начальству писал:

«Со времени переворота прошло полтора месяца. Народ Акмолинского уезда переживает тяжелые дни. Во всем этом виноваты создатели организации «Жас казах». Нахожу нужным указать на существование здесь группы лиц, так называемых «подпольных адвокатов», деятельность которых, на мой взгляд, является одной из причин здешней разрухи. Ввиду отсутствия данных, благодаря которым было бы возможно так или иначе устранить их влияние на население и их деятельность, считаю положение здесь шатким».

Казахский уездный комитет прежде всего поднял вопрос о выпуске газеты на родном языке. Рахимжан Дуйсембаев отправился в Казань за типографским оборудованием. Временно его обязанности стал исполнять Сакен. Предстояло создать волостные комитеты. По аулам разъехались комиссары. Они должны были объяснить Жителям современное положение, призвать их не избирать в комитеты тех, «кто раньше издевался над народом», строго следить за тем, чтобы в выборах приняли участие женщины.

Нелегко складывались у казахского уездного комитета отношения с уездно-городским и областными казахскими комитетами. Согласованности в действиях не получалось — в этом казахи Акмолинска убедились очень быстро.

На двух бывших волостных (Олжабая, в частности) поступило в казахский областной комитет до 120 жалоб. Их обвиняли в различного рода

преступлениях перед казахским народом. Об их зверствах знал и уездно-городской комитет. Но он не поддержал казахский уездный комитет, когда тот обратился в областной комитет, требуя наказать виновных. И областной комитет тоже отнесся к просьбе казахов с полным равнодушием.

Два комиссара, прибывшие в Акмолинск из областного комитета, — Сеитов и Кеменгеров не помогали уездному комитету работать, а скорее мешали. Постоянно вносили разногласия.

В результате казахский комитет, не надеясь на помощь извне, повел свои дела самостоятельно. И вскоре стал для казахов Акмолинского уезда и судом, и милицией, и верховной властью.

С помощью типографского оборудования, доставленного Рахимжаном Дуйсембаевым из Казани, был выпущен первый номер газеты «Тиршилик» («Жизнь»). Дуйсембаев и стал ее редактором. В передовой статье была изложена программа газеты. Она выражала интересы беднейших слоев населения.

Казахские комитеты создавались повсеместно. Но руководителями их были по большей части буржуазные интеллигенты — адвокаты, судьи, врачи, чиновники, переводчики. А вдохновляли их нередко муллы, бывшие волостные управители, баи.

И порой это выглядело таким образом.

«Это было в период, — вспоминает Сакен, — когда всюду проводились областные съезды. Съезд открылся в самом Уральске, в помещении городского цирка. Избрали президиум, который занял места за столом посреди арены. Многим делегатам не хватило места, я они стояли в проходах. В цирке собрались бывшие баи, бывшие чиновники, представители интеллигенции, образованные женщины, одним словом, сливки всей Уральской губернии.

Они сидят, как и полагается, за столом, на стульях, и только один человек сидит особняком по-своему, прямо на арене, на мягком ковре. Сидит, как шар в масле, тучный, широкоплечий, с серебряной узорной опояской и в меховой шапке из куницы. Жир на затылке толщиной с полено, щеки отвисли, как бурдюки. Зная себе цену, он изредка удостаивает окружающих своим взглядом. Зато с этого бога, «пупа земли», не сводит глаз президиум, уставился на него, словно охотничья ищейка на своего хозяина.

Все как будто идет спокойно. Но вот надменный взгляд «пупа земли» упал на двух женщин-казашек, одетых по-европейски. «Пуп» нахмурил брови и грозно пробасил:

— Это что еще за куклы там торчат?

Делегаты замерли. Президиум затрепетал, начал объяснять:

— Одна из женщин — жена Исы, другая — жена Айтжана. Обе они доводятся вам снохами.

— Гоните их отсюда! Здесь не место для бабьих сборов! — приказал толстяк.

Женщин моментально выставили из цирка.

Покончив таким образом с первым вопросом, сделали перерыв. Делегаты съезда мирно беседуют между собой. Толстый наместник бога на земле милостиво одарит словом то одного смертного, то другого. Присутствующие жадно внимают его драгоценной речи, ловят каждое слово на лету, как ловит брошенную кость голодный пес.

— Эй, Губайдулла! — позвал толстяк члена президиума Губайдуллу Алибекова. — Ты без конца твердишь, что часто бываешь в Петербурге. Бывай там сколько хочешь, но здесь, в моих краях, не мели ерунду!

— Эй, муллы, курите табак, тогда у вас перестанет болеть голова!

Никто не осмеливался ни обидеться на слова толстяка, ни возразить ему.

Кто же он такой?

Он — потомок знаменитого Сырым-батыра, известный волостной управитель Салык.

Когда съезд закончил свою работу, Салык обратился к президиуму:

— Эй, вы там! Сейчас все без исключения должны пойти на кладбище. Будем читать коран на могиле павших в 1916 году.

Делегаты беспрекословно повиновались и, выйдя из Цирка, толпой повалили на кладбище. Возле могил все уселись, скрестив ноги.

Члены президиума и активисты оказались в переднем ряду. Длиннейшую суру корана «Табарак» терпеливо прослушали до конца.

Таков был характер новой власти на местах. Полноправных наместников бога на земле вроде Салыка можно было встретить и в других местах, с теми же повадками и отношением к новшествам».

Удивительно ли, что в этих условиях буржуазные националисты, газета «Казах», ее руководящее ядро во главе с Алиханом Букейхановым активизировали свою деятельность. Газета рассылала по степи письма и инструкции, разъясняя свою националистическую позицию и требуя поддержки.

Состоялся Тургайский областной съезд, где присутствовали представители от Акмолинского, Семипалатинского и других комитетов. Было принято решение о созыве общеказахского съезда. Он должен провозгласить создание новой партии «Алаш». Избрали подготовительное

бюро, во главе которого встала редколлегия газеты «Казах».

Вскоре было объявлено, что всеказахстанский съезд состоится 20 июля 1917 года в Оренбурге. Во все комитеты были разосланы телеграммы с перечнем вопросов, подлежащих рассмотрению на съезде. Получил такую телеграмму и Акмолинск. Кроме того, стало известно, что, кроме делегатов, на съезде будет присутствовать ряд лиц, приглашенных лично Букейхановым, — типа волостного Салыка или Пана. Возникал вопрос: «Чем же эти люди заслужили доверие народа после свержения царевой власти?»

От областного комитета на съезд поехали врач Асылбек Сеитов и будущий учитель поэт Магжан Жумабаев.

Перед самым съездом Сакен получил письмо от Шаймердена Альжанова. Он писал: «Сакен, я еду на съезд господ в Оренбург. Я выступлю против Букейханова и буду доказывать неправильность его позиции. Ты тоже должен раскрывать глаза народу, неустанно разоблачать подлинное лицо этих людей. До свидания! Жди моих сообщений».

Акмолинский казахский комитет, как и общество «Жас казах», выражал несогласие с решениями областных съездов по многим вопросам. В частности, он настаивал на федерации, в то время как сторонники Букейханова боролись за автономию. Чтобы его умягчить, в Акмолинск прибыли областные комиссары с сообщением, что они намерены избрать делегатами на съезд Сакена и Рахимжана Дуйсембаева. Но эта уловка не удалась. Тогда волостные хажи и муллы начали открытую травлю Сакена и его единомышленников. Они называли их «безбожниками, смутьянами».

Кончилось это тем, что комитет был переизбран. Сакен и его единомышленники в новый состав комитета не вошли. Это было поражением, но поражением временным.

Казахская беднота группировалась теперь вокруг «Жас казах» и его органа — газеты «Тиршилик». Хотя в руках «Жас казах» не было никакой власти, те, кто хотел свободы, искал свое счастье, приходили сюда. И никак не хотели идти в казахский уездный комитет, во главе которого стояли ныне мулла Мантен, фельдшер Кусаин Кожамбердин и несколько переводчиков.

Высмеивая этих деятелей, их попытки сохранить баям их привилегии, Сакен в газете «Тиршилик» опубликовал стихотворение под названием «Сторожевые псы».

В «Тирнгалик» постоянно выступают Абдулла Асылбеков, Бакен Серикбаев.

Газета «Казах», считавшая себя вождем казахов, из номера в номер твердила, что казахам нужен свой самостоятельный муфтий. Рахимжан

написал по этому поводу большую статью в газету «Тиршилик». «А почему мы должны рядиться в поношенную одежду, — спрашивал он, — и продолжать поддерживать религиозную пропаганду, становиться подвластными муфтию? Наука утверждает, что религиозный дурман ослепляет народ, уводит его в сторону от просвещения, держит в темноте и рабском заблуждении. Одурманенный народ из муллы сделает муфтия, наделит его диктаторским полномочием, а потом не сможет от него избавиться. Такое уже случалось в истории других народов. Каково будет бедняку, если муфтий при обряде бракосочетания, наречения новорожденного или похорон заберет у него последнего теленка от единственной коровы? У казахского народа сейчас много неотложных задач, ему необходимо добиваться личной свободы, а не сажать себе на шею муфтия».

По предложению Сакена было открыто русско-казахское училище. Он стал преподавать здесь вместе с Д. А. Габузовым. При помощи Уали Хангельдина, Гаяза Абдуллина, Галымжана Курмашева открыл трехмесячные краткосрочные педагогические курсы по подготовке учителей для казахских школ. За работой курсов следил лично.

Сакен установил тесную связь с Хафизом Гизатуллиным, Галымом Аубакировым, Галымжаном Курмагаевым — создателями «Союза трудящихся мусульман», объединяющего городских татар.

Сакен не знает отдыха. Утром ведет занятия в русско-казахском училище и на педагогических курсах, затем — бежит в «Жас казах». Выступает на митингах и собраниях. Вернувшись к вечеру домой, до полуночи пишет статьи для газеты «Тиршилик», редактирует материалы других.

Проходили дни. Слов много, а результатов мало. Внимательно следил Сакен за газетами. Все газеты пишут об Учредительном собрании, о выборе депутатов. Все, и русские и казахские, газеты всех направлений и ориентации, кроме большевистских, ругают на чем свет стоит большевиков Петрограда и Москвы.

Сакену известно, что эта словесная пальба началась еще до Февральской буржуазной революции, продолжалась она и в период выступления большевиков против империалистической войны, продолжается и ныне. Временное правительство и его приспешники льют грязь на большевиков и их вождя В. И. Ленина. Большевики же выдвинули лозунг: «Вся власть Советам!» Чувствуется во всему, что на свет явилась новая, созидательная сила.

В Акмолинске самые крупные силы большевиков в военном

гарнизоне. Из всего множества организаций и групп они, пожалуй, становятся самой влиятельной. И народ все внимательнее прислушивается к ним, к той правде, которую они несут ему.

Трудящиеся Акмолинска часто приходят на митинги солдат. Особенно активны солдаты, вернувшиеся с фронта ранеными, инвалидами — кто без руки, кто без ноги, у кого нет глаза. Они многое повидали. Узнали о той правде, за которую борются большевики. Они заправляют в солдатских комитетах, игнорируют приказы комиссаров Керенского.

На солдатских митингах часто выступает Сакен. Его здесь знают. Ему верят.

Далеко от Питера до Акмолинска. И новости порой идут сюда долго. Но весть о том, что большевики взяли власть в свои руки, долетела со скоростью урагана.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВАЛ

Грянула Октябрьская революция. «На политическом фронте старый мир схватился с новым», — так писал Сакен Сейфуллин.

Со 2 по 10 декабря проходил III Западносибирский съезд Советов, возвестивший переход всей власти Советам на всей территории Западной Сибири.

И почти в то же время (со 2 по 7 декабря) в Оренбурге состоялся Общеказахский съезд, провозгласивший образование буржуазной казахской автономии — «Алаш-Орды». Было создано свое контрреволюционное буржуазно-националистическое «правительство» во главе с главой партии «Алаш» — Алиханом Букейхановым.

В Акмолинске — несколько «властей». Комиссар Временного правительства Петров все еще пытается управлять, но он уясе только чучело. Представитель областного комитета Мухтар Саматов, приехавший проводить выборы в Учредительное собрание, еще возится с дышащим на ладан казахским уездным комитетом, пытаясь вдохнуть в него жизнь. Преданное царскому правительству и выступающее против всего нового Казачье войсковое управление злобно огрызается, но у него уже нет зубов. Земский комитет сыплет словами, думая, что привлечет народ на свою сторону обещанием всенародного съезда. Речи членов земского комитета не так злобны, как раньше, теперь они заговорили о свободе и равенстве.

Вестники новой эпохи — «Жас казах» и солдаты-большевики действуют сообща и очень энергично. Силы их растут с каждым днем. На собраниях и митингах большинство с ними. Народной массе, особенно городской бедноте и батракам, нравятся их деловые, без патетики речи. Большевики не засиживаются в кабинетах, ожидая посетителей, а сами идут в народ. Они не ищут удобств. Зал кино, базарная площадь, всюду, где собрался народ, — там и они. Трибуной, с которой они говорят о Советской власти и ее целях, служат телеги или сани-розвальни. Агитируют, но никого не заставляют силой идти за ними.

Сакен, знавший чудодейственную силу слова, опять взялся за перо. Он задумал написать стихи о революции. Начал было писать одиннадцатисложным кара-оленом, но стих получался медленным, ритм его не соответствовал бурному ритму событий. Разве можно не спешить, когда сердце рвется ввысь и радость переполняет грудь? Попробовал

писать другим размером — жыр. Теперь подходил ритм, зато растянутое построение строфы делало стихи вялыми.

*Ветром быстрым,
Сердца искры
Рассыпая там и тут,
Незаметно,
Огнецветно
Годы юности пройдут.*

Нет, так писать нельзя. К тому же надо бы говорить не о годах юности, которые проходят, а о новом, что несет с собою молодость. Это стихотворение подходит только для рассказа о прошлом. Ритм стиха, его размер и звучание должны соответствовать темпу сегодняшнего дня. Если не найдешь этого, брось перо! Новая эпоха требует энергичных действий, ясности цели, слов, которые способны повести людей за собой.

*Вам, джигиты.
Жизнь открыта,
Вдаль стремите скакунов,
Не робейте,
Смело рейте
Выше туч и облаков.*

Нашел! Нашел! Только бы не сбиться с найденной ноты. Строка за строкой ложатся на бумагу. Как трудно отделаться от звучания первой забракованной строфы:

*С пылом юным
Бей по струнам!
С краснострунной домброй,
Пробуждая
Степь до края,
Обойдем простор родной.*

Ишь ты, и из старого стиха, оказывается, можно выжать что-то.

Видимо, дело не только в форме, но и в содержании. Поэт торопит себя:

*Клич мы бросим
(В сердце носим):
«Беднота, объединись!»
Смело, дружно
Строить нужно
Новый мир, иную жизнь!*

Все ли вложено в строки, что хотелось? «Многословье — уголь, малословье — золото». Не стоит удлинять стихотворение, достаточно будет, пожалуй, и этого.

Прочел снова. Общий ритм стихотворения вроде бы понравился. Хотел подправить некоторые слова, переставить строчки и передумал: «Не берись за ручку: испортишь, опять будешь исправлять, от этого трудно удержаться». Как раз в это время влетели Бакен Серикбаев и Абдулла Асылбеков:

— Идем скорее. Приехал товарищ из Омского полка, скоро собрание в гарнизоне. Собирайся быстрее!

— Я написал стихи...

— А ну-ка, ну-ка, прочти, — оба с интересом взглянули на Сакена. Тот постоял немного в нерешительности, не зная, прочесть первую строфу или не стоит, затем медленно, отчетливо выделяя ритм и помогая себе жестикуляцией, начал:

*Вам, джигиты,
Жизнь открыта!*

Рука его невольно вырвалась вперед, когда он дошел до строки:

Вдаль стремите скакунов!

Подняв руку, будто птица крыло, он закончил:

*Не робейте,
Смело рейте
Выше туч и облаков!*

Абдулла и Бакен слушали стихотворение и с удивлением смотрели на Сакена. Таким они еще его не видели. Казалось, что в этот момент Сакен выступал с трибуны перед многомиллионной аудиторией.

— Замечательно, замечательно! — Оба не знали, какими еще словами выразить свое восхищение.

— Вместо того чтобы кричать «замечательно!», сказали бы, что здесь лишнего, где надо переделать, думаете, я Жду от вас похвал? Если бы вы не помешали, я бы сделал его таким, что любо-дорого. — Сакен не мог не подтрунить над товарищами. — Можете вы что-нибудь еще добавить? — он испытующе взглянул на Бакена и Абдуллу.

Потом вздохнул:

— Эх вы, политические деятели, некому бить меня за то, что я решил читать вам стихи. — И рассмеялся. — Людям нужно такое слово, которое звало бы к действию, понимаете? Ну ладно, пошли в гарнизон.

Возле торговых рядов — большая площадь. С краю ее — двухэтажный дом, по красоте и величине третий в городе. — После Октябрьской революции, когда комиссары Керенского потеряли прежнюю власть и влияние, здесь разместился военный гарнизон. Там живут Мрнин, Кривогуз, Лозной, Коломейцев — солдаты-большевики. Гарнизон под их влиянием. Комиссара Временного правительства прапорщика Петрова встречают смехом.

Когда сюда пришли Абдулла, Бакен и Сакен, рыжеволосый среднего роста синеглазый парень в солдатской форме поднялся на трибуну. Собравшиеся уже знали его фамилию — Катченко!

— Товарищи, я прибыл к вам по поручению Омского полка. Вы знаете, что власть царя, а затем Керенского свергнута и вся власть перешла в руки Советов. Впервые в истории образовано правительство рабочих и крестьян. Создан Совет Народных Комиссаров во главе с вождем пролетариата Владимиром Ильичей Лениным! — Речь оратора заглушили крики и бурные рукоплескания. Нашлись и недовольные:

— Много из Омска приезжало комиссаров вроде тебя. Вчера еще говорили, что Ленин — немецкий шпион, а большевики — бунтовщики.

— Товарищи! Граждане! — прервал оратор. У него был густой голос, в котором явственно слышался акцент певучего, нежного украинского языка. — Так говорили и говорят враги пролетарской революции и мещане-обыватели, которые поют под дудку богатеев и офицеров. Сыты мы по

горло их баснями. Давайте сначала я расскажу о том, что видел и слышал, а потом сами решайте, что делать. Сейчас Советская власть устанавливается повсюду. Везде создаются Совдепы, власть переходит в руки трудового класса. В Омске создан Совдеп. Ему подчиняются город и села. Нравится вам или не нравится — ваше дело, но не подчиняться Советам, которые избраны самими рабочими, крестьянами и солдатами, — значит думать, что еще продолжается время Керенского. Ошибаетесь, очень ошибаетесь. Эта власть называется диктатурой пролетариата. Ее цели: окончить империалистическую войну, землю отдать крестьянам, помочь продовольствием голодным, больным, калекам.

По толпе, собравшейся на митинг, прошел гул. Все взволнованно зашевелились, словно ветер взрыбил поверхность воды. Взобравшись на трибуну, эсер Патрокеев начал расхваливать программу социал-революционеров. Приехавший со специальным поручением из Омска комиссар Временного правительства Хомутов тоже выступил против Катченко. После него на трибуну поднялся акмолинский казачий атаман Кучковский:

— Вы слушали приехавших из Омска. Теперь послушайте меня, и я расскажу вам то, что видел и слышал. 11 и 13 ноября проходило собрание казачьего войска. На нем были рассмотрены текущие вопросы и было вынесено постановление о том, чтобы правительство состояло только из социалистов, но чтобы в него не входили Ленин, Троцкий и Крыленко.

Зал взорвался возмущенными криками. Кучковский остолбенело замолк и только искоса поглядывал на Моница. Из зала доносились крики:

— Атаман еще слепой!

— Прогнать его с трибуны, плевать мы хотели на его слова!

Монин громко зазвонил колокольчиком.

— Соблюдайте порядок, выходите на трибуну и высказывайтесь. — С трудом удалось ему успокоить собравшихся.

Разозленный тем, что он теперь потерял былую власть, атаман стоял в нерешительности, не зная, продолжать речь или не стоит.

— Ну чего ты, воды в рот набрал, что ли? Спой, соловушка, — насмешливо крикнул кто-то из зала.

— Я тоже, как Катченко, рассказываю о том, что видел и знаю. Если хотите, у меня есть решение войскового Совета казачьих депутатов, могу прочитать его, — атаман потянулся к бумажке.

— «1) По единодушному мнению Совета власть должна быть однородно социалистической — от народных социалистов до большевиков включительно при обязательном условии персонального отвода».

Ему не дали продолжать.

— Сойди с трибуны!

— Хватит!

— Вон с трибуны, вон! — зашумели, закричали в зале.

Кучковский, опустив плечи, сошел вниз. От имени присутствующих на митинге казахов и татар слова попросил Сакен.

— Атаман должен делать то, что положено атаману. Но я ответил бы ему словами Крылова: «Ай, Моська, знать, она сильна, что лает на слона!»

— Зал сотрясли раскаты могучего хохота. Сакен продолжал: — Если бы речи, митинги и собрания приносили людям очищения от грехов, то, видит бог, акмолинцы первыми попали бы в рай. — В зале опять засмеялись. Аудитория стала с интересом вслушиваться в слова оратора.

— То, что сказал солдат, который приехал из Омска, мне нравится. Разве можно быть против, если трудовой народ, который столько лет кормит баев и беков, чиновников, помещиков и войсковых атаманов, хочет теперь сам воспользоваться плодами своего труда? Кто из вас, стоящих здесь, сытно ел, беспечно веселился, лежал на пуховой постели? Разве в серых шинелях и с винтовками в руках не те, кто до этого ходил за сохой и быком? Винтовка дается не для того, чтобы человек забыл, откуда он происходит, а для того, чтобы научиться, как с нею надо обращаться, как заставить врага склонить голову и покориться. Но надо знать, против кого ее следует повернуть. Наша организация «Жас казах» целиком приветствует Советскую власть.

В зале опять загалдели. Присутствующие на митинге громко переговаривались:

— Здорово этот киргиз говорит по-русски!

— Ученый, видать!

— Да он большевик!

— Думает, наверное, главным стать среди киргизов.

Эти возгласы перекрывались рукоплесканиями.

Председательствующий Монин кратко заключил митинг:

— Пошлем Ленину телеграмму, что поддерживаем Советскую власть.

Когда народ стал расходиться, Кривогуз остановил Сакена и что-то прошептал ему на ухо. После митинга состоялось совещание, на котором присутствовало человек тридцать. Опять выступил Катченко. Он сказал, что первым делом следует захватить власть в городе, а для этого необходимо составить организационную группу. На совещании был избран большевистский комитет из 11 человек, в состав которого в числе других вошли Катченко, Монин, Сейфуллин, Серикбаев, Кривогуз.

Трескучие морозы бескрайней казахской степи не смогли противостоять могучему теплоте дыхания новой эпохи, им не удалось отменить митингов и собраний на площадях и в нетопленных залах, остудить энтузиазм многочисленных сторонников Советской власти. Из Москвы, Петрограда, Омска одна за другой приходили радостные вести, придававшие силу словам и действиям Сакена и его друзей.

Не успел Сакен получить из Омска от Шаймердена Альжанова письмо, в котором тот сообщал, что ведется подготовка к созданию казахской социалистической партии «Уш жуз»^[27] (Три орды), как пришел первый номер газеты «Уш жуз» — органа одноименной партии, возглавляемой омичами Муканом Айтпеновым, Кольбаем Тогусовым, Шаймерденом Альжановым, Искаком Кобеко-вым. Шаймерден Альжанов, друг юности. Вот как далеко зашла его борьба с Букейхановым. Основное направление газеты — пропаганда идеи братства и единства тюрко-татарских народов. Газета выступала с обвинениями против главы «Алаша» Букейханова и его единомышленников. Говорила, что простому народу мало пользы от них, зато много вреда, что партия «Алаш» выгодна не трудящимся, а баям и биям.

Политические взгляды, проводимые газетой, в общем-то были расплывчаты. И все же, размышлял Сакен, следует с особым вниманием отнестись к программе этой партии. Во всяком случае, она раскрывает суть действий партии «Алаш», алаш-ордынского правительства и пустых обещаний Алихана Букейханова, Мыржакыпа Дулатова и др.

На второй странице газеты Сакен увидел кандидатов в Учредительное собрание — от каждой группы и от партии «Уш жуз» — список № 11...

Сакен не поверил собственным глазам. Внимательно перечитал шестую в списке фамилию. «Сайфуллин Садуакас Сайфуллинович. Акмолинск». Все верно, кроме буквы «а», которая напечатана вместо «е». А вот и дальше под номером семь: Адилев Байсеит Адилевич.

— Что за безобразие! Это, видно, его рук дело. Когда это я поручал ему руководство собою?

— Байсеит, поди-ка сюда, — позвал он из соседней комнаты Адилева.

— Что случилось?

— Это твоя работа? — Сакен сунул ему в руки газету.

Байсеит прочел. Скривил губы, но на лице появилось довольное выражение. Бросил взгляд и на другие списки.

— Будь что будет. Видишь, мы даже оказались в общем списке с Букейхановым. Гад Алихан выдвинул свою кандидатуру от нескольких

организаций.

Но Сакен остановил его:

— Брось трепаться! Это твоих рук дело? Результат твоей прошлой поездки в Омск?

— Да что это с тобой?

— Когда ты бросишь привычку решать за других?

— О чем ты? Будь я проклят, если что-нибудь понимаю.

— Это ты записал нас в список?

— Нет, я и сам не знаю кто. Я же тебе рассказывал, что на казахском съезде Шаймерден много раз выступал в дискуссиях — наши слова и дела сходны с их программой. Вот они и вписали нас. Что тут особенного?

— Так нельзя делать. Надо бросать старые привычки. Они должны были известить нас об этом. Я откажусь от выдвижения моей кандидатуры в Учредительное собрание.

— А что тут такого? Подумаешь: не изберут — плакать не стану.

— Пора бы тебе знать, что не следует браться за дело, если знаешь, что проку от этого не будет. Можешь быть свободен. — И Сакен опять углубился в газеты.

На этот раз он обратился к «Революционной мысли». На третьей странице увидел напечатанное крупным шрифтом заглавие: «Ответ органу киргизской партии «Алаш» — газете «Казах» (открытое письмо)». И подпись — Кольбай Тогусов.

— Ишь ты, да «ушжузовцы» оккупировали и русскую газету!

Сакен знал, что незадолго перед тем газета «Казах» выступила против Кольбая Тогусова, ныне лидера партии «Уш жуз». Пытаясь дискредитировать Кольбая, издатели поместили статью, в которой о Тогусове говорилось в самых черных красках, и, в частности, ему ставилось в вину, что он когда-то «отдыхал» полтора года в арестантском отделении по приговору Семипалатинского окружного суда.

Теперь Кольбай Тогусов давал бой Букейханову и партии «Алаш».

Букейханов, писал он, в прежние времена был постоянным сотрудником газеты «Дала-Валаяты», органа степного генерал-губернатора. В революцию 1905 года он сменил свою «черную султанскую шубу» на «красный халат», объявив себя громогласно социал-демократом. Но подавлена революция — и Букейханов кадет. Новый поворот истории — и он организует свою партию. Партия «Алаш» — партия кучки богатеев и реакционеров. К таким выводам вел Кольбай своих читателей.

Дальше Кольбай писал о себе»: «Совершенно верно! Я, Кольбай Тогусов (он же Туленгутов), «отдыхал» под замком одиночной камеры при

царском режиме, в то время, когда вы стояли «во фрунт» перед городовым не 1 1/2 года, а гораздо больше. Первый раз я был арестован 29 августа 1908 года по распоряжению Столыпина на основании 19 ст. положения об охране государственного порядка...

30 декабря 1910 года я вновь был арестован и заключен в одиночную камеру сначала при Усть-каменогорском, а затем в Семипалатинском замке.

19 августа 1914 года я был выслан из пределов Степного края с воспрещением жительства в столичных городах. 15 мая 1915 года, за № 2108, я был освобожден от ссылки. С 26 ноября 1916 года я издавал в городе Ташкенте киргизскую газету...

После великой революции я был делегирован от трудового союза на Всероссийский крестьянский съезд, где избран членом исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В Степной край приехал по требованию киргизского трудового народа...»

Свой ответ органу реакционной буржуазии — газете «Казах» Кольбай заключил такими словами: «Вы хотите опять схватить своими жирными руками за горло киргизскую демократию, по этому не будет, потому что она просыпается и имеет в своем распоряжении боевой штаб в лице Центрального Комитета социалистической киргизской партии «Уш жуз». Вы можете подойти к молодой киргизской демократии, перешагнув через мой труп и трупы моих товарищей.

Я вызываю вас на открытую, честную борьбу».

— Да, камня на камне не оставил от «Алаша» и Алихана.

Не первый год идет эта борьба. Еще в пятнадцатом году в журнале «Айкап» Кольбай выступил с ответным письмом Раимжану Марсекову, в пух и прах разбил тогда и Алихана и его соратников — Ахмета, Мыржакыпа. Но не пошел, видно, на пользу им тот урок.

Мысли Сакена прервал Катченко:

— Садуакас Сейфуллаевич! Казахский пролетариат должен на этот раз крепко поддержать нас. Завтра официально устанавливаем власть Советов. Представители из Омского областного комитета собираются провести собрание в Казахском комитете. Поезжайте-ка туда.

Сакен с Бакеном Серикбаевым, Жумабаем Нуркиным, Абдуилой Асылбековым, рабочими Билялом Тналиным, Абубакиром Есенбаковым и еще несколькими товарищами отправились в Казахский комитет. Вчера здесь весь день шла дискуссия. Сегодня народу набилось еще больше. Перед собравшимися выступают с красивыми словами и угрозами божьей кары приехавшие из Омска алашординцы — доктор Асылбек Сеитов, капитан Мигаши Аблайханов, Мухтар Саматов, а также мулла Мантен,

волостной управитель Олжабай, толмачи Сарман, Усен, Кусаин, Толебай. Здесь же предводитель акмолинских джатаков (полупролетариев) Кошербай Жаманаев. Он председатель собрания и, прежде чем дать слово очередному оратору, две-три минуты представляет его.

Сегодняшнее собрание должно решить: или народ пойдет за большевиками, или же останется под влиянием «Алаша». Третьего пути нет. Завтра должны быть основаны Советы, поэтому решающим станет выбор той части населения, которая составляет большинство. Люди внимательно слушают тех, кто приехал издалека. Сакен ни откуда не приехал, но его выслушали дважды. Однако все с нетерпением ждали речи доктора Асылбека Сеитова. Среди жителей Акмолинска распространился слух, что он мгновенно излечивает любую болезнь. Поэтому многие втайне надеются, что доктор сможет указать выход и из того лабиринта сомнений, в котором они блуждали. Асылбек еще не выступал. А уже все устали. И все же:

— Что там Асылбек хочет сказать? Давайте его послушаем.

Кошербай дал слово Асылбеку.

— Люди добрые, соотечественники, родичи! — начал он. — Вы внимательно выслушали речь представителей «Жас казаха» во главе с Сакеном. Они хотят, чтобы вы согласились войти в состав непонятной федеративной республики, поддержали власть большевиков, выступили против «Алаша». По-моему, это слова тех, кто хочет заманить вас в сети обмана. Нет оснований для разделения казахов на богатых и бедных. Кто из вас видел казаха, умирающего с голоду, оставшегося одиноким и брошенным?

При этих словах собравшиеся зашумели:

— В твоём ауле, может, все равны!

— Очки, наверно, мешают ему видеть!

Асылбек, не останавливаясь, продолжал:

— Кроме того, Сакен и его сторонники не знают положения в таких больших городах, как Омск, Оренбург. Им неизвестно мнение руководителей народа. Здесь многие следуют за ними. Но разве человек со здравым рассудком будет против того, чтобы образовать правительство «Алаш-Орды» и получить автономию?

В зале стало еще шумнее. Оратор не оправдал надежд, и его попросили с трибуны. Сакен в третий раз взял слово.

— У многих алашцев, правда, — сказал он, — несметные богатства и тысячи голов скота. Но какая польза народу от их богатства? Не попросишь — они и напиток тебе не дадут. Кто из них оказывал помощь беднякам без

ругани и упреков? Все, кто твердит: «Алаш, алаш», думают не о благе народа, не о бедных и неимущих. Я расскажу сейчас вам, что думают апашординцы и что думают большевики, а потом вы сами решайте, с кем вам по пути. — Сакен обвел взглядом собравшихся и продолжал:

— Что такое «Алаш-Орда»? «Алаш-Орда» — это орудие тех, кто сидит на шее казахского народа и хочет, воспользовавшись революцией, восстановить ханскую власть. Нужно ли казахскому народу ханство? Казахский народ насмотрелся на дела ханов. На шею простому народу, избавившемуся от Николая, «владыку хана» не посадить. Кому нужен хан? Хан нужен баю, хан нужен волостному. Хан нужен вот этим господам, которые хотят занять высокие посты. — Сакен посмотрел на руководителей Акмолинского казахского комитета и на представителей, прибывших из Омска. Слушатели рассмеялись.

— Но как бы им не хотелось, им не удастся посадить хана на шею простым беднякам — казахам и многонациональному рабочему классу России, уничтожившему род Романовых, три века сидевших на троне. И пусть они помнят об этом. — Опять глянул в их сторону, словно выстрелил. — Хотят собирать деньги среди казахов. А для кого они собирают деньги? Для тех, кто хочет стать ханом. Хотят организовать казахскую милицию. Кого она будет охранять? Господство тех, кто мечтает о хане. От кого охранять?

В зале снова зашумели, послышались крики:

— Пускай уж не охраняют нас!

— Что у меня им охранять-то?

— Кто спасся от царской мобилизации, тому уже не нужны охранители!

— Бостек^[28] и лачужку бог и сам защитит!

— Люди, успокойтесь! «От кого охранять?» — спросил я. От большевиков. А кто такие большевики? Большевики — это те, кто борется за интересы всех рабочих, батраков, бедняков. Кто идет за большевиками? За большевиками идут рабочие всех национальностей, батраки, вроде нас, все трудящиеся. Против кого идут большевики? Против царя, его сторонников, баев-кровососов, насильников, чиновников, волостных, старшин.

— Э, значит, против нашего Олжабая!

— То-то Асылбек расщебетался: видать, за отца беспокоился.

— А мы-то им верим, думаем: «Издалика приехали, большие люди, ученые!..»

Сакен, немного помолчав, продолжал опять ту же мысль:

— Большевики хотят сделать все нации равноправными. Что еще нужно простому казаху? Нет у казахов лишней крови и лишней силы. Казахи не должны давать ни солдат, ни денег! — закончил свою речь Сакен.

— Молодец, мало сказал, да метко!

— Со вчерашнего дня мерзнем, стынем на ветру, зато такие слова послушали!

— Будь счастлив, голубчик Сакен, ты раскрыл нам глаза!

— Люди! — опять поднялся Сакен. — Вот эти господа будут чинить нам много препятствий. Но дни их сочтены. Те, кто за нас, собирайтесь завтра к зданию кинотеатра. Послушайте, о чем будут говорить.

27 декабря 1917 года. Это исторический для Акмолинска день. День начала новой эпохи в степном городе.

Вопрос об организации Советской власти в Акмолинске обсуждался на многочисленном собрании в помещении кинотеатра. Зал был наполнен до отказа. Многие стояли в Дверях. Присутствующие разделились на два лагеря. Кричат, мешают друг другу, не дают говорить.

Сакен с трудом пробился к трибуне.

— Вчера мы провели митинг, чтобы выяснить настроения казахского населения города. Большинство отвергло «Алаш-Орду» и поддержало Советскую власть. От имени казахских трудящихся, организации «Жас казах» и газеты «Тирпшлик» заявляю, что мы поддерживаем Советскую власть и не пожалеем сил для её упрочения. Необходимо сегодня же организовать Совдеп и приняться за работу. В центре Советская власть установлена уже полтора месяца назад. А мы все еще топчемся на месте да разговариваем.

Не успел он закончить, как в дверях кто-то крикнул: «Комиссары Керенского Петров и Хомустов сбежали!» Собравшиеся загалдели, закричали, Сакен повысил голос:

— Товарищи, это значит, что Совдепы без сопротивления взяли власть в свои руки! Многие еще убегут, с пролетариатом останутся лишь те, кто способен выдержать все трудности! Необходимо теперь же созвать съезд и начать дело истинного освобождения трудящихся! — Сакен уже кричал, стараясь перекрыть гомон толпы.

Бегство Петрова и его приспешников сразу же поубавило пыл у тех, кто был против Советов. Теперь они уже боялись открыто выступать против Советской власти. Тут же нашлись и такие, кто предложил выбрать в Советы представителей от всех слоев населения.

— От правительства, которое делит власть между многими, толку не будет. Мы не можем создавать коалиционный комитет, когда везде власть перешла в руки рабочих и крестьян. Кого вы выдвигаете в состав организационного Совдепа? — сказал председательствующий на собрании Бочок. Поднялся лес рук, люди выкрикивали имена своих кандидатов.

— Товарищи, не шумите, соблюдайте порядок. Слово предоставляется товарищу Мониному.

— Группа акмолинских большевиков постановила организовать ядро Совдепа из следующих товарищей. Я буду зачитывать список, а те, чьи фамилии будут названы, должны вставать с места, чтобы их видели. Бочок Тимофей — рабочий Экибастузского завода, Катченко Захар — представитель полка, Монин Нестор — это я, солдат, Кривогуз Феодосии — солдат, Лозной Степан — солдат, Коломейцев Михаил — солдат, Шафраи Павел — кузнец, Кондратьева Елизавета — художница! Бакен Серикбаев — служащий, Абдулла Асылбеков, Нургаян Бекмухаметов, Жумабай Нуркин, Садуакас Сейфуллин — учителя, интеллигенты, Байсеит Адилев — мелкий служащий, Мартылаго Владимир — парикмахер, Хафиз Гизатуллин...

Список был длинным. Названные в списке вставали, их приветствовали аплодисментами, слышались крики! «Знаем, знаем, согласны!»

— Итак, объявляю, что в Акмолинске установлена Советская власть. Совдеп немедленно приступает к работе по подготовке съезда, берет в свои руки власть в городе и аулах, — подытожил председательствующий.

Студеная зима Сары-Арки не помешала всенародному ликованию. И оно длилось несколько дней. Недовольные новой властью притаились, собираясь с силами.

На очередном заседании Совдепа произвели распределение обязанностей. Сакену поручили руководство народным просвещением.

На следующий день Сакен собрал в здании гимназии учителей и наставников, членов учительского общества и объявил им о необходимости признать Советскую власть. Раздались крики: «Это беззаконие! Не признаем!» Таких было большинство. Главенствовал Шайтанов. Председатель учительского общества Колтунов тоже был на стороне Шайтанова и компании. Вел собрание Сакен, поэтому никто не мог лишить его слова. И он говорил, убеждал, объяснял... Тщетно. Наконец Сакен не выдержал:

— Господа учителя и наставники, до этого вы говорили, что далеки от

политики. Я сужу по вашим выступлениям. Но вот что я вам скажу: занятия в школе прекращены не будут, привилегии, которыми вы пользуетесь, не только сохранятся, но даже будут расширены. Вам будет оказана соответствующая материальная помощь. Ну а ваши политические взгляды исправит само время. Не могу не предупредить, что любое проявление саботажа будет — сурово пресекаться Советской властью. Подумайте, сейчас закладывается основа новой эпохи, Докажите, что ваша любовь к народу — не пустые слова.

Позиция, занятая учителями, озадачила Сакена. Просвещенные, культурные люди. И хотели бы уйти от старого, да вот, оказавшись лицом к лицу с новым, пугаются неведомого. Одни опасаются новой власти, не зная, Что она им принесет. Другие не верят, что темный народ, в рваных халатах и серых шинелях, сможет управлять государством. Иные же просто растеряны. Ну ничего, все утрясется. Время поможет.

Гарнизон города целиком поддержал Советскую власть. Казаки притаились, притихли. Со стороны кажется, что события последнего времени не затронули их, но прежней силы в казачьем войске уже нет. Затаился и Шайтанов. Лебезит, сладко улыбается — не иначе, готовит какой-то подвох.

Совещание в Совдепе проходило бурно. Главный пункт повестки дня — выборы на предстоящий уездный съезд Советов. Демократические выборы, которые покажут на деле, как претворяются в жизнь идеи равенства. После утверждения ответственных за выборы Сакен попросил слова. Он обратил внимание собравшихся на то, что день ото дня становилось все очевиднее — противники Советской власти тайно собираются с силами.

— Вы видите сами, — сказал он, — что казаки и бывшие торе,^[29] чиновники, казахские баи и волостные встречают нас косыми взглядами. Они готовы выступить в любой момент. Нам нужна армия. Не просто отряды, а люди, способные, если будет нужно, сражаться. Мы совершим большую ошибку, если потеряем бдительность. Поэтому я предлагаю — с сегодняшнего дня все члены Совдепа должны записаться в Красную гвардию.

Предложение Сакена было дружно поддержано. Порешили даже открыть курсы ускоренного обучения военному делу.

Была налажена почтовая связь, и теперь бесперебойно поступали газеты, журналы, письма. Однажды, просматривая свежие номера газеты

«Революционная мысль», Сакен обратил внимание на небольшое сообщение под заголовком: «Резолюция». В нем говорилось, что на заседании Центрального Комитета казахской социалистической партии «Уш жуз» было обсуждено обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Сакен сам переводил это обращение на казахский язык и опубликовал его в газете «Тиршилик», считая этот документ одним из важнейших для понимания целей и задач Советской власти в решении национального вопроса.

Излагая основные моменты обращения, Центральный Комитет йартии «Уш жуз» заострил внимание читателей на том, что:

«Совет Народных Комиссаров правильно понял общность задач между демократией Европы и 360-миллионным мусульманством. Борьба с империализмом, провозглашенная русской революционной демократией, результатом должна иметь освобождение мусульманских стран от эксплуатации европейского капитала и от опасности постоянных разделов. И в этом отношении приняты решительные шаги Советом Народных Комиссаров, чего мы, мусульмане, не видели ни у правительства Львова, ни у правительства Керенского...

Центральный Комитет, учитывая все это, большинством всех против четырех, постановил: объявить Совету Народных Комиссаров в центре и Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов на местах полное доверие».

Издадека зашли. Чтобы выразить доверие власти большевиков, не обязательно говорить от лица мусульман всего мира. Не о мусульманах вообще, а о бедноте следовало писать, подумал Сакен. Но как бы там ни было, они все же ближе к нам, чем «Алаш». И ведь недаром Шаймерден стал членом партии «Уш жуз». Интересно, как он воспринял отказ от выдвижения моей кандидатуры в Учредительное собрание.

Сакен вскрыл конверт, присланный из Омска. В нем оказались второй номер газеты «Уш жуз» и письмо. Жанайдар Садуакасов с сожалением писал, что руководство культурно-просветительного общества «Бирлик» перешло к Магжану Джумабаеву и его сторонникам.

Начал читать газету «Уш жуз». На первой полосе помещен материал под заголовком «Партия «Уш жуз». Вторая страница начинается отпечатанным крупным шрифтом аншлагом: «Да здравствуют тюркотатары!» Внизу опубликованы по-казахски и по-русски списки кандидатов в Учредительное собрание.

— Ну что же, сравним слова и дела «ушжузовцев». — Сакен начал читать программную статью «Уш жуз».

«Политическая партия «Уш жуз» находит недостаточной программу партии «Алаш», которая пытается сшить и надеть на плечи великого казахского народа тесную, очень короткую и очень куцую шубейку.

Поэтому партия «Уш жуз», отнюдь не желая сказать, что она «из молодых, да ранняя», обращается к казахскому народу, который подобен сейчас человеку, с великой надеждой простирающему перед трапезой к богу руки, со скромной просьбой не обойти ее стороной, не поддаться обаянию словам «Алаша» во время выборов».

— Э, друзья, так вот что беспокоит вас: выборы в Учредительное собрание. Вот почему вы вдруг стали такими смиренными и почтительными. Ясно теперь, почему вы вдруг заговорили о вере, боге, мусульманстве. Это тактический ход на время выборов: надо представить верующим массам партию «Алаш» как безбожную и получить большинство голосов. Как бы там ни было, а мне с вами вместе не сидеть и разговоров не водить. — Сакен открыл новую страницу газеты. Его словно обожгла бросившаяся в глаза подпись: «Шаймерден Альжанов».

А-а, старый друг! Посмотрим, что ты пишешь.

Шаймерденовская статья называлась «Гнусным клеветникам»:

«В 251-252-м номерах газеты «Казах» то ли из зависти, то ли от недостатка ума всячески поносят членов партии «Уш жуз», которая если не лучше остальных, то, во всяком случае, не хуже. Что же поделаешь — язык без костей! О рука, водящая перо, ни чести ты не ведаешь, ни бесчестья! Будь ты справедливой — писала бы ты правду, остановилась бы, когда дошла до клеветы, до сплетен! Но куда деваться тебе, если силой ведут тебя к столь гнусному обману. И кто? Алашевский Алихан, этот упырь из народной поэмы о Сеитбаттале. А пишет тот, кто на побегушках у Алихана, — злодей Мыржакып. Они хотят стать во главе если не всех трех жузов,^[30] то, во всяком случае, Среднего жуза...» — в подобных выражениях автор статьи обрушивался на партию «Алаш», а затем награждал самыми лестными эпитетами основателей партии «Уш жуз». Весь номер газеты был занят материалами, избобличающими «Алаш» в самых худших пороках, и сводился к агитации не голосовать за алашординцев во время выборов в Учредительное собрание.

Вот так сцепились. Теперь посмотрим, как газета «Казах» громит «ушжузовцев». Да, примерно в тех же словах. «С виду они, «ушжузовцы», — пишет газета, — похожи на людей, но мыслят они как звери. Присвоив себе имя «партии трех жузов», они пытаются обливать грязью тех, кто составляет ядро «Алаш». Волкам обычно подсыпают яд. Партия «Уш жуз» — это опасная опухоль, появившаяся на здоровом теле народа. Долг сынов

«Алаша» не слушать их, держаться от них подальше, остерегаться их. Мы говорим плутам из «Уш жуза»: «Не развращайте народ, не в ваших силах умело управлять им. Народ не глуп, он не пойдет за вами к пропасти»,

Сакену было ясно. Руководители «Уш жуза» совершили тактическую ошибку. Не следовало им перенимать у алашординцев их приемы борьбы. Назвав партию социалистической, не надо было добавлять еще название «Уш жуз». Нет, не представляют они себе ясно своих задач. Однако при всем том схватка... «ушжузовцев» с партией «Алаш», их взаимные обличения, имеют и свои преимущества. Помогают народу понять, с кем они имеют дело. Сакен подумал, что нужно как следует подготовить очередной номер своей газеты «Тиршилик».

Своевременному выходу этой газеты мешали самые различные дела, которыми постоянно был загружен Сакен. То подготовка к съезду Советов, то проверка хода занятий в школах, то чтение лекций в школе для взрослых и на педагогических курсах, бесконечные собрания и заседания. Не дает покоя и созданная на Спасском заводе молодежная организация «Жас журек» («Юные сердца»), оттуда все время приезжают за помощью и советом. Жанайдар, Хамза и их товарищи из Омска сообщают, что деньги, высланные им, так и не дошли до адресата. Сакен поместил в четвертом номере «Тиршили-ка» статью «Жандармский казахский комитет Акмолинской области» с подписью «Шамиль». На это газета «Казах» ответила резкой бранью. В общем дел невпроворот. Работать приходится почти целыми сутками.

Съезд Советов открылся 15 февраля 1918 года в 12 часов. Люди, словно на праздник, вышли на улицы. Нарядные толпы заняли площадь перед кинотеатром «Прогресс». 224 делегата съезда — представители казахских и русских крестьян, рабочих, солдат и интеллигенции. Со времени основания города здесь еще не было столь представительного собрания.

После доклада «О текущем моменте и положении в Акмолинске» на трибуну один за другим стали подниматься делегаты. Они приветствовали созыв уездного съезда Советов и рассказывали о местных нуждах. Те, кто ни разу в жизни не был сыт, говорили о своих заботах и печалях. Не было шума и крика, как на митингах, люди выступали по очереди, им дружно аплодировали. 17 февраля был утвержден Акмолинский Совет в составе 84 депутатов. Сроком на три месяца были избраны 30 человек от русских, 24 человека от казахских волостей, 20 представителей от пролетариата города, 5 человек от татарского населения и 5 представителей от инвалидов. Затем

началось обсуждение наказов и пожеланий.

Было утверждено решение съезда, состоящее из 42 пунктов и предложенное президиумом: признать Советскую власть, послать приветственную телеграмму В. И. Ленину, конфисковать имущество крупных капиталистов и купцов, произвести раздел земли, обеспечить население зерном и сельскохозяйственными орудиями, организовать кооперативную торговлю, помощь инвалидам, начать борьбу с пьянством, покончить с барымтой, [\[31\]](#) проводить в жизнь декрет о всеобщей трудовой повинности, создать революционный суд, организовать бесплатное всеобщее обучение и т. д.

Только поздней ночью завершилась работа съезда.

Радостные возвращались домой Сакен, Бакен, Абдулла, Жумабай, Байсеит и Турысбек.

— Мы-то думали, что Байсеит грамотей большой, поэтому избрали его секретарем президиума. А он так обрадовался тому, что сидит в президиуме, что даже не заметил, какие решения принял съезд, — съязвил с лукавой усмешкой Сакен.

— А что вам не понравилось, товарищ поэт-трибун?

— Решения, принятые на съезде, бесспорно, правильные. Но ведь их следовало расположить в каком-то порядке, отделить главное от второстепенного. А вы что сделали? Внесли в решение все, что ни говорилось. Решение — документ важнейший, и не следует, например, вписывать в него такие мероприятия, как обеспечение населения дровами. А дрова у вас фигурируют даже в двух пунктах.

Байсеит обиделся:

— Если ты такой знающий, то чего же молчал на съезде? Махать саблей, когда некого рубить, светик Сакен, все равно что стрелять в степь.

— Я серьезно говорю, Байсеке.

— И я. Мне никогда не приходилось так много писать. Честное слово, — оправдывался Байсеит.

— Как бы там ни было, а съезд прошел удачно. — Это резюмировал Турысбек.

— Товарищи, «господа», пошли к нам, я велел Бану приготовить ужин, — все обернулись к Абдулле.

— Мне уже неудобно перед хозяйкой, — замялся Сакен. — Каждый раз прихожу среди ночи, а она не может заснуть из-за шума, который я поднимаю.

— Слушай, товарищ, о покое замужних женщин пусть заботятся женатые, ты лучше дай нам посмотреть на твою невесту, — засмеялся

Абдулла, намекая на то, что Сакен холост.

— Кстати, Сакен, почему ты не женат? Или еще не достиг совершеннолетия? — притворно удивился Жумабай.

— Зачем мне призывать мигрень на свою голову, достаточно того, что у вас есть жены.

Их уже ждали.

— Бану, почему ты вышла за такого феодала, а не выбрала демократа вроде меня? — спросил Сакен, входя в дом.

Друзья поддержали:

— Подлизывайся, подлизывайся к женщинам — не будешь ходить голодным.

— Он не упустит случая таким дешевым способом заработать симпатию хозяйки.

— И как только ему в горло ползет кусок, который он заработал, хваля Бану и понося нас!

— Ну напали на беднягу, как голодные осы! Оставьте его в покое, ужин я приготовила, не ожидая комплиментов Сакена. Расправляйтесь-ка лучше с мясом, а не с Сакеном, — вступилась Бану.

— Ишь как старается! Все равно мы не выдадим Сакена за девиц, которых ты для него готовишь, — рассмеялся Абдулла.

— Да вы уж меня без меня женили, — отшучивался Сакен.

Довольные и немножко уставшие мужчины подсели к достархану... [\[32\]](#)

19 февраля 1918 года члены Акмолинского уездного Совета рабочих, крестьянских и казахских депутатов на своем общем собрании приступили к выборам президиума Совета и исполнительного комитета. Большинство голосов членами президиума были избраны Захар Катченко (председатель), Тимофей Бочок и Бакен Серикбаев (товарищи председателя, или заместители), Феодосии Кривогуз, Байсеит Адилев (секретари), Нестор Монин (казначей), Елизавета Кондратьева и Сакен Сейфуллин.

Когда организационные вопросы были решены, Совет перешел к текущим делам.

Советская власть нуждалась в средствах. К тому же следовало обуздать баев, купцов и капиталистов. Порешили наложить на акмолинских богачей три миллиона контрибуции.

Богачи взвыли. Но что им оставалось делать? Согласно приказу они в короткие сроки сдали деньги в финансовый отдел Советов.

Постановили также конфисковать мельницы богача Петра Моисеева, а Спасскому заводу выделить сто тысяч рублей.

Такие меры повысили авторитет Совета в глазах городского большинства, снискали ему уважение. Но богачи и их приспешники затаили злобу.

Акмолинский Совет день ото дня набирал силы. Сакен был назначен комиссаром по народному образованию, провел еще одно совещание учителей города. На сей раз сторонников Советской власти оказалось больше, чем на прошлом совещании.

Из Омска поступали все новые вести. В конце февраля «Известия» Омского Совета сообщили о том, что в связи с роспуском областного казахского комитета, как органа контрреволюции, объединенное заседание Центрального Комитета казахской социалистической партии «Уш жуз» и исполнительного комитета омских самостоятельных единиц и демократических организаций до созыва областного казахского демократического съезда приняло постановление о временном введении в состав областного казахского комитета следующих товарищей:

1. Шаймердена Альжанова,
2. Ершика Токпаева,
3. Кудери Мусина,
4. Абдрахмана Кылышбаева.

А 1 марта 1918 года председатель вновь образованного областного казахского комитета Ш. Альжанов и председатель партии «Уш жуз» К. Тогусов дали в Семипалатинский казахский уездный комитет телеграмму следующего содержания: «По постановлению Центрального Комитета «Уш жуз» областной казахский комитет низвержен, члены его арестованы. Самозванное казахское буржуазное правительство «Алаш-Орды» не может быть нами признано». Альжанов и Тогусов предлагали немедленно востребовать те 20 тысяч рублей, которые были высланы прежним комитетом правительству «Алаш-Орды».

Одновременно руководство комитета направило «Приветствие казахского народа» Российскому съезду Советов: «Москва. Всероссийскому съезду Совдепов. Центральный Комитет социалистической партии «Уш жуз» и областной исполнительный комитет Совета казахских депутатов от имени многомиллионной казахской демократии приветствует Всероссийский съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и искренне желает плодотворной работы. Перед вами стоит благородная задача решить вопрос о мире. Казахская демократия выражает уверенность в том, что съезд решит вопрос в соответствии с задачами и требованиями демократии и тем самым укрепит победу Октябрьской революции».

— Смотри-ка, что они делают, — удивился Сакен. — Надо было и нам послать телеграмму.

— Из Омска пришло еще одно сообщение: группа прогрессивно мыслящей молодежи во главе с Абулхаиром Досовым, Таутаном Арыстанбековым, Жанайдаром Садуакасовым отделилась от «Бирлика» и, создав свою организацию — «Демократический совет казахских учащихся», — приступила к распространению собственной программы.

Газеты «Казах», «Сары-Арка», журнал «Абай» сообщили, что руководители западной «Алаш-Орды» Халил и Жиханша Досмуханбетовы имели встречу с Лениным и вели переговоры о предоставлении казахам автономии, И пока Сакен и его друзья ломали голову над тем, насколько достоверны эти сообщения, из Народного комиссариата по делам национальностей пришла радиограмма, которая еще больше озадачила членов «Жас казах». В радиограмме говорилось: «По проекту, принятому большевиками, Советская власть предоставляет автономию всем угнетенным при царизме народам. Казахский народ также должен вести подготовку к созданию автономии на своей территории».

Газеты «Казах» и «Сары-Арка» подняли невообразимый шум: казахам предоставлена автономия только потому, вопили они, что ее добились такие истинные герои, как Досмуханбетовы.

Как же так? Что значит эта автономия, «добытая» Досмуханбетовыми? Ведь повсюду созданы Совдепы с представителями различных национальностей.

Эти вопросы стали темой горячих споров в «Жас казахе».

В результате долгой дискуссии порешили принять постановление: «Казахский народ в большинстве своем необразован. Кедеи и трудящиеся все еще находятся под большим влиянием баев и торе. Стоящих за бедноту, защищающих ее интересы образованных граждан мало; большинство интеллигентов, защищая интересы баев и торе, объединились в «Алаш-Орду». Если сейчас дать казахам автономию, то ею завладеют алашординцы. А такая автономия, которую добивается себе «Алаш-Орда», казахам совершенно не нужна».

— Примем пока это постановление, — сказал Сакен. — Но действовать от имени всего уезда мы не можем, поэтому необходимо созывать съезд и обсудить на нем еще раз наше решение.

На этом совещание закончили. Да и нельзя его было затягивать: вечером в семь часов — собрание большевиков.

На собрание большевиков прибыли всего около 20 человек. Председательствовал Катченко. Торжественно Вручил председатель

партийные билеты вновь принятым в партию большевиков. И среди них — Сакен Сейфуллин, Бакен Серикбаев, Абдулда Асылбеков, Жумабай Нуркин и татарин Гургаян Бекмухамедов.

Сакен рассказал собранию о том, что только час назад было предметом обсуждения организации «Жас казах». Пересказал суть постановления. Собравшиеся задумались. Матрос Авдеев, прибывший из Омска, попросил слова.

— Товарищи, вы не пугайтесь слова «автономия», — сказал он. — Весь вопрос в том, какая автономия. Можно получить автономию и совершенно отделиться от Советской России, отмежеваться от нее, и можно, создав автономию, рука об руку с другими народами начать строить новую жизнь. О какой из этих автономий говорите, к примеру, вы? — Авдеев обернулся к Сакену.

Потом выступил Катченко.

— Просить автономию или нет — дело ваше, внутреннее. У нас на Украине создаются десятки рад. Что они собой представляют, с чем их едят — это мне пока неизвестно. А что надумали собрать съезд и на нем обсудить — это правильное дело.

Хотя времени для агитации было в обрез, народу на очередной съезд собралось много. Делегаты едва разместились в зале бывшей гимназии, занимаемой ныне Совдепом. Сакен сделал доклад. И съезд единогласно принял решение: «Автономия алашординцев не нужна казахским трудящимся. Автономию мы получим тогда, когда будет больше образованных из числа трудящихся масс...» В Народный комиссариат по делам национальностей ушла телеграмма: «Съезд казахских депутатов принял единодушное постановление, в котором признает неправильным постановление Всеобщего казахского съезда в г. Оренбурге от декабря 1917 года о создании казахской автономии «Алаш-Орда» и считает, что это сговор прокадетских элементов».^[33]

Московские и петроградские газеты полны радостных сообщений о том, что Советская власть триумфально шагает по городам и селам страны.

Члены организации «Жас казах» буквально в поте лица ведут подготовку к Международному дню солидарности и братства трудящихся, к 1 Мая. К этому дню они намерены поставить пьесу Сакена «На пути к счастью», которую он написал еще в декабре 1917 года и с тех пор никак не мог отредактировать. Недавно приезжали со Спасского завода Орынбек Беков, Нурмак Байсалыков, ездовой Салькен Балаубаев от «Жас журек», который считает себя отделением «Жас казах», у них с культурно-

просветительной работой дело обстоит плохо. Они переписали черновой вариант пьесы и забрали с собой. Постановка спектакля в Акмолинске — дело новое, событие доселе невиданное.

Поскольку все жизненно важные дела северных областей Казахстана решаются в Омске, то и Совдеп Акмолинский, и организация «Жас казах» во главе с Сакеном жадно следят за сообщениями из Омска. Газеты, выходящие в Омске, вносят разногласия. «Дело Сибири», орган реакционных элементов, напечатал статью «Казахские социалисты», подписанную псевдонимом «Очевидец». Ниже — сноска: «Статья написана казахом». Эпиграфом к статье послужило изречение пророка Магомета: «Тот, кто скрывает истину, — безъязыкий дьявол». Это в адрес «Уш жуз».

Пришло тревожное письмо от Хамзы Юсупбекова. По его словам, борьба среди омских казахов обостряется. Активисты из «Бирлика» арестовали руководителей «Демократического совета казахских учащихся»: Таутана Арыстанбекова, Жанайдара Садуакасова, Абулхайра Досова — и заточили в острог. Кольбай, узнав об этом, принял меры, и вскоре же их освободили. Но «бирликов-цы», говорят, собирают материалы на Кольбая Тогусова.

Недаром говорится: у плохой вести семь ног. Как-то пришел к Сакену атаман акмолинских казаков Кучковский и говорит:

— Вы, кажется, почитаете Тогусова. Полубуйтесь, взгляните, каков он, ваш кумир, — и протянул номер газеты «Вольный казак». Сакену в глаза бросился крупно набранный заголовок: «Разоблачение и арест Кольбая Тогусова (он же — Туленгутов)». Надо бы прочесть, по Сакен спешил на заседание Совдепа. Однако у совдеповцев такой газеты не достать. И Сакен попросил:

— Оставьте мне газету, позже я верну.

— Берите, — ответил Кучковский. — Берите, я еще найду.

Сакен взглянул на атамана и увидел — не взгляд, а выстрел. В нем и злорадство и ненависть: «Этот убьет и не оглянется».

Через несколько дней из Омска, из «Бирлика», в адрес «Жас казах» поступило письмо с предложением, послать делегатов на всеобщий съезд казахской молодежи. Руководство «Жас казах» решило направить туда Абдуллу Асылбекова. Ему было поручено детально разузнать, что делается в Омске.

Много различных вестей поступает из Омска. Наиболее важная из них и достоверная — арест Кольбая. Пришло письмо от Жанайдара Садуакасова. Он сообщал, что алашординцы набирают силу и положение в

городе с каждым днем осложняется.

А Первомайский праздник все ближе. Совдеп решил провести демонстрацию со знаменами и транспарантами, с пением «Интернационала», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянки» и других революционных песен.

«Жас казах» собирает необходимые для постановки пьесы Сакена вещи, бутафорию в близлежащих казахских аулах. Когда уже обо всем договорились, Бакен Серикбаев вдруг озадачил Сакена.

— Сакен, если ты настоящий поэт, то тебе придется сочинить революционную песню. Сам знаешь, у нас нет таких песен. А демонстраций без революционных песен не проводят.

Сакен хотел было отговориться, но Бакен отрезал:

— Это заказ «Жас казах». Отговорки не принимаются.

Идея хорошая, но вот как ее осуществить. Поэт мысленно обзревал казахскую литературу и так и не мог вспомнить ничего, что подошло бы к данному случаю. Маршевые кюи? Но они — для всадников. Его собственные стихи? В дни революции он написал кое-что: «Мы спешно собрались в поход», «А ну-ка, джигиты». Нет, и это не годится. Их ритм, интонации не подходят для марша. А революционная, да тем более праздничная, для демонстрации, песня должна помочь чеканить шаг и в то же время звучать величаво, торжественно. «Да, не простенькую задачу задали мне деятели «Жас казах», — констатировал Сакен.

— Что с вами, Сакен Сейфуллинович?! На вас лица нет, вы плохо себя чувствуете? — встревоженно спросил забежавший на минуту Захар Петрович Катченко.

— Да так себе.

— Может быть, плохие вести из Омска?

— Да нет же, Захар Петрович, с чего это вы взяли? Получил вот боевое задание, сию ломаю голову, как его выполнить.

— Какое это задание, от кого? — опять насторожился Захар Петрович.

— Как бы сказать...

Но вспыльчивый Катченко не выдержал:

— Да говори же, что случилось! Чувствую, какое-то очень плохое известие! Где, что случилось?!

Последнее время из Омска шли тревожные слухи, и у многих работников Совдепа нервы были напряжены.

— Да что ты воды в рот набрал?

Дальше нельзя было разыгрывать товарища. Сакен улыбнулся, не

выдержал, заразительно рассмеялся. Захар Петрович рассердился.

— Хорошо, если ты с ума не сошел!

— Захар Петрович, ты должен мне помочь, если ты действительно брат Тараса Григорьевича Шевченко, — безмятежно заговорил Сакен.

— Вот дьявол, какой я брат Тарасу Григорьевичу, ты о чем это? Я до сих пор думал, что ты порядочный и благоразумный человек, а оказывается, ты не можешь без балагурства. Ладно, в чем тебе нужно помочь? — по-дружески, но все еще ворчливо спросил Катченко.

Сакен объяснил.

— Только-то? — Катченко недоверчиво посмотрел на Сакена.

— Захар Петрович, помогите мне.

— А ты знаешь вот эту песню? — И, не дожидаясь ответа, Катченко тихо запел:

*Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной:
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!*

Сакен не ожидал, что у Катченко такой приятный голос и очень точный слух. Пока Сакен собирался с мыслями, Захар Петрович юркнул из комнаты. Сакен и не заметил. Начал было говорить, глядь — Катченко нет. Бросился за ним на улицу.

— Захар Петрович! Остановитесь, пожалуйста. — Катченко идет себе и даже не оглянулся.

— Сделайте милость! — Катченко только ускорил шаг.

— Мне некогда! Меня ждут! — вполне серьезным тоном ответил он.

Сакен наконец догнал.

— Ходит молва, что украинцы великолепно понимают шутку и сами остряки. Я бы этого не сказал! — как бы невзначай проронил Сакен. Катченко резко остановился.

— Сатана ты, Сакен!

Переходя с шутливого тона на деловой, Сакен сказал:

— Захар Петрович, вот эту песню, которую вы только что пели, повторите еще раз. Она, видимо, революционная.

— А разве ты не знал ее?

— Нет!

— Это же знаменитая рабочая «Марсельеза»!

— Откуда же мне знать? Ведь в Акмолинске рабочих можно по пальцам пересчитать.

— И что ты предлагаешь, я должен спеть здесь же, на улице?

— Зайдем ко мне.

К приему гостя Габузовы — хозяйева дома, где жил Сакен, не были готовы. Они растерялись, видя, что к ним пожаловал сам председатель Акмолинского Совдепа. Татьяна Яковлевна сразу схватилась за чайник, но Катченко, заметив это, успокаивающе сказал:

— Не беспокойтесь, я только что пообедал.

— Да что ты. Разве тебе не известна казахская пословица: «Не заходи в дом, а если зашел, то без угощения из дома не выходи». Когда к нам жалует такой большой начальник, как ты, мы обязаны его угостить, то есть резать барана. Но так как мы просвещенцы, а не скотоводы, то не имеем возможности сделать такое дароприношение. Однако у нас всегда в запасе горячий, густой и ароматный чай. Мы можем угостить, если пожелает товарищ председатель Совдепа, — пошутил Сакен.

— Ну что ж, я согласен. Вижу, что ты не скоро отпустишь меня на волю. Давай не терять времени. — Катченко снова напел «Марсельезу».

Сакен взял домбру и начал подбирать мотив.

— Дайте, пожалуйста, балалайку, если есть, — попросил Катченко. Балалайка нашлась, и дело пошло. Повторили песню три раза. Потом спели под аккомпанемент балалайки и домбры.

— Вот это и есть интернационализм, — сказал Катченко, собираясь уходить.

— Спасибо, Захар Петрович, — поблагодарил Сакен. — А чай?

— Следующий раз — меня ждут в административном отделе.

Итак, мелодия есть. Сакен еще раз сыграл на домбре «Марсельезу». Ритм энергичный, живой, призывный. Такими же должны быть слова.

Сакен начал сочинять.

*Слишком долго терпел царский гнет
Наш несчастный, отсталый народ —
Жертва жадных, жестоких господ,
Бессердечных и подлых людей,
Ловкачей и продажных судей.*

Строфа показалась медленной, суховатой. Не о прошедшем должна идти речь, а о настоящем, грядущем.

*Азамат, не склоняйся, воспрянь,
Рука об руку с братьями встань.
За свободу и равенство мы
С красным стягом пойдем против тьмы,
Кликнем клич мы: «Вперед! Час настал
Сбросить тех, кто народ угнетал!»*

«Да, кажется, стих обретает правильную интонацию», — подумал поэт.

*Пусть навеки исчезнет, сгниет
Тот закон, приносивший в народ
Унижение, рабство и гнет.
Пусть народ сам решает судьбу!
Пусть зовет красный стяг на борьбу!*

Повествовательная часть стиха получилась, кажется, но никак не складывался припев. Каких только вариантов он ни делал — упругий маршевый ритм не давался. Он еще раз повторил русский текст. Даже стал переводить его, все напрасно. Хотелось напеть то, что написано, но уже ночь, Габузовы сладко спят. Измученный, он лег в кровать. Не идет сон, в голове звучит мелодия «Марсельезы». Так и проворочался до утра.

Новый день принес новые заботы. Но Сакена одолевало единственное желание — закончить стихотворение. Весь день он мысленно продолжал работать над припевом, хотя не имел и минуты свободной, чтобы присесть с ручкой. Весь день ходил, разговаривал. Желание скорее взяться за перо не покидало его.

Вечером дома, напевая «Марсельезу», Сакен наконец написал:

*Азамат, встань с рабочими в строй,
Ты на мир свои очи открой.
Знамя красное — сила твоя,
Все под Красное знамя, друзья!*

Прочитал и обрадовался. Пригласил Давида Артемовича послушать.
— Содержания не знаю, но ритмика и такт, по-моему, мелодии

соответствуют. Лишних слогов мой слух что-то не уловил, — заключил Габузов.

Сакен облегченно вздохнул, как будто сбросил с плеч тяжелую ношу. Как же назвать эту песню? Долго ломал голову. Может быть, «Степной сокол», «Буйная наша молодость» или «Революционная»? Потом вспомнил, что стихотворение рождено по специальному заказу общества «Жас казах», почему бы так и не назвать его? А мелодия — «Марсельезы». Тогда, может быть, — «Жас казах Марсельеза»? На том и остановился. В переводе на русский язык это название имеет более широкий смысл — «Марсельеза казахской молодежи».

Наступили обыденные дни.

Утром — заседание исполкома. После обеда — заседание президиума Совдепа. Текущие вопросы, требующие незамедлительного решения. Вопрос о средствах на нужды просветительных учреждений особо волновал Сакена. От этого зависело очень многое. Но каждый член президиума стремился оживить и улучшить работу тех отраслей, за которые отвечал. Поэтому не обходилось без споров. Из мизерных средств Совдепа все же львиная доля была выделена народному комиссариату просвещения, возглавляемому Сакеном.

Самым большим и важным делом, которым занялся президиум, был вопрос о подготовке к созыву съезда Советов. Трехмесячные полномочия депутатов уже истекали. Решено было послать во все 48 волостей и в крупные населенные пункты политкомиссаров и инструкторов по проведению выборов в местные Советы и выдвижению делегатов на уездный съезд. Заседание длилось, но Сакен к шести часам должен был идти на собрание учителей города.

Еще утром к нему явились представители учительского общества — Вера Боярская и Галымжан Курмашев и передали официальное приглашение. Просили даже выступить. А это само по себе знаменательно. До сих пор общество не жаловало Советы своим расположением.

Ровно в назначенный час председатель правления учительского общества Колтунов открыл очередное собрание. В рабочий президиум избраны Колтунов, Сейфуллин, Нургаян Бекмухаметов. Выдвижение своей кандидатуры в президиум собрания Сакен расценивал двояко: как уважение к Совдепу, который он представлял, и как внимание к гостю. С докладом выступил Колтунов. Смысл того, что он говорил, сводился к следующему: учительское общество — демократическая организация, его цель — улучшить педагогическую и воспитательную работу в гимназиях и школах,

улучшить материальное положение учителей. Увлечение политикой — личное дело каждого, это увлечение не должно отражаться на выполнении учителями своих основных обязанностей, то есть на занятиях в школах.

Сакен из доклада не уловил ничего конкретного и ясного. Подобные общие фразы Сакену были знакомы еще с периода Февральской революции, когда он состоял членом этого общества. Сдвига не видно.

Сакен задал докладчику вопрос:

— Аким Сидорович, скажите, пожалуйста, много ли учителей и наставников участвует в политической жизни города?

— Кроме Николая Павловича Горбачева, все преподаватели русских гимназий и училищ считают себя независимыми, то есть они вне политики... Что касается учителей казахских и татарских школ и медресе, то они почти все участвуют в общественной жизни. Это Нургаян Бекмухаметов, Жумабай Нуркин... Да стоит ли и перечислять их, когда они и так вам все известны.

Но Сакен наступал, засыпал вопросами.

— Можно ли считать, что данное собрание не имеет политической подоплеки?

Видимо, Колтунов не ожидал такого вопроса, ответ его был невразумительным. В зале начались оживленные разговоры и посыпались реплики.

— Хочу задать вам чисто практические вопросы, — не отступал Сакен. — Когда начнете экзамены в школах? Пригласили ли и будете ли приглашать представителя народного комиссариата просвещения?

Колтунов опять смешался. Этим воспользовался Красноштанов, известный акмолинский остро слов.

— Я полностью поддерживаю мысли, высказанные Акимом Сидоровичем, — сказал он. — Наша жизнь и наша политика, если это можно считать политикой, — в обучении детей.

После Красноштанова выступили еще двое, но ничего определенного не сказали.

Тогда Сакен попросил слова.

— Товарищи, господа учителя и преподаватели, наставники, — начал он свое выступление. — Да, я не оговорился — «господа учителя». Я придерживаюсь формы, которая еще не отменена. Мы не добрались пока до коренных изменений в учебных и нравственных правилах, сама жизнь подскажет эти перемены. Так что мое обращение к вам — это дань традиции.

Теперь о главном. Вот здесь выступали господа преподаватели и

наставники, которых больше и прежде всего интересуют школьные дела. Они ясно сказали, что они вне политики. Но хотелось бы задать простой и ясный вопрос: если вы действительно вне политики, зачем надо было устраивать данное собрание? Не лучше ли тратить свободное время на обучение и воспитание? Почему вы, господа учителя, часто бываете на митингах, собраниях, созываемых нами, хотя и не выступаете?.. Вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин писал, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Желаете вы того или нет, но вам приходится выбирать одну из сторон баррикады. Сейчас наступило такое время, которое поставило перед человечеством дилемму: да или нет, искать средний путь — бесполезное Дело...

Чтобы не быть голословным, приведу один пример. Мы с Давидом Артемовичем Габузовым живем под одной крышей, в одной квартире. Он человек порядочный, благовоспитанный, рожденный для педагогической деятельности. Я прекрасно знаю, что он старается быть в стороне от политики и политических событий. А я человек политики, живу и дышу политикой, как говорят, большевик до мозга костей. Давид Артемович еще не определил свою позицию, но как жадно он спрашивает меня буквально обо всем... Мы никого не заставляем принять нашу позицию, наше мировоззрение, но движение истории таково, что оно всех поставит на свое место. Поживем — увидим.

В этот вечер Сакен ясно понял, что в среду учителей уже проникли новые веяния. Педагоги не так рьяно защищали прежние свои позиции. Даже Красноштанов как будто сдавал. Да, это уже результат времени и, конечно, плодотворной деятельности Совдепа, в руках которого весь Акмолинск.

В эти предмайские дни члены общества «Жас казах» не знали покоя. Они готовили спектакль, разучивали текст и мелодию «Марсельезы казахской молодежи». Весть об этой подготовке разнеслась по аулам. Оттуда начали стекаться люди, чтобы своими глазами посмотреть зрелище.

И вот настал долгожданный день. 1 Мая 1918 года было солнечным и радостным. Вокруг здания Совдепа собралось много горожан и аульчан. Некоторые были верхом. Члены Совдепа и активные участники торжества начали строить собравшихся в колонну. Звонкий смех, веселая переключка демонстрантов разбудили всех, и сегодня все жители города на улице. Окрестные аулы специально снарядили всадников с красными флагами. Из ближайших поселков хлынула молодежь, и людскому потоку нет, кажется, конца. Все идут, идут, идут...

На маленьком балконе здания Совдепа не смогли разместиться все члены президиума. Решено было, что там будут постоянно оставаться Катченко, Бакен Серикбаев и Бочок, а остальные — меняться. Когда площадь, казалось, заполнилась до отказа, Захар Петрович громко произнес:

— Товарищи, поздравляю вас с Первым мая — днем солидарности и братства трудящихся всего мира!

Он отметил, что это первый майский праздник, который празднуется в советское время. И передал слово для доклада Бакену Серикбаеву.

По площади раскатился гром аплодисментов.

Серикбаев поведал собравшимся историю празднования 1 Мая во всем мире и в царской России. Потом рассказал о порядке проведения демонстрации. И добавил:

— После демонстрации будет показан спектакль по пьесе Сакена Сейфуллина «На пути к счастью». Доходы от этого спектакля пойдут в пользу нуждающихся омских студентов и на культурно-просветительные нужды нашего города. В здании Пушкинской библиотеки будет концерт учащихся. Если вы свободны, — демонстранты загудели и засмеялись, — можете посетить эти мероприятия.

Разделившись на две большие колонны, демонстранты направились по разным улицам в казачью станицу и в татарскую слободку. Радостные шли люди по запыленным улицам, с высоко поднятыми красными транспарантами, знаменами. В колонне демонстрантов, направляющейся в татарскую слободку, отчетливо слышна песня;

*Азамат, встань с рабочими в строй,
Ты на мир свои очи открой...*

Все, кто присоединился к демонстрации, невольно стали подпевать. Демонстрация остановилась на площади слободки у атаманской резиденции. Начался митинг. Ораторы призывали честных казаков-трудящихся перейти на сторону Советской власти. После митинга все вернулись в центр города — к зданию Совдепа. Никто не желал идти домой, чувствовалось, что многие жалеют, что так быстро прошла демонстрация.

Кто-то догадался наладить продажу кумыса, вареного мяса и других яств. Многие демонстранты, особенно те, кто приехал из ближайших аулов, кинулись в юрту, где был импровизированный буфет. Доходы от этого

мероприятия поступали в кассу культурно-просветительных организаций Совдепа и общества «Жас казах». Кумыс и яства для участников самодеятельности отпускались бесплатно и без очереди.

Турысбек Мынбаев — рабочий шерстомойки, бархатным баритоном объявил, что сейчас начнется продажа билетов на спектакль, и попросил соблюдать порядок. Под «порядком» он имел в виду, что билеты отпускаются только за наличный расчет. К его удивлению, собравшиеся быстро разобрали билеты, да еще и потребовали дополнительных. Среди желающих попасть на спектакль много было и русских.

Наступило время начинать представление. Но всадники из аулов вдруг подняли шум, требуя билеты.

— Приглашать-то приглашали?

— Гостеприимно, нечего сказать!

— Мы остались без билетов потому, что привезли для вас домашнюю утварь, которую вы сами просили.

Удовлетворить всех было невозможно, другого, более вместительного зала в городе не было, и люди потребовали поставить спектакль прямо на улице.

— Нам нечего бояться, наша одежда не запачкается от акмолинских песков!

— Что же вы отдаляетесь от народа? Поставьте ваш спектакль на улице или же на крыльце этого же здания!

Увидев, что оставшиеся без билетов не хотят расходиться, Сакен вышел на балкон.

— Уважаемые граждане, — начал он. — Мы не думали, что соберется так много народа, но ничего не попишешь, зал не вмещает всех желающих. — Собравшиеся зашумели еще пуще. — Хорошо, этот спектакль мы повторим завтра, а пока прошу вас — расходитесь.

Кое-кто ушел, но всадники ринулись к окнам зала, надеясь хоть что-нибудь увидеть.

Представление началось.

Перед зрителями развернулись события недавнего прошлого. Ведь пьеса была написана Сакеном в декабре 1917 года, по свежим следам недавних событий — национально-освободительного движения казахов в 1916 году.

На примере одной семьи Сакен показал, как по указу белого царя проходили наборы в казахских аулах на тыловые работы. При этом он разоблачал «предводителей народа», которые не прочь были использовать создавшуюся ситуацию в своих эгоистических целях. Волостной

управитель вознамерился жениться на дочери Терликбая — Муслиме, обещая, что за это освободит младшего брата Муслимы от воинской повинности. Отец рад такой сделке. Но тут за сестру вступается старший брат, учитель Ермек. Он поднимается против отца и волостного. Ермек выигрывает эту схватку. Муслима станет женой любимого ею Биржана. Ермек напутствует их на счастливую жизнь.

Исполнитель роли Терликбая — Кожебай — порядком намучился. Искусственная борода никак не хотела держаться на подбородке, то и дело отклеивалась. Кожебай пытался поддерживать ее руками, но это не всегда ему удавалось.

Другие исполнители, Шарапат в роли Муслимы, Балу Асылбекова — мать Муслимы, Салык Айнабеков — младший брат Муслимы — Телжан, Бакен Серикбаев, заместитель председателя Совдепа, в роли учителя Ермека, вышли на сцену и вовсе без грима, в своих обычных одеяниях. Им было легко входить в образ, так как они играли фактически самих себя.

А вот Кожебаю, а также исполнителям роли муллы, волостного управителя и хажи было трудно, ибо им приходилось гримироваться и надевать непривычные одежды. Но в каких бы костюмах они ни появлялись, зрители тут же их узнавали, выкрикивали имена и даже отпускали едкие шутки по их адресу.

Русские зрители, которые впервые присутствовали на подобном представлении, больше поглядывали в зал, а не на сцену. Уж больно непосредственно и даже как-то по-детски наивно выражали свое восхищение казахи. Первый акт прошел с большим успехом. Перед началом второго Сакен вышел из-за занавеса и обратился к публике:

— Товарищи, братья, мы рады за вас, что вы так все близко принимаете к сердцу. Но я должен предупредить, в зале очень шумно, нашим бедным актерам трудно выступать перед такой аудиторией. Прошу соблюдать тишину. — Зрители как будто успокоились. Но вскоре, в середине второго акта, они вновь начали вмешиваться в поступки героев. Некоторые требовали от Ермека, чтобы он не отдавал свою сестру за волостного управителя, потом им захотелось узнать всех собравшихся мулл, нашлись и такие, кто кинулся с места, горя желанием помочь героям на сцене. И уж в выражениях они не стеснялись.

Когда в финале учитель Ермек — Бакен напутственными словами провожал свою сестру Муслиму — Шарапат и зятя Биржана — Омирбая, говорил им о торжестве справедливости, гуманности, равенства, зрители как будто успокоились, замолчали. Опустился занавес, но аплодисментов не последовало. Зал сидел в глубоком раздумье, никто не собирался

уходить. Просто сидели и ждали. Наконец не выдержали.

— Если кончилось — представление, тогда пойте песни.

— Где там этот Кожебай, пусть он нам споет что-нибудь!

— Да мы не против послушать и хорошие стихи. Едва удалось уговорить их разойтись. На следующий день спектакль был повторен дважды. И опять вчерашняя картина — людей хоть отбавляй. Билеты нарасхват. А по окончании не хотят расходиться.

Это было символично. Октябрьская революция шла в казахскую степь, раскрепощая людей не только физически, но и духовно. Подобное представление проводилось впервые не только в Акмолинске, но, пожалуй, во всем Казахстане.

Предвестник новой социалистической культуры — спектакль «На пути к счастью» стал легендой в степи, его потом поставили и на Спасском заводе и во многих городах.

Первомайский спектакль вошел в историю казахской культуры.

После праздника наступают привычные будни. И будничный май принес тревожные вести. Представители Совдепа, готовившие в волостях созыв съезда, сообщали, что баи, русские кулаки как-то притаились, поутихли. Что-то замышляют и только ждут подходящего момента.

Вернулся из Омска Абдулла Асылбеков, делегат съезда казахской молодежи от Акмолинска. Его отчет на заседании общества «Жас казах» был нерадостен.

— В Омске я Петропавловске мне пришлось встречаться со многими товарищами. Искак Кобеков, Шаймерден Альжанов говорили о приближающейся опасности со стороны местных реакционных сил. В последние дни петропавловским рабочим раздали винтовки. Они обучаются военному делу. В Омске рабочие тоже вооружились. Около двадцати казахских рабочих добровольно записались в ряды Красной Армии.

Среди них всем нам известный Угар Жанибеков — участник Ленских событий 1912 года. Его освободила из иркутской тюрьмы Февральская революция, и он активно включился в революционную борьбу. Теперь он командир отрядов красногвардейцев. С ним в одном строю такие батыри, как Мухаметкали Татимов, Зикирия Мукеев.

Абдулла говорил о том, что боевая подготовка рабочих Омска и Петропавловска идет ускоренными темпами. Что, по слухам, пленные чехи возвращаются на родину через Дальний Восток. Едут они с полным боевым снаряжением. Что среди чехов, опять-таки по слухам, ведется

усиленная агитация против Советской власти.

Белогвардейские офицеры, баи-феодалы, казачье войско собираются дать бой новой власти — к этому мнению, по словам Абдуллы, приходят все, с кем он говорил. Какой-то казачий офицер Анненков собрал казаков и прячется в кокчетавских лесах. Разбойничает.

— Омские вожди «Алаш-Орды» и правое крыло «Бирлика» тоже замышляют что-то неладное, готовятся. Говорят, что кто-то из молодых алашординцев ездил на какое-то тайное сборище. В окрестностях Петропавловска орудуют банды.

— А где же наши представители, посланные в Петропавловск за вооружением? — не выдержал наконец один из собравшихся.

— Они возвращаются и везут оружие. Из Петропавловска мы выехали вместе, но они едут слишком медленно, я их обогнал.

— Ты, по-моему, сгущаешь краски, Абдулла. Неужели все так беспросветно? — спросил Жумабай Нуркин. — И, кстати, ты так и не сказал, чем же кончился съезд казахской молодежи?

— Этот так называемый съезд созвало правое руководство общества «Бирлик». Судя по намерению руководства, казахская молодежь должна поддерживать во всем программу партии «Алаш». На съезде главным был вопрос об отношении к Советской власти. Всячески пропагандировался лозунг «Казахской автономии». Многие ораторы живописали будущее казахской автономии. Эти картины очень напоминают программу партии «Алаш».

В своем выступлении я зачитал резолюцию нашего «Жас казаха», и это произвело на алашскую молодежь впечатление разорвавшейся гранаты. Нас поддержали Жанайдар Садуакасов от левого крыла «Бирлика», Таутан Арыстанбеков, Абулхаир Досов, Хамза Юсупбеков — руководители «Демократического совета казахских учащихся». Мы выступили единой платформой и потребовали незамедлительного признания Советской власти во всем казахском крае. Но оказались в меньшинстве. Нынешние руководители «Бирлика» — Кеменгеров, Смагул Садвакасов, Габбас Тогшанов и один молодой писатель из Семипалатинска выступили против нас. Но в конце концов они согласились на такую резолюцию: «Мы за Советскую власть, если она нам не будет чинить притеснений». А в конце съезда была принята общая резолюция. Вот она — по пунктам:

«1. Объединить все казахско-киргизские молодежные организации.

2. Избрать Центральный Комитет.

3. Выделять в Центральный Комитет 15 процентов средств от всех поступлений.

4. Все организации должны придерживаться единой программы, единого названия. Съезд предлагает все молодежные организации в дальнейшем объединить под общим названием «Жас азамат» («Молодой гражданин»).

5. Издать газету от имени «Жас азамат».

6. Каждая организация должна выделить по 300 рублей в Центральный Комитет для организации периодического издания».

— Ой, Абдулла, ты растранижишь все с трудом собранные нами деньги, — воскликнул Турысбек. Собравшиеся расхохотались.

— Туреке, не огорчайтесь, «Жас казах» ни копейки не даст, — улыбнулся Бакен.

— Мы отказались голосовать при выборе Центрального Комитета, — продолжал Абдулла. — Председателем Центрального Комитета был избран член организации «Умит» («Надежда») Газиз Мурзин, его заместителем — Гулия Досымбекова. Редактором газеты, которая должна выйти под названием «Жас азамат» («Молодой гражданин»), назначили Кеменгерова. Судя по их словам, она должна выходить вместо газеты «Уш жуз».

— Все это понятно. А что с Кольбаем Тогусовым? — спросил Сакен.

— Мой доклад на этом закончен. Теперь отвечу на вопросы, — шутливо заговорил Абдулла. — Разговор вокруг Кольбая — это длинная история. Кое-что узнали через газеты. Плуты «Алаша» предприняли всякие хитроумные действия. Заранее, оказывается, «бирликовскими» молодчиками был подготовлен доклад Е. Полюдова — бывшего офицера сибирского казачьего войска, ныне он возглавляет Совет казачьих депутатов. Руководители «Уш жуза» — Мукан Айтпенев, Шаймерден, Кольбай — не сумели найти общего языка. В этом тоже не последнюю роль играли алашские плуты. Организовав внутренний раскол, вражду между ними, подключили в это дело Полюдова. В результате Кольбай был арестован. Но перед моим отъездом Западносибирский Совет еще раз вернулся к делу Кольбая. Слышал у Жанайдара, что Кольбай может быть оправдан. ^[34]

— Есть еще вопросы к Абдулле? — спросил Сакен, оглядывая всех.

— А что слышно в Омске о новостях из Москвы? — спросил Бакен.

— Вы расспрашиваете меня, как будто я побывал в Мекке. Ведь из газет ясно представляется общее положение. Говори не говори, но

опасность есть. Со всех сторон окружают нечистые силы Советскую власть. Разве не известно, что интервенты помогают внутренней реакции? — закончил Абдулла.

— Товарищи, своими вопросами мы кое-что выяснили, — Сакен решил подвести итоги заседания. — Вы прекрасно знаете, что контрреволюционеры и интервенты, помогая друг другу, пытаются свергнуть Советскую власть. Часто стали теперь попадаться в газетах слова «белые» и «красные». На Украине — рада, на Дону — Каледин, На Урале — Дутов уже начали войну. Наша Красная Армия дает им отпор. Но мы, записавшись в ряды Красной гвардии, ограничились одним-двумя занятиями, а тактикой еще и не занимались. А ведь не так просто старое уступает свое место новому. Пусть завтра на Совдепе Абдулла выступит еще раз с докладом. Мы должны быть готовы ко всему, — закончил он свою мысль.

После завершения учебного года Сакен перешел на другую квартиру — перебрался в восточную часть города, что на берегах реки Иншма. Очень живописное место. Вернувшись с заседания, на котором делал свое сообщение Абдулла, Сакен долго еще сидел за письменным столом, погрузившись в книгу. Проснулся поздно. Собирался завтракать, как вдруг хозяйский сынишка вбежал в комнату, запыхавшись, и сообщил:

— В казачьей станице собираются люди с винтовками и саблями. Хотят арестовать всех, потому что в Омске и Петропавловске Совдепа уже нет!

«Пришлось, — рассказывает Сакен, — послать мальчишку разузнать как следует еще раз, о чем же все-таки идет речь. Вскоре он прибежал обратно:

— Они заняли Совдеп, арестовали Бочока, Моница, Павлова. Конные казаки окружили дом Кубрина, где находятся красноармейцы.

Пока мальчишка тараторил о происходящем, пришел джигит Карим, член «Жас казаха», сообщил то же самое и посоветовал:

— Ты должен скорее бежать!

Вслед за ним поспешно вошел казах-рабочий, член Совдепа Вилял Тналин и поддержал товарища:

— Да, дорогой мой, нужно поскорее скрыться. Тебя будут искать!

Подожли еще два товарища и единодушно высказались, что мне действительно надо бежать как можно скорее.

Хозяйский мальчишка вскоре принес свежие новости:

— Казаки арестовали уже четверых или шестерых. Кричат, что

арестуют всех членов Совдепа!

На улицах полным-полно народу — и конных, и пеших. Шарип Ялымов на коне громко кричит собравшимся: «Сакена надо арестовать и Абдуллу!»

Отовсюду доносится треск ружейных выстрелов.

Товарищи настойчиво предлагали спрятаться.

— Как же я могу оставить своих в беде! Какими глазами посмотрю на них завтра, если сегодня позорно сбегу! — воскликнул я...»

Во двор ворвались шестеро вооруженных молодчиков. Сакен схватился за наган. Кто-то сзади полоснул плеткой, вырвал из рук оружие.

Верховые взяли Сакена под камчу.^[35]

«День ясный и теплый. Трескучие винтовочные выстрелы напоминают звук палочных ударов по высушенной шкуре. Пыль стоит столбом. Не прекращается людской гомон. И весь этот гул, сливаясь воедино, создает впечатление, будто по улицам мечется стадо коров, спасающихся от злых оводов.

Одни кричат лишь бы покричать, не показаться тише других. Другие заняты делом — ищут большевиков. А третьи мечутся в панике и страхе — как бы не угодить под шальную пулю...

Наконец пригнали меня в казачью станицу... Суматоха невероятная. Здесь и казахи, и татары, и русские — от мала до велика. Женщины, дети... Народ возбужден, гудит и колышется, как морская волна. Взад-вперед скачут всадники, отовсюду раздаются винтовочные выстрелы. Треск, грохот, шум, пыль — ничего не разберешь! Обезумевшая толпа орет, прокликает большевиков; увидев меня под конвоем, ринулась навстречу. Каждый старался дотянуться до моего лица, ударить чем попало. А кто не мог выместить злобу на мне, толкал своих же. До моего слуха доносятся слова: «Проходимец... Гяур! Безбожник!..»

Кулаки перед глазами замелькали гуще, меня били и давили со всех сторон, я начал задыхаться. Собрав последние силы, я еще держался на ногах. Обвел взглядом разъяренные лица — неужели никто не заступится? Вдруг ко мне подскочил казах — хаджи Сулеймен, схватил под мышки, выволок из толпы и потащил в ближайшую избу. А там полно народу — бородатые старые казахи и совсем молодые, безусые. Все вооружены. Офицеры при шашках и с револьверами.

Быстро и громко отдает приказания их главарь Кучковский. Бегает, суетится, бряцая саблей.

Мой спаситель — хаджи Сулеймен — ловко изобразил, будто обыскивает меня, затем торопливо провел в одну из дальних комнат.

Я совсем не ожидал, что именно этот человек спасет меня от разозленной толпы».

Казалось, что Советской власти пришел конец. Вслед за чехами мятеж подняли сибирские контрреволюционеры.

4 июня 1918 года в Акмолинске произошел переворот. Казачье войско без особых трудностей завладело городом. 300 человек было арестовано, и среди них большинство членов местного Совдепа. Теперь они расплачивались за свою былую нерешительность.

Атаман Кучковский прибегал к террору, расстреливал и избивал без суда и следствия, хватая не только большевиков, но и тех, кто, по его мнению, был близок к совдеповцам. Превратил все склады Акмолинска в тюрьмы.

Захватив власть в Акмолинске, казаки бесчинствовали повсюду. Атаман же только потворствовал этому.

Как только выяснилось, кто попал в руки белоказаков, акмолинское общество учителей послало к атаману Кучковскому на переговоры Веру Боярскую и Давида Габузова. Они хотели взять на поруки Сакена Сейфуллина, Николая Павловича Горбачева и Нургаяна Бекмухаметова.

Кучковский отказался выполнить просьбу учителей.

Вонючая камера. Маленькое, пыльное, зарешеченное окно. Но мысли Сакена там, за этим окном, на свободе.

Сакен с утра до ночи смотрит на улицу. «Сыну привольных казахских степей оказаться в железных окопах, в тесной камере — тяжелее кромешного ада. Мягкий летний ветерок, как шелк, нежно овеивает лицо. Его дуновение целебно действует на истомленное тело. Быстрая мысль вырывается на свободу и несется куда-то вдаль, как сокол, вырвавшийся из неволи, оставляя темницу позади. Она витает над зеленой степью, над ковровым лугом, над бескрайним простором. Она в стремительном беге посещает безлюдные горы и дремучие леса, где звонко журчат ручьи. Она благоговейно внимает пению птиц — многоголосому, мелодично-нежному; она проходит вдоль берегов больших озер с белыми лебедями», мчится по речной глади, состязаясь с быстротой ее извилистого течения, проносится по аулам и снова уходит в безлюдную бескрайнюю степь. Где ты, чудная свобода?.. Кто знает твою подлинную цену, кроме заключенных в темницу? Эх, свобода, нет ничего прекраснее тебя! Эта степь с распростертыми объятиями. Эх, свобода, эх, раздолье! Эх, дивное лето! Есть ли у человека еще большая мечта, чем мечта о свободе. Поваляться бы в твоих зеленых

коврах, как белые гуси!» Руки сами тянутся к карандашу.

*Посетив меня украдкой
И мою ослабив цепь,
Показала мне Свобода
Ширь свою, родная степь.
Сквозь решетку долетает
Дуновение ветров...
Я сижу в тюрьме под стражей,
Плоть моя в плену врагов —
Дух же мой вольнолюбивый
Недоступен для оков!*

— А ну-ка прочти! — зашумели товарищи. Сакен прочел. И тут же перевел на русский язык.

— Миленький Сакенжан! Что ты заладил — природа, природа? Лучше бы ты написал о том, что мы испытываем здесь. Надо не восхищаться дуновением ветра, а рыдать, — сказал Кусаин Кожамбердин.

— Кусеке, давно уж аллах перестал тебя слушать, — вмешался в разговор Абдулла. — Верно сказано в стихотворении Сакена. Наши тела здесь, в этой тесной клетке, а думы и мечты — на свободе.

— Хотя я не полностью уловил смысл слов, но идея здесь верная. Сколько бы мы ни горевали, ни плакали, казаки нас не пожалеют. Лучше давайте споем, душу отведем! — И Катченко запел «Смело, товарищи, в ногу».

Проходили дни, похожие друг на друга. Потом узники потеряли счет дням. Только отмечали смену времен года.

Вначале им еще носили передачи. Потом запретили. А с ними исчезли и вести с воли. Узникам нечем себя занять, и они невольно остаются наедине каждый со своими тяжелыми, горькими мыслями.

Сакен не отходит от окна. Там, за окном, жизнь. Наискосок на лужайку приходит каждый день белая гусыня, ведя за собой птенцов. Малюсенькие, желторотые, они растут с каждым днем.

Какая-то девушка-казашка с красной лентой в косе через день появляется перед тюрьмой. Долго смотрит на Сакена каким-то тоскливым и ласковым взглядом. Ей не больше пятнадцати...

«О, моя сестра, с чутким сердцем, с гибким, как лоза, станом! Зачем так пристально и печально ты смотришь на меня? Твой взгляд подобен

ласточке, которая вспарывает воду крыльями, чтобы потушить пожар.
Спасибо тебе!»

Но ведь это уже готовые стихи! И снова карандаш в руке.

Но он уже забыл о милой девушке. Он вспомнил волю, аул, мать...

*Я не знал застенков сроду,
А теперь мою свободу,
Кандалы надев мне с ходу,
На семь заперли ключей...
Все в тюрьме вокруг заснули,
Что с того? В тиши и в гуле
Я мечтой всегда в ауле —
Светлом, радостном, родном.
Тяжеск этот плен постылый,
Я соскучился по милой,
И мечты могучей силой
На нее направлю взор.
Мать меня всегда ласкала,
И с улыбкой привечала
Юных дней моих начало,
И умела все прощать.
Я соскучился по юрте,
По крылатом конском гурте,
По высокой горной крути,
По прозрачности озер.
Я в своей тоске и горе
По степном грущу просторе,
По степном, зеленом море,
По крылатым скакунам.*

Проходят дни. По тому, как пожелтела трава, нетрудно было догадаться, что осень близка.

Дошла весть о том, что уже утвержден состав следственной комиссии. Но узнать, кто в составе комиссии, не удалось.

В середине августа начальник тюрьмы Сербов, согнав на просторный двор тюрьмы всех заключенных, сообщил, что получена телеграмма из Омска, от главы Акмолинской области. Состав комиссии утвержден. Председатель Акмолинской следственной комиссии — Кондратьев Иосиф

Михайлович, его заместитель — Орурок Евараст Патрекеевич.

17 августа 1918 года. По улицам Акмолинска идут закованные в кандалы Сакен и его товарищи. Их ведут в казахско-русскую школу, там состоится заседание следственной комиссии.

Звеня кандалами, без головных уборов, с грудью нараспашку, сопровождаемые внимательными взглядами друзей и недругов, мерно шествуют они под охраной конвоя. Неожиданно Сакен встретился глазами с отцом. Прибыл, значит, из своего далекого аула. В многолюдной толпе он увидел и «сестру» с красной лентой в косе. В глазах ее слезы. Она кивком поздоровалась с ним.

Остановились у школы. Ему знаком здесь каждый камень. Сюда он входил всегда в белоснежной сорочке, теперь входит в арестантском одеянии из грубого льна, с непокрытой головой и в кандалах.

На вопросы судей Сакен отвечает коротко и ясно.

— Каким образом вы попали в Совдеп?

— По выбору степных казахов, по желанию простого народа.

— Чьи интересы вы намеревались защищать?

— Интересы казахского народа, в особенности избравшего меня трудящегося населения.

— Вы вступили в большевистскую партию?

— Да.

— Вы «за» или «против» созыва Учредительного собрания?

— Если в Учредительном собрании будут участвовать представители трудящегося народа, то я не против его созыва.

— Как вы относитесь к религии?

— Лично я неверующий человек.

— Вы ругали мечеть нецензурными словами?

— Невозможно ругать нецензурными словами неодушевленный предмет.

— Вы написали социальную пьесу ко дню Первого мая и поставили ее на сцене. Говорят, в этой пьесе вы восхваляли большевиков!

— Эта пьеса является моим первым произведением. Да, она ставилась Первого мая на сцене в Акмолинске. В ней я показывал ненасытность волостных управителей, писарей, баев и мулл в период мобилизации казахской молодежи на тыловые работы в 1916 году.

Один из судей вынул из кармана номер «Тирши-лика».

— Не вы ли написали вот эту статью, в которой всячески поносите атамана Дутова и «Алаш-Орду»? Не ваш ли это псевдоним «Шамиль»?

— Мое имя Сакен.

— Ну ладно, а вот это сочинение узнаете?

Член комиссии держал в руках письмо, адресованное в комитет западносибирских Советов, где Сакен подробно докладывал о действиях «Алаш-Орды».

— Не вы ли браните здесь алашординцев?.. Не ваша ли эта подпись?..

— Возможно, что я написал.

— Вы против «Алаш-Орды»? — спросил председатель комиссии.

— Да, против! — ответил он.

— Почему?

— После свержения царя алашординцы решили отделить казахов от русского народа и пожелали стать казахскими ханами, самостоятельными местными царьками. А по нашему мнению, избавленный от самодержавия казахский народ теперь не нуждается в ханах. Националисты хотели окончательно отделиться от русских, хотели изгнать всех крестьян с казахских земель. Это могло привести к катастрофе. Мы лишились бы поддержки русского трудового народа, который свергнул царя и добился равноправия для казахской трудящейся массы. Вот по какой причине я выступил против «Алаш-Орды».

В итоговом документе следствия было записано: «Августа 17 дня 1918 года Акмолинская следственная комиссия, рассмотрев дело Сейфуллина Садуакаса, постановила: признать Сейфуллина Садуакаса опасным для общественной и государственной безопасности, а потому и передать в распоряжение военных властей для направления в Петропавловскую военную следственную комиссию».

Проходят дни. Наступила тоскливая осень. Солнце скрылось за тучами, предоставив холодным дождям освежать улицы, смывать пыль. Узники мечтают об одном — скорее бы хоть увезли куда-нибудь из этой акмолинской тюрьмы, надоела вконец.

В один из таких беспросветных дней взгрустнувший Сакен вновь искал утешения в стихах.

Я в каменном доме сию взаперти,
Железный порог его не перейти...

Нет, не нужно строк уныния. Приободрить товарищей и себя — вот какие нужно найти слова.

*Еще раз сюда, о скакун мой крылатый,
С неустовым ржаньем к тюрьме подлети!
Умчи из неволи на волю меня.
Мы степью помчимся быстрее огня.
Пусть по степи катится топот копыт,
Пусть эхом в горах этот топот кипит —
Я снова увижу родной небосвод
И голубизну вечеряющих вод,
Я радостно встречу с родным населеньем,
Увижу я свой угнетенный народ.*

От печали теперь нет прока. Пусть будет фантазия пищей для души. Что сделано — то сделано. И не надо поддаваться унынию, а то свершенное тобой развеет ветер.

Ты попал в тюрьму в борьбе за справедливость. Но если, даже сидя здесь, не станешь мечтать о будущем, значит ты конченный человек. Немало таких, как мы, сидели в темницах, но они не отказывались от своих идей, от избранного пути. Ведь Ленин в тюрьме написал капитальные труды! Проявлять же слабость из-за временных трудностей — это удел слабовольных. Надо набраться мужества.

Городские новости хоть и окольными путями, но все же доходили до тюрьмы. В сентябре узники узнали, что от совета Западносибирского союза учителей в адрес Акмолинского уездного общества учителей пришел запрос о том, есть ли среди арестованных учителя. «Это похвально, что в такое беспокойное время общество заботится о нас», — с благодарностью подумал Сакен.

Как он ни старался, ему так и не удалось узнать, какой ответ послали руководители Акмолинского уездного общества учителей.

А общество спешило отмежеваться от арестованных.

11 сентября 1918 года уездное Акмолинское общество отписало: «На отношение от 17 августа 1918 г. за № 110, правление Учительского Общества имеет честь сообщить, что случаев ареста учителей, выбранных от учительской организации в Совет по народному просвещению, во время последнего переворота не было. Арестованы и содержатся в тюрьме 2 учителя как бывшие члены Совдепа и 1 как кооптированное лицо в Совет по народному просвещению. Сведений о причине их ареста правление не имеет».

Неудовлетворенный таким ответом совет Западносибирского союза

учителей еще раз направил в Акмолинск запрос, в котором требовал сообщить, кто арестован и какие выдвигаются против учителей обвинения. Уездное общество ответило: «На ваше отношение от 3 ноября с. г. за № 152 правление имеет честь сообщить, что в связи с последним переворотом в Акмолинском уезде арестовано три учителя... Они содержатся в акмолинской уездной тюрьме. Числятся под стражей за Акмолинской следственной комиссией. Сейфуллин и Бекмухаметов арестованы, как члены Акмолинского Совдепа, а Горбачев — как член партии большевиков и как коопитированный Совдепом в Акмолинский совет по просвещению».

Заместитель председателя совета Западносибирского союза учителей, прочитав эту отписку, сердито вывел в углу красными чернилами: «Запросить, что предприняло общество для освобождения учителей».

21 декабря 1918 года из Омска вновь пришло письмо: «Совет Западно-Сибирского учительского союза просит в дополнение к сообщению от 2 декабря за № 202 уведомить Совет, принимались ли обществом какие-либо меры к облегчению участи арестованных учителей Горбачева, Сейфуллина и Бекмухаметова; если да, то какие получены результаты, не может ли Совет, со своей стороны, оказать содействие и каким путем было бы это удобнее сделать; если же нет, то вследствие ли принципиальных соображений или потому, что ничем нельзя было помочь арестованным. Сообщите также, имеются ли у арестованных семейства и каково их материальное положение».

Но об этом теплом письме, в котором выражалась забота о них, Сакен и его товарищи так и не узнали. 5 января 1919 года их пешими конвоировали в город Петропавловск, за 500 километров.

Зимой здесь лютуют морозы и почти никогда не стихает ветер. Каждый шаг отдается болью. Нестерпимо режет глаза от яркого отблеска снегов, от студеного ветра. Изредка попадаются аулы. Здесь живут керей.

Увидев вереницу пеших, из домов выходят люди. Уставшим заключенным протягивают лепешки. Однажды Сакен увидел знакомого возчика, с которым в юности ехал в Омск. Тот узнал Сакена, побежал домой, принес только что выпеченные две лепешки и сунул Сакену.

Сакен был обут в длинные казахские сапоги, на нем ленчиковый купи (верхняя одежда с подкладкой из верблюжьего и овечьего руна), на голове тымак.

— А где Тамшагамбет? — спросил Сакен, вспомнив лесничего.

— Два дня как похоронили. Кутыркульская банда, обвинив его в поддержке красных, средь бела дня расстреляла в самом центре аула, — с грустью ответил возчик.

«Никого, оказывается, не обошли эти псы», — подумал Сакен. Но его мысли перебил крик:

— Ей, киргиз, отойди, а то застрелю!

За 18 дней по январской скрипучей стуже Сакен и его товарищи прошли пешком 500 километров. Ослабевших, усталых, вечером 23 января их загнали в какой-то сарай, похожий на хлев. Сарай наспех сколочен из хилых досок. Во многих местах зияют щели, сквозь них дует ветер, залетает снег. Усталый Сакен заснул. Но вскоре проснулся — мороз пробрал до костей. Страшно хотелось есть, хотелось горячего чая. Но конвой поднял арестантов ни свет ни заря, разделил на две партии и затолкал в вагоны для скота.

Вагоны изнутри посеребрил иней. Здесь холодней, чем на улице. Печка есть, но от нее мало проку. Арестанты сбились в тесную кучу.

Вагоны долго блуждали по запасным путям, потом покатали без остановки до самого Омска. В Омске их загнали в какой-то тупик. И казалось, что о людях забыли. Пятнадцать дней простояли в тупике два вагона с узниками. А на шестнадцатый Сакен проснулся от грохота колес. Куда их вновь везут? На этот вопрос ответил сибирский мороз.

Через Татарск, Новониколаевск, Барнаул и дальше на Семипалатинск пробивается поезд. Пути занесены снегом, их никто не расчищает, в вагонах лед. А как только затопишь печь, начинает капать вода, и некуда от нее скрыться, а вагон наполняется сырым паром, трудно дышать. Поезд подолгу стоит в замерзшей степи. Конвоиры боятся, что им не хватит продуктов, и поэтому не кормят заключенных. Холод, голод, неизвестность могли свести с ума.

Еще в Омске умер Павлов. Не выдержали вагонного ада Дризге и Монин. К голоду прибавилась жажда, но конвоиры не хотят мерзнуть и не выпускают из вагонов страдальцев. Они не могут даже набрать снега.

Хафиз Гизатуллин попытался наложить на себя руки, но не сумел умереть. Зато скончались Мартынов, Пьянковский, Юрашкевич.

И теперь каждый ждал своей очереди.

На 35-й день добрались до Семипалатинска. Но атаману Анненкову было уже не до них. Зачем ему живые трупы? Конвоиры тоже измучились, они не знали, куда девать узников. Расстрелять? Но нет на это санкций. Пытались уморить голодом, но те оказались живучими, умерло всего шесть человек. Не находя выхода, они вынуждены были в марте увезти заключенных обратно.

В это время совет Западносибирского союза учителей предпринял последний решительный шаг к освобождению Сакена и его товарищей. 3

марта 1919 года совет обратился с прошением к министру юстиции правительства Колчака.

«4 июня 1918 года в г. Акмолинске арестованы учителя Николай Павлович Горбачев, Садуакас Садвакасович Сейфуллин и Нургаян Бекмухаметов. Первый из них был членом Акмолинского совета по просвещению, а последние — членами Акмолинского Совдепа. Принимая во внимание:

1. Что Советы по просвещению — учреждение не большевистское, организовавшееся под давлением учительства в целях защиты школы от развала.

2. Что некоторые из учителей, как и другие интеллигенты, в мелких уездных городах входили в Совдепы, не сочувствуя Советской власти, но желая ослабить ее резкие проявления. К числу таких интеллигентов, несомненно, принадлежат и учителя Сейфуллин и Бекмухаметов.

3. Что все эти три учителя не являются опасными для существующего строя, но будут полезными работниками в деле народного образования, особенно имея в виду громадный недостаток учащихся вообще и учащихся-казахов в частности.

4. Что все это подтверждается и фактом обращения местного учительства с ходатайством об освобождении из-под стражи перечисленных учащихся — совет Западносибирского краевого учительского союза просит не отказать в пересмотре вопроса о содержании учащихся Горбачева, Сейфуллина и Бекмухаметова под стражей и об освобождении их, хотя бы под поручительство.

О распоряжениях ваших Совет просит его уведомить».

К этому времени Сакен и его товарищи потеряли всякую надежду на спасение.

15 марта первый департамент министерства юстиции ответил, что эти люди находятся в ведении министерства внутренних дел, а посему «просим нас больше не беспокоить».

Между тем «вагон смерти» прибыл уже в омский лагерь.

Со слезами на глазах встретились с омским лагерем акмолинские совдеповцы. Они радовались, как будто приехали к себе домой. Радовались без улыбок, они даже не могли говорить после 47 дней мучений и нечеловеческой борьбы за жизнь.

Сакен особенно рад — Омск почти родной город. С ним связаны годы

его юности.

Теперь он мучился в поисках средств, чтобы дать знать о своем прибытии товарищам на воле.

Омский лагерь тоже напоминал хлев, но хоть из щелей в полу не сквозит. Зато здесь свирепствует тиф. Бакен Серикбаев, Хафиз Гизатуллин, Афанасьев и Смакотин уже попались в когти тифа.

Так шли дни, проходили недели. Ранней весной заключенных под конвоем стали выводить в город убирать улицы. С тех, кого водили в город, снимали оковы. Конечно, выходы в город помогли установить связи с теми, кто оставался на воле, кого тревожила участь узников. Они подготавливали их побег.

Омский правитель адмирал Колчак еще не узнал горечи поражений, и всем, кто делал на него ставку, казалось, что недалек тот день, когда вновь все будет по-старому. Колчаковская контрразведка спешила очистить тылы перед славным походом на Москву. Сакен понимал, что каждую минуту его могут расстрелять, как расстреляли тысячи невинных людей. Нужно, не теряя времени, попытаться бежать из лагеря.

Жанайдар Садуакасов и Курмангали Туяков занялись поиском документов для Сакена и Абдуллы.

25 марта 1919 года Сакену достали справку. «Действительно выдано учащемуся Омской педагогической школы для взрослых Дюйсенбию Асиеву, казаху из Слетинской волости Омского уезда, 26 лет. Асиев находится на весенних каникулах».

Теперь можно и бежать. Но бежать придется одному. Абдуллу внезапно свалил тиф. И Бакен Серикбаев в тяжелом состоянии, вряд ли выживет.

Трудное это было прощание. Бакен не мог говорить. Глазами, полными слез, проводил он друга.

Когда Сакен вышел во двор тюрьмы, то увидел людей, убирающих снег и мусор. Это были товарищи, которые с риском для себя должны помочь Сакену в бегстве. Молча попрощались. Сакен лег в сани. Друзья быстро завалили его снегом и мусором.

Услышав скрежет распахнувшихся ворот лагеря, Сакен чуть заметно повернулся. Из розвальней посыпался мусор, что не ускользнуло от караульного. Он решил на всякий случай штыком прощупать груз. Только чудом штык не задел Сакена.

Он недолго раздумывал, куда идти. Рядом, в восточной части города,

жил Мукан Айтпенов. Дома оказалась только жена Айтпенова. Батима обрадовалась беглецу.

— Иди и располагайся в комнате сестер. Туда никто не войдет. — Она отдавала себе ясный отчет в том, что если Сакена поймают в этом доме, то в такое беспокойное и смутное время и ей несдобровать.

— А не лучше ли мне спрятаться в сарае? Если, найдут, то скажу, что спрятался сам, без вашего ведома...

— Нет, миленький, аллах сбережет. Иди в комнату своих сестричек и сиди там. А я настряпаю баурсаков. «Тетушка Батима оказалась сильней духом, умной, рассудительной женщиной. Конечно, в спокойной обстановке каждый может выглядеть сильным; и умным. Но каким он будет в трудную минуту? Именно в трудную минуту тетушка Батима проявила мужество. Не всякий осмелится принять в свой дом человека, за которым по пятам идут колчаковские убийцы...»

Как только пришли Жанайдар и Мукан, стали решать, что делать дальше. В городе оставаться нельзя. Надо уходить в степные просторы. Лучше всего добраться до Кызылжара, а дальше действовать по обстановке. По возможности перебраться в Туркестан или в Уральские края, туда, где власть перешла в руки красных...

Поезда ходили кое-как, без всякого расписания. Желających покинуть Омск было больше, чем могли забрать эшелоны. Люди ехали с билетами и без них, ехали куда глаза глядят, лишь бы подальше от колчаковских головорезов, от войны.

Сакен сел в поезд на Татарку. Через Татарку добрался до Славгорода. И здесь бесчинствовали колчаковские палачи. Фиктивная справка, выданная на имя Дюйсенбия Асиева, не раз выручала Сакена из затруднительных положений.

В Славгороде он разыскал дом одного обрусевшего казаха по имени Жакен, который зарабатывал на жизнь кустарным промыслом. Жакен тепло встретил Сакена. Было заметно, что он обрадовался появлению гостя, потчевал его чем мог.

Сакен два дня отдыхал, отъедался, все еще плохо веря, что он на воле, что позади остались кошмарный «вагон смерти», омский лагерь, карцеры, тиф, безнадежность. И сами родились стихи.

*Я не выдержал неволи,
Клетку темную разбил,
Словно конь во чистом поле,
Я на землю наступил.*

Эх, свобода! Бесконечно наслаждался бы тобой. Пусть ты голоден, пусть тебе холодно, пусть ты беглец, что может быть милее и краше свободы! Но не все знают тебе цену. Для человека, который никогда не испытывал голода, ломоть черного Хлеба, глоток воды ничего не значат. Человек, не бывший узником, не может по достоинству оценить и свободу.

*Уф! Как я взмахну крылами,
Словно сокол, полечу.
Землю вместе с небесами
Я в объятия заключу.*

Тепло попрощавшись с гостеприимным хозяином, Сакен побрел пешком сначала в Павлодар, а из него в Баян-аул. Три с половиной сотни верст пешком в весеннюю распутицу, по щиколотку в воде днем, по льду и холоду ночами. Сакена шатает от истощения, от усталости.

«В кармане у меня была испеченная на угле костра лепешка размером со ступню верблюда — вот и вся провизия. В руках палка, — вспоминал Сакен. — Одеяло из ветхой материи. Ступни ног в волдырях, сочится кровь... Шел долго».

Горько красться как вору ночью по родной степи, обходить стороной знакомые аулы. Но пока есть силы, Сакен бредет нехоженными путями.

Силы оставили его возле аула Жантемира хаджи.

В казахских степях у него не требовали документов. Здесь потребовали. Это насторожило Сакена. На вопросы он отвечал уклончиво, расспрашивал с оглядкой. Но все же выведал, что Шайбай Айманов находится в Баяне.

Шайбай Айманов учился в Омской фельдшерской школе, и с той поры они знают друг друга и даже изредка переписывались.

Сакен уже было собрался идти туда, к Айманову, но случайно узнал, что там же, в Баяне, живет давний его знакомый по Акмолинску — доктор Асылбек Сеитов, алашординец.

По возможности надо постараться не попасться ему на глаза и скорее добраться до дяди Ильяса, решил Сакен и покинул аул.

«В пору полуденной молитвы я прибыл в аул нагаши.^[36]

На восточной окраине аула женщина собирала сухой кизяк. Я расспросил, где дом моего нагаши.

Аул имел жалкий вид. Низенькие неприглядные лачуги. Во дворах грязно. Нет ни одного целого стекла в окнах. Оконца крохотные, как мышинный глаз. Дворы раскрыты настежь. Вокруг каждой лачуги разбросаны зола, нечистоты, обломки сушеного кизяка.

А вот и избенка моего нагаши. Возле нее, совершая омовение, готовился к молитве мой нагаши — Ильяс, сухощавый, рослый, седобородый старец».

Нагаши Ильяс не узнал Сакена, да и не мудрено! Наконец-то можно немного передохнуть, дать зажить ранам на натруженных ногах. Двенадцать дней отдыхал Сакен. И снова в путь.

Он чутко прислушивается к вестям, которые удаётся почерпнуть от случайных путников.

Сакен еще и еще раз убеждается в том, что казахи каким-то одним им известным образом узнают все новости из самых дальних краев. Так разузнал он о том, что в Каркаралах во время контрреволюционного переворота совдеповцы были арестованы, что среди схваченных был и Ныгымет Нурмаков.

Ныгымет не был еще большевиком, но являлся членом Совдепа, руководил просветительной работой среди казахской молодежи.

Совет учителей в Омске принял участие в судьбе Ныгымета, об этом тоже узнал Сакен, но никто не знал, вышел или нет Ныгымет из тюрьмы.

Пройдено 450 километров. Сакен остановился в ауле Балабая, который находился на отшибе. Сюда вряд ли заглянут представители власти, здесь можно хорошо отдохнуть, собраться с мыслями и с новыми силами.

Силы восстанавливались медленно, а мысли... мысли вновь заняты подбором слов, рифм.

И в мае у подножия Сарыадыра родилась песня «В наших краях». В ней Сакен рассказывал о пережитых им муках. Мелодия была печальной. В эту песню он вложил всю тоску по родным местам, по сверстникам и близким.

Сакен хотел тайком пробраться в свой аул, повидать мать, отца, сестер и снова идти дальше — в Туркестан. Добравшись до соседнего аула, послал гонца, чтобы предупредить родных о своем приезде и необходимости держать это в тайне.

«Быстро подъехали к соседнему аулу. Увидели большую группу мирно беседующих людей. Нам навстречу поскакал мальчик на коне. Я сразу узнал Шамана, сына Сулеймена. Поздоровавшись, он спросил, куда мы

едем и откуда.

— Едем из Павлодарского уезда, доводимся нагаши Сейфулле. Мы из Айдабола, относимся к большому роду Суюндика...

Мальчик помчался обратно к своим, чтобы рассказать.

Оставалось совсем немного до нашего аула. Мы увидели скачущего навстречу джигита со вторым свободным конем в поводу. С этим джигитом я рос с детства. Зовут его Кадирбек. Увы, он тоже не узнал меня! Он круто остановил коня, спросил у Мукая, куда едем, и хотел было скакать дальше, но я не вытерпел:

— Вы из какого аула?

Он узнал меня по голосу, быстро оглянулся. В сильном смущении торопливо спрыгнул с лошади. Тут мы все рассмеялись.

Подпрягли обеих лошадей Кадирбека и помчались. Вскоре заметили вдали группу всадников. Скачут, торопятся. Издалека видно, что среди всадников скачет одна женщина в белом кимешеке.^[37]

Кадирбек начал махать им рукой. Всадники галопом направились в нашу сторону, пыль летит столбом. В белом кимешеке скакала моя мать Жамал. Мы остановились, почтительно сошли с телеги. Люди моего аула осаживали коней и бежали ко мне. Все в растерянности. Бедная мать совсем лишилась рассудка, о чем-то лепечет, сама не зная о чем...

Я хотел приехать в родной аул тайком. На другой день о моем приезде узнали жители пяти окрестных волостей. Через неделю о моем приезде узнали все сорок восемь волостей Акмолинского уезда...»

Акмолинский уезд все еще в руках колчаковцев и каких-то белых банд. Как горько скрываться в родном ауле, но известия одно страшнее другого приходили из Акмолинска, заставляли держаться настороже. Вскоре стало и вовсе ясно — в ауле больше оставаться нельзя.

Сакен дождался того момента, когда люди из джайлау будут перекочевывать в Чувские края. Один, без спутника, он не решался переходить в Туркестан. На этом пути Сакен в любой момент мог повстречаться со всевозможными опасностями. Легко натолкнуться на бандитов Бетпак-Далы. Его ждет пустыня без дорог, в которой нетрудно заблудиться и умереть от голода.

В осеннюю ненастную пору население Таракты начало собираться к переезду в Чу. Если своевременно не последуешь за ними, то в Бетпаке и следов не найдешь. По рукам и ногам Сакена связывает отсутствие лошади. Не хочется причинить обиду отцу, забрав у него единственного мерина, а богатые родственнички, у которых много лошадей, и близко к себе не

подпускают.

Когда ты в беде, то нет у тебя родичей, а вот если ты в чинах, да еще и при деньгах — тебе почет, уважение, и как много тогда у тебя родных и друзей.

Нет, не нашлось у родственников для Сакена лошади, а вот для колчаковцев отыскались целые табуны.

Тарактиицы вот-вот снимутся с места, и тогда не найдешь ни их, ни путей через Голодную степь. А коня нет. И Сакен решился — оседлал единственного отцовского коня и отправился в дальний путь. Влившись в аулы Мадибека, Акбергена, тронулся в направлении Бетпак (Голодной степи).

Кочевники-скотоводы не торопятся. Они не столько движутся вперед, сколько переходят с одного луга на другой. Все их заботы о гуртах скота. Уже и холода на носу, а до реки Чу еще ой как далеко.

Сакен ускакал бы вперед, но нельзя. Не знает дороги, да и пропадешь в одиночку.

Бездумная жизнь, мало чем отличающаяся от жизни степных животных... И только домбра спасает от безумия, смягчает тоску.

И вновь рождается песня — «В горах».

*Еду темной ночью среди гор,
Оглашая песнею простор.
Конь мой чуткий чуть прядет ушами,
Захочу — помчит во весь опор.
Песню о любимой я пою,
Разгоняя и смиряя прыть свою.
Дорогая, не смыкая вежды,
Слушай песню звонкую мою.
О пышноволосая,
О сладкоголосая,
Черноокая моя!
На тулпаре
На свиданье еду я!*

Долгому путешествию по Бетпак нет конца. Однажды заночевали в зимовье. Долго приводили в порядок пустовавшие полгода глинобитные дома. Все делается нестерпимо медленно. Соскучившиеся родственники приглашают друг друга в гости.

В один из таких дней близкий друг Сакена — его мерин — стал добычей конокрадов, и Сакен остался пешим. Он выпросил у Жумадила рыжего коня с бархатистой шеей. И вместе с Батырбеком, Жусупбеком, Рашитом и батыром Суюндиком, который хорошо знал все пески и хребты Бетпак, взял курс на Аулие-Ату. С трудом перешли они через только-только замерзшую реку Чу. «Идем с оглядкой, ступаем осторожно. Душа ушла в пятки. Обходим полыньи, сворачиваем туда, где потверже. Мы идем, рискуя жизнью, и ощущение такое, будто ступаешь босой ногой на огонь», — вспоминал Сакен. Аулие-Ата как своего принял Сакена.

Внимательно выслушал председатель исполнительного комитета Кабылбек Сармолдаев рассказ Сакена обо всем пережитом. Назавтра он собрал мусульманское бюро и еще раз заставил Сакена рассказать о виденном и слышанном.

— Товарищ Сейфуллин, оставайтесь у нас, будем вместе работать на благо трудящегося народа, — сказал он.

Сакен узнал из газет, что Колчак и деникинцы разбиты наголову, что в Акмолинске создан революционный комитет.

— Надо пробираться в родные места. Там создан революционный комитет, и все предстоит начинать сначала. А у вас положение нормальное.

Мусульманское бюро решило выдать Сакену мандат, чтобы он по дороге в Акмолинск вел агитационно-разъяснительную работу среди трудящихся, проводил выборы, создавал аульные Советы.

Почти полгода длился этот обратный путь в Акмолинск по Голодной степи. Сакена сопровождали два милиционера и джигиты, хорошо знающие степь.

От аула к аулу ехал Сакеи, устанавливая в аулах власть Советов, выдвигая бедняков руководителями.

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Два года прошло с той поры, как под конвоем он покинул Акмолинск. И вот красный сокол степи снова в родном городе.

Сакен не заехал ни к родным, ни к знакомым, а прямо подкатил к дому уездного революционного комитета. И ко времени. Только что закончилось очередное заседание комитета, но еще никто не ушел. Сакена увидели, узнали. И первым подбежал, обнял Захар Катчеико, затем Жумабай Нуркин, Байеит Адилев. Каждый засыпает вопросами и, не дожидаясь ответа, начинает рассказывать сам. Шум, гвалт...

Катченко и Жумабай вытащили Сакена из плотного кольца знакомых и повели в кабинет комиссара Акмолинского ревкома Короткова. Там же находился и представитель Сибревкома Скворцов.

За Сакеном потянулись обратно в ревком и все, кто только что присутствовал на заседании. Слушали отчет Сакена о его скитаниях, неудачах, победах.

Короткое осведомился, где Сакен собирается жить. И если в Акмолинске, то, наверное, ему не мешало бы какое-то время отдохнуть после всех перенесенных мытарств.

Но от отдыха Сакен отказался. До него ли теперь! Ему не терпелось скорее взяться за новую работу.

И она нашлась. На этом же внеочередном заседании президиум Акмолинского ревкома назначил Сейфуллина помощником заведующего отделом управления ревкома. И уже завтра нужно было браться за дела.

Акмолинск готовился к уездному съезду Советов. Через десять дней после своего приезда Сакен выехал по аулам. Мандат давал ему большие полномочия:

«Предъявитель сего помощник зав. отделом управления Садуакас Сейфуллинович Сейфуллжн командирован в Акмолинский уезд по делам службы.

Сейфуллину предоставлено право ревизовать все волостные, сельские и аульные ревкомы, в случае замеченных недостатков исправлять таковые, а в случае обнаружения преступлений и других аналогичных случаев со стороны должностных лиц — смещать, арестовывать и назначать новых.

Все должностные лица и советские учреждения обязаны оказывать тов. Сейфуллину всяческое законное содействие».

23 июля 1920 года съезд начал свою работу. Сакен был избран его председателем.

Прежде всего от имени съезда была отправлена телеграмма В. И. Ленину.

Продолжавшийся три дня съезд рассмотрел положение, создавшееся в Акмолинском уезде, избрал исполнительный комитет уездного Совета. 26 июля члены Акмолинского Совдепа избрали президиум исполнительного комитета. Председателем комитета был назначен Короткое, его заместителем и заведующим административным отделом — Сакен Сейфуллин, секретарем — Адилев, членами — Катчеико и Булочников.

Решения съезда были доведены до сведения жителей Акмолинска и уезда специальным приказом. В его редактировании Сакен принимал самое активное участие.

«Приказ № 1 Акмолинского уездного исполнительного комитета от 26 июля 1920 года.

Более двух лет рабочий класс и крестьянство Сибири страдало под гнетом реакции...

Наконец 23 июля в Акмолинске собрались делегаты — представители от трудового населения всего Акмолинского уезда, которые образовали Акмолинский исполнительный комитет.

Таким образом, волею трудового народа Акмолинский уездный исполнительный комитет приступает с 26 июля с.г. к исполнению возложенных на него обязанностей.

Исполнительный комитет предлагает населению оказать своим избранникам содействие, оказать поддержку во всех их начинаниях.

Исполнительный комитет торжественно, перед лицом всех заявляет, что он будет беспощадно бороться со всеми преступлениями вообще и скотокрадством в частности, будет охранять мир и спокойствие вверенных его попечению граждан.

Всякий обиженный найдет в комитете и его отделах справедливость, законность и защиту. Итак, за дело. Дадим попять врагам революции, что мы в состоянии построить свободную и новую жизнь трудящихся.

Помните, граждане, что от вас самих зависит ваше благополучие и успех возложенных на исполнительный комитет задач».

Сакен дневал и ночевал на работе. И может быть, потому, что раньше ему не приходилось занимать такие должности, он, даже имея секретаря, собственною рукою писал в книгу приказов административного отдела все распоряжения. Потом их размножали десятками и сотнями на пишущей машинке.

Много хлопот доставляли вновь прибывшие в Акмолинский уезд переселенцы. Нужно было следить за тем, чтобы их права не ущемлялись волостными Советами. Еще до издания вышестоящими инстанциями указа о защите прав женщин и запрещении калыма Сакен обратился в местные комитеты с письмом.

«Мною замечено, что все киргизское население Акмолинского уезда и до сего времени не расстается со старыми обычаями. Идет торговля девицами, за которых берут калымный скот, и выдают своих дочерей против их воли. Между тем беззащитные девицы по выходе в замужество начинают обжаловать свой незаконный брак, подают различные жалобы народным судьям о разводе, чем и обременяют канцелярию народных судей бумажной волокитой. Такие явления среди киргизов совершенно недопустимы. Ввиду этого приказываю: оповестить народонаселение о воспрещении выдачи киргизских девиц против их желания и, кроме того, отменить калым». Этим приказом Сакен положил начало осуществлению в Казахстане мероприятий по защите гражданских прав казахских женщин.

В августе 1920 года разгорелась работа по подготовке к Всеказахстанскому учредительному съезду.

1 сентября в городе Петропавловске должен был состояться Акмолинский губернский съезд. Назначенный председателем губернской избирательной комиссии редактор газеты «Кедей сузы» («Слово бедняка») Мукан Айтпенов телеграфировал, что «15 сентября будет созван Всеобщий киргизский съезд в Оренбурге. Персонально приглашены активные революционеры, среди которых С. Сейфуллин. Пусть готовится».

По этому поводу в уездном исполкоме состоялся специальный разговор. Несмотря на то, что Сакен был избран делегатом не только на краевой, но и губернский съезд, решено было его никуда не посылать. Уж очень он был загружен работой, да и заменить некем.

7 сентября председатель исполкома Короткое дал телеграмму о том, что исполком не может послать на съезд Сейфуллина и Ашима Омарова.

Спустя несколько дней, 15 сентября, от Мукана Айтпенова была получена краткая и категоричная телеграмма: «Присутствие Сейфуллина на съезде Оренбурга обязательно, замените Алиевым временно».

Короткой и на сей раз не собирался отпускать таких нужных ему каждодневно работников. Сакен и Ашим решили ехать на съезд, направив Короткову оправдательную записку.

«Мы, Сейфуллин и Омаров, вопреки Вашей телеграмме

выехали на Всеобщий киргизский съезд. Нас заставила важность данного съезда в смысле официального объявления Киргизской республики «Казахстан», на основе коренных заданий Советской власти, каковые могут быть лишь проведены в жизнь партийными товарищами. Это раз.

2) Долг партийных идти навстречу постановлениям съезда Советов и присутствовать на решающих съездах, дабы не дать противоположно высказываться съезду.

3) Мы уверены, что самым революционным городом Казахии является и являлся г. Акмолинск, и съезд в большинстве случаев будет прислушиваться к голосам представителей Акмолинского уезда. Поэтому, вторично повторяем, вопреки Вашей телеграмме, дабы не дать съезду отвернуться от представителей Акмолинского уезда, вынуждены были выехать и выехали 15 сентября с. г.».

На Учредительный съезд, который должен был водрузить флаг Казахской республики, приехало более 200 делегатов.

Сакен встретил здесь своих старых единомышленников — заведующего казахско-татарским отделом Сибирского бюро РКП (б) Абулхаира Досова, Жанайдара Садуакасова, Мухтара Саматова, Сабыра Шарипова из Омской организации, Ныгымета Нурмакова из Каркаралы. Самыми большими делегациями были Оренбургская и Тургайская. Сакен узнал, что и Мухаметжан Сералин, бывший редактор «Айкапа», делегат, а ведь с тех пор, как закрыли журнал, о Сералине ничего не было известно.

Сакен знал его давно, но знал заочно. И вот теперь представилась возможность познакомиться. Когда он спросил о Сералине какого-то казаха, тот указал на человека средних лет, очень смуглого и довольно-таки полного. Сакен подошел, поздоровался.

— Не узнаю вас, джигит мой!

— Верно, раньше мы не встречались. Меня зовут Садуакас Сейфуллин.

Мухаметжан начал вспоминать. И с трудом вспомнил сборник «Минувшие дни».

— Если не ошибаюсь, кажется, ты поэт, милоч?

— Было такое, увлекался когда-то. — И Сакен рассказал, что в «Айкапе» были опубликованы его несколько стихотворений.

1920 год. 4 октября. В шесть часов вечера в самом большом зале

Оренбурга — в клубе имени Свердлова начал свою работу первый съезд.

Все выглядит празднично. Председательствующий поздравил делегатов и приглашенных с началом работы Учредительного съезда и сообщил, что военно-революционный комитет, до сего времени руководивший казахским краем, слагает с себя все полномочия и передает их съезду.

Была оглашена повестка съезда. Она состояла из 14 вопросов. Затем слово предоставили выступающим с приветствиями. Первым от имени Сибирского бюро РКП (б) выступил Абулхаир Досов:

— Ни Февральская революция, ни сухопутный адмирал Колчак, ни Деникин не дали свободу казахскому народу. Настоящую свободу нам дала Октябрьская революция, — начал он. Закончил же свое выступление пламенным приветом от имени народов всей Сибири.

После него выступил с приветствием от имени комсомола — Смагуд Садвакасов. Через некоторое время на трибуну поднялся Торежанов, чтобы выразить пожелания бедняков.

— Мы не умеем говорить много. Народу нужно спокойствие, скоту — уголья, для посева — земля. Все это сейчас дает нам наша власть. Только бы и дальше так продолжалось. Новая жизнь строится не в один день. Если правильно, толком будете руководить этим строительством, считайте, что наша бедняцкая мечта исполнена.

После утверждения мандатной и редакционной комиссий были созданы административная, военная, земельная, экономическая комиссии. Административной комиссии, в состав которой избран С. Сейфуллин, было поручено определить границы Казахской республики. И поэтому по составу эта комиссия была самой многочисленной.

Комиссии предстояло работать в контакте с представителями Туркестанского края и Астраханской области, где также проживало немало казахов. Необходимо было обсудить вопрос о создании специальных представительств Казахской республики в РСФСР, ТурЦИК, БашЦИК.

Продолжавшийся в течение восьми дней съезд юридически узаконил создание Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, приняв директивы, наметившие пути ее дальнейшего развития. 75 человек были избраны членами Центрального Исполнительного Комитета Казахской АССР.

После окончания заседаний съезда членам Исполнительного комитета были вручены красные книжки.

Сакен с недоверием, гордостью, даже трепетом прочитал:

КССР

Российская Советская Федерация

Киргизский Центральный Исполнительный Комитет съезда Советов рабочих, трудового киргизского народа, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

Временный членский билет № 60

Предъявитель сего тов. Сейфуллин избран Всекиргизским съездом Советов первого созыва членом Киргизского Центрального Исполнительного Комитета съезда Советов рабочих, трудового киргизского народа, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, срок от 12 октября 1920 по 12 января 1921 г,

13 октября состоялось первое заседание членов Центрального Исполнительного Комитета Казахской АССР, где был избран президиум, который должен был заниматься конкретными делами. В его состав единогласно были избраны Мендешев (председатель), Радус-Зенькович, Акулов, Алманов, Сейфуллин, Киселев, Жанайдар Садуакасов, Габдулла Бокейханов, Досов, Джангильдин.

Назавтра президиум КирЦИК приступил к решению конкретных дел, рассмотрел вопрос о создании представительств в РСФСР, Туркестанской, Башкирской республиках, в Астраханском исполнительном комитете и Сибирском ревкоме.

Представительство в Сибревкоме особенно волновало членов Исполнительного комитета Казахской АССР. Сибревком претендовал на ряд уездов, примыкавших к Омскому округу, но заселенных в основном казахами. Естественно, что в Сибревкоме должен быть такой представитель, который мог бы самостоятельно решать вопросы и руководить работой в этих Казахских областях.

Хотелось заглянуть в родной аул, но президиум КирЦИК издал постановление, в котором говорилось: «Ввиду необходимости немедленно приступить к работе членам президиума Мендешеву, Досову и Сейфуллину

отпуска не предоставлять».

Этим же постановлением Сакен был утвержден председателем земельной комиссии и членом редакционной коллегии.

Жанайдару Садуакасову, С. Сейфуллину и Турганбаеву КирЦИК поручил:

«1) Временно до организации государственного издательства все литературные издания на мусульманском языке должны проходить через редакционную коллегию и без ее визы не подлежат напечатанию в типографиях полиграфотделов; 2) улучшить издание газеты «Ушкун»,^[38] изменив название, увеличив тираж и формат».

Замелькали дни. Как будто похожие один на другой, и в то же время каждый приносил и свои радости и горести. Сакен то в Букеевской орде проводит губернское совещание по перевыборам, то тщательно готовится к поездке в Самару, в Волжский военный округ.

Все личное отошло в сторону. И даже поэзия. Болезнь укладывает в постель, но как только смог стать на ноги — новое задание.

Сакен предупреждал, что трудно будет сговориться с Сибревкомом о судьбах Акмолинской и Семипалатинской областей, и оказался прав.

Президиум КирЦИК после дебатов вынужден был принять решение:

«1. Принятое президиумом положение представительства по управлению Акмолинской и Семипалатинской областями никакому изменению не подвергать; все предполагаемые в нем Сибревкомом изменения отклонить.

2. Точного срока присоединения не указывать.

3. Делегаты VIII съезда пусть решают в Москве.

4. Командировать тов. Сейфуллина специально как представителя от Акмолинской и Семипалатинской областей, знакомого с тамошними условиями и с положением дел, для выяснения и отстаивания совместно с представителями КССР тов. Мендешевым и Радус-Зеньковичем вопроса о немедленном присоединении означенных областей в Киргизскую республику».

С этим постановлением в портфеле Сакен отправился в Москву.

Первый раз в Москве. Сакену побродить бы по столице, посмотреть на

нее, побывать в театрах, встретиться с поэтами. Куда там! Едва разыскал представительство Казахской республики, как на него накинудся: Сейткали Мендешев.

— Ну как там у нас? Ты же не должен был ехать сюда. Что случилось?

— Все в порядке, Саке! Так, из-за капризов Сибревкома пришлось ехать, — начал объяснять суть дела Сакен.

— Погоди.

Сейткали побежал в соседнюю комнату. Пришел Радус-Зенькович.

— Завтра с докладом выступит Ленин. Тебе приходилось когда-нибудь видеть этого человека? — спросил Радус-Зенькович, глядя на Сакена.

— Конечно, нет. Но как мне хочется увидеть, услышать Ильича!

Сейткали подошел к телефону и долго говорил с кем-то из аппарата ВЦИК.

— Тебе обещали пригласительный билет.

Большой театр. Сакен любуется тяжелой люстрой, бархатным занавесом, ярусом лож и балконов. Тускло горит свет, но это не может испортить радостного настроения.

В зале взрыв оваций. Сакен взглянул на сцену и увидел, как к трибуне торопливо подошел Владимир Ильич.

Из-за высокой трибуны видны только его голова и грудь. Говорит быстро, четко, ясно.

Он излагает основные идеи знаменитого плана ГОЭЛРО. Это звучит как сказка. Но в нее веришь, так убежденно говорит вождь и так велика уверенность его самого в осуществимости грандиозного плана.

В представительстве Сакен застал Сейткали Мендешева, разбирающего кучу газет и журналов. Увидев Сейфуллина, поманил его пальцем.

— Кто такой Манап Шамиль? — Вопрос смутил Сакена. — Ничего от Букейхановых не оставил. Ты это видел? — Сейткали показывал номер газеты «Жизнь национальностей» от 25 ноября 1920 года.

Сакен прочел шапку «О киргизской интеллигенции», затем шли подзаголовки: «Групповщина среди киргизской интеллигенции», «Вчерашние «революционеры» Казахстана». Перед статьей краткое предисловие: «С небольшими изменениями публикуем помещенные в акмолинской газете «Красный вестник» 24 августа и 14 сентября две статьи. Эти статьи могут послужить материалом для исследования роли киргизской интеллигенции в революционном движении и строительстве. Автором обеих статей является Манап Шамиль».

— А что, разве есть еще в Акмолинске джигит, который лучше тебя владеет русским языком, Сакен? — спросил напрямик Сейткали.

— Стало быть, да...

— Ну кто же все-таки этот Манап Шамиль?

— Сейтеке, ну зачем это вам?

— Вот как, оказывается, это ты! Поздравляю! Это тебе не шуточки — публиковаться в союзной газете. Наверное, суюнчи^[39] будет моим. Ведь я первым увидел, — пошутил Сейткали.

После окончания съезда Сакен Сейфуллин встретился с Калининым. Всесоюзный староста посоветовал создать чрезвычайную комиссию и обещал направить в Сибревком соответствующее отношение.

16 февраля 1921 года комиссия была создана. Однако Сибревком на уступки не шел.

Члены комиссии КирЦИК написали докладную В. И. Ленину и М. И. Калинину, изложив суть дела.

Только 10 мая было принято решение о присоединении с 9 мая Акмолинской и Семипалатинской областей к Казахской республике.

Давно не был Сакен в родных краях. И вот решил съездить. В начале июня отправился в путь. На остановках рассказывал аульчанам о положении Казахской республики, проводил перевыборы в уездах, волостях. В свободную минуту написал стихотворение «На небе» — посвятил его Абдулле Асылбекову.

Сделав короткую остановку в Акмолинске, 25 июня добрался до Караганды. Здесь он знакомился с жизнью рабочих, мысленно представляя прошлое этого края, пережившего немало трудностей. Написал стихи и песни, посвященные рабочим Нильди, Спасска, Караганды. И отправился в свой аул.

Не успели родные и близкие налюбоваться на своего Сакена, как 11 августа пришла телеграмма: «Сообщается, что член КирЦИК Сейфуллин назначен президиумом представителем КирЦИК на Акмолинский губсъезд. В случае отсутствия Сейфуллина немедленно известите его прямому проводу. Секретарь КирЦИК Досов».

Сакен тут же приехал в Акмолинск, но здесь его свалил тиф. А телеграммы и радиogramмы из Оренбурга все еще разыскивали Сакена. «Передайте члену президиума КирЦИК Сейфуллину, что президиум КирЦИК предлагает ему немедленно по окончании губсъезда выехать Оренбург тчк Вопрос усиления работниками передан обком».

Как обидно снова лежать в больнице, снова быть не у дел. Слабость, глаза ввалились, остались одни кости.

Вышедший из больницы в конце ноября Сакен узнал от акмолинских делегатов, вернувшихся со II съезда Советов, что он избран членом КирЦИК, но не вошел в состав президиума и назначен для работы в области литературы.

Сакен прежде всего решил поправить здоровье и вернулся в свой аул.

2 июня Сакена пригласили на заседание Совета Народных Комиссаров. Здесь он узнал о том, что его намечают назначить заместителем комиссара по просвещению. 13 июня состоялось соответствующее решение президиума областного комитета РКП (б). Но засевшие в аппарате алашординцы всячески саботировали это решение. Потребовалось специальное постановление ЦИК КирАССР: «Слушали... 4. Утверждение членом коллегии и зам. наркомпроса КирАССР тов. Сейфуллина... Постановили: Тов. Сейфуллина членом коллегии и замнаркомпроса по организационно-административной части утвердить». После этого некоторые вынуждены были освободить занимаемые посты.

28 июля в Центральном Исполнительном Комитете состоялось расширенное заседание с участием руководящих работников областного комитета партии, где был рассмотрен вопрос о развитии печати Казахстана. В том числе вопрос об улучшении работы газеты «Енбекши казах» и журнала «Кызыл Казахстан» («Красный Казахстан»), была утверждена специальная редакционная коллегия в составе А. Асылбекова, А. Байдильдина, С. Сейфуллина, Т. Жургунова, ответсекретаря Б. Алдангарова. Сакен был назначен редактором газеты «Енбекши казах».

3 августа комиссия во главе с С. Сейфуллиным рассмотрела порядок издания книг и брошюр. Было принято постановление о том, что в связи с недостаточностью средств издавать в первую очередь те произведения, которые имеют особую важность и могут быть реализованы.

Назавтра на объединенном заседании КирЦИК, областного комитета РКП (б) и Кирпрофбюро ВЦСПС Са-кену был вручен следующий мандат:

«Предъявитель сего, есть действительно заместитель) народного комиссара просвещения К(А)ССР тов. Сейфуллин, который командировается в гор. Петропавловск для руководства и проведения перевыборов Советов в Акмолинской губернии в качестве уполномоченного КирЦИК и Киробкома РКП как председатель губизбиркома.

Тов. Сейфуллину как председателю губизбиркома предоставляется право проверять работу профессионально-партийных организаций и Акмолинского губисполкома и его отделов и давать соответствующие указания и распоряжения по линии НКВД.

Тов. Сейфуллин как уполномоченный КирЦИК и Киробкома РКП имеет право вести переговоры по прямому проводу, подавать телеграммы по лит (ерам) «А» п «Б», получать вне очереди билеты на проезд по железной дороге, а также должны предоставляться вне очереди лошади или автомобили.

Просьба всем советским учреждениям и парторганизациям оказывать тов. Сейфуллину законное содействие при выполнении возложенных на него задач, что и удостоверяется подписями и приложением печати».

В самый канун отъезда из Оренбурга Сакен написал в газету «Енбекши казах» статью «Нынешние выборы Советов», где подчеркивал:

«Баи, которые не смогли примкнуть в первые годы больших изменений к какой-либо группе, похожи на лошадей, выбывших из табуна. Это они сеяли вражду между людьми. И теперь опять взялись за свои темные дела». Сакен разоблачал всякие ухищрения баев: «Трудящиеся казахи, вы должны понять, что являетесь хозяевами новой жизни, не бойтесь приспешников баев, толстосумов. Объединившись, выбирайте в исполкомы своих людей. Хватит вольничать баям и мирзам. Давно сочтены их дни...»

На губернском съезде Советов Сабыр Шарипов, который хорошо знал местное положение, был назначен председателем Акмолинского губисполкома.

Он и Захар Катченко задумали создать опорно-показательные казахские поселки, хотели посоветоваться с Сакеном, но того опять срочно отозвали в Оренбург. Уже на вокзале, на ходу, Сакен поддержал идею друзей, уверенный в успехе их начинания.

— Подумайте, на партийную конференцию и съезд Советов приезжайте с готовыми предложениями. А я попробую подыскать людей, которые поддержат вас со стороны КирЦИК и Совета Народных Комиссаров, — сказал Сакен.

...После того как его назначили редактором газеты «Енбекши казах» и членом редколлегии журнала «Кызыл Казахстан», Сакен активно включился в журналистскую работу. Почти через каждые два дня публикуются его статьи под именами «Манап Шамиль» или «Сакен». Он

призывает граждан писать о своих нуждах в газеты и журналы, разъясняет им, что «казахские рабочие, бедняки должны читать газеты и журналы», потому что «человек, не читающий газеты и журналы, — слепой, невежда». «Человечеству нужны две пищи: первая — для организма, другая — духовная. Самая важная духовная пища — чтение газет, журналов и книг».

И до начала III съезда и во время его работы напряженно трудилось бюро областного комитета РКП (б). Секретари обкома Коростелев и Асылбеков, члены бюро Мендешев и Вайнштейн никак не могли уговорить Саке-на принять должность председателя Совета Народных Комиссаров.

— Сакен, замучил ты нас своими и устными и письменными заявлениями во время первого съезда, отказываясь от выдвижения тебя в президиум КирЦИК. Почему ты избегаешь работы? — огорченно говорил Сейткали.

А секретарь обкома Коростелев отрезал:

— Товарищ Сейфуллин, я считаю ваше поведение не партийным. Если избегаете работы, то зачем вступили в партию? Каждый должен работать по мере возможности. Мы считаем, что вы справитесь с должностью председателя Совета Народных Комиссаров. Придет еще время и для ваших стихов. Прежде всего прошу не забывать о том, что мы должны думать об интересах народа.

По пути к гостинице и Абдулла «прорабатывал» Сакена. Откровенно и резко разговаривали друзья, пережившие вместе все «блага» анненковского «вагона смерти». Но говорили от чистого сердца, доброжелательно. Сакен, как всегда, шутил, а Абдулла хмурился. Он приложил много сил, чтобы отстоять на бюро свое мнение о назначении Сакена председателем, а теперь вот, полюбуйтесь, отказывается. Как же тут не сердиться?

В заключительный день съезда Сакен вновь был выбран членом КирЦИК. На собрании фракции он был выдвинут на должность председателя Совета Народных Комиссаров. Только было хотел возразить, но его перебил Коростелев:

— Знаем, товарищ Сейфуллин, но это вам наше партийное задание, — отрезал он.

И вот Сейфуллин — член большого и малого президиума Центрального Исполнительного Комитета, член бюро областного комитета РКП (б) и председатель Совета Народных Комиссаров.

Но никто не освобождал Сакена от должности редактора «Енбекши казах». Казалось, на газету Сейфуллин уже не может выкроить из своего

бюджета времени ни одной минуты. Но он выкраивал. И не только редактировал газету, но и по-прежнему часто на ее страницах выступал со статьями. И эти статьи прежде всего касались вопросов хозяйственного строительства и развития Казахской республики.

Нет дня, когда бы в Совете Народных Комиссаров не проходили заседания с обсуждением хозяйственных вопросов. Трудно разобраться во всех тонкостях экономических проблем, стоящих перед казахским народом. И часто решение этих проблем тормозится отсутствием нужных, знающих людей.

X съезд партии поставил всю страну на рельсы новой экономической политики.

Приободрились баи и кулаки. Им кажется, что вновь наступило их время.

Но по-иному думают Сакен и большевики. Совет Народных Комиссаров пристально следит за развертыванием животноводства на новой научной базе, увеличением запашки, восстановлением фабрик и заводов, развитием государственного сектора в народном хозяйстве.

Занятый неотложными делами, Сакен и не заметил, как подошел день пятилетия Октябрьской революции.

Ответственный секретарь газеты «Енбекши казах» Беимбет Майлин нес всю тяжесть по перестройке работы газеты и журнала «Кзыл Казахстан». Только при особой необходимости он звонит Сакену или приходит сам. Статьи, которые вызывают какое-либо сомнение, показывает Сакену. Но дорожит временем предсовнаркома...

Сакен с уважением и расположением относится к Беимбету. Ему особенно нравится острота его пера и хватка.

Сакен не только сам пишет в газету. Но и народных комиссаров тербит постоянно. Однажды, собрав их, он сурово заметил:

— Журналисты в обиде на вас. Не пишете вы статьи. Каждый из вас обязан по своим отраслям хозяйства писать в газету. Вы стали забывать о том, что на этот счет есть специальное постановление обкома и КирЦИК. Если еще раз поступит на вас жалоба — привлечем к ответственности!

Уже далеко за полночь. Позади трудный день заседаний, телефонных разговоров, неотложных решений. А ночью, дома, когда усталая голова сама ищет подушку, Сакен склоняется над письменным столом. Поэт сменил жанр. Теперь он публицист. Статья об Октябрьских торжествах, еще одна — «О тех, кто сложил голову за Октябрьскую революцию». Сакен выполняет завет Бакена Серикбаева — написать о тех, кто делал

революцию, кто погиб в борьбе.

«Многие казахские сыны сложили голову за Октябрьскую революцию, за лозунг казахской бедноты, с их знаменем в руке, это Шаймерден Альжанов,^[40] Бакен Серикбаев, Искак Кобеков, Адильбек Майкотов, Нургаян Бекмухаметов, Хаким Маназаров, Нургали Кулжанов, Амангельды Иманов...» Они сложили свои головы за свободу трудящегося народа, за их счастье. Это жертвы священной мечты человечества!.. Дорогие, незабвенные товарищи! Вы погибли, но ваки священные имена вечно живы! Не погибнут ваши мечты! Пусть будет вам земля пухом, братья мой!..

Долг оставшихся в живых — увековечить имена этих жертв. Для этого необходимо некоторым школам, медресе, учебным заведениям, улицам Казахстана присвоить их имена. В этом должны принимать участие все товарищи. Если мы осуществим это, значит, мы выполним свой долг перед ними».

Казалось, сам он уже отдал этот долг. Но едва поставил последнюю точку — понял, нет, только начинает его отдавать.

Их заслуги нельзя отметить одной лишь статьей, они — достойны целой книги. Надо создать товарищам по тернистому пути вечный памятник. Это его долг на всю жизнь.

В ту пору очень увлекались всевозможными анкетами и характеристиками, составление которых отнимало много времени и злило Сакена. Ему приходилось постоянно писать характеристики на своих подчиненных. Писали характеристики и на него самого. Вот одна из них, составленная первым секретарем обкома РКП (б) Г. А. Коростелевым 17 ноября 1922 года.

«Тов. Сейфуллин — один из малочисленных твердых коммунистов-киргизов. Практика в советской работе средняя. Хороший литератор на киргизском языке. В настоящее время по выбору занимает должность предсовнаркома. С должностью С. Сейфуллин справляется. В прошлых должностях тов. Сейфуллин проявил достаточное... умение подбирать работников и руководить ими. Отношение к подчиненным вообще и к партработникам хорошее. Дисциплинированный член партии. Марксистски подготовлен путем самообразования. В политической обстановке быстро ориентируется. Политически устойчив. Никаких уклонов от большевизма не было. Энергичный, настойчивый в проведении принятых решений.

Владеть собой и признавать свои ошибки умеет. Наклонностей к склокам и группировкам нет».

В тот же самый день, которым помечена эта характеристика, как бы оправдывая ее, Сакен отнес в редакцию статью, в которой он, представитель малочисленной еще когорты образованных, преданных делу партии казахов, призывал свой народ учиться и учиться, чтобы в десять-двадцать лет нагнать наиболее развитые народы.

Он пишет целый ряд статей, пронизанных одной мыслью: «Каждый казах должен думать об учебе!»

«Если просвещенные слои народа, руководители не будут заботиться об образовании казахов, если дети не будут учиться, то будущее поколение молодежи проклянет этих руководителей. Каждый казах должен думать об учебе.

Если казаху раньше учеба нужна была один раз, то сейчас потребуется тысяча раз. Казах должен думать о своем будущем».

Сколько широк диапазон вопросов, которые приходится решать Совету Народных Комиссаров и его председателю, Сакен убедился уже в первые месяцы работы. Но, пожалуй, самым главным, самым болезненным был вопрос о деньгах. Где взять средства для строительства заводов и фабрик, школ, больниц? Налоги с нэпманов, прибыли от концессий поступают в общесоюзный бюджет. Фондов не хватает. И часто предсовнаркома и сотрудники его аппарата по три-четыре месяца сидят без зарплаты.

Бывали моменты, когда и в шутку и всерьез приходилось ссориться с комиссаром финансов Майминым, будто все беды исходят от него.

Старый друг, а ныне председатель Акмолинского губисполкома Сабыр Шарипов добился-таки своего, провел через президиум губисполкома решение об опорно-показательных поселках казахов. И привез это решение предсовнаркому. Шарипову нужны деньги. И немалые.

Сакен стал читать:

«Организовать группу совершенно разоренных бедняков киргизов в показательные поселки. Этим достигаются две цели: во-первых, часть голодных будет накормлена, спасена от смерти, во-вторых, это даст толчок остальным киргизам переходить к оседлости.

В 1923 году образовать всего лишь четыре поселка в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском уездах до 100 дворов в каждом. Снабдить эти поселки сельскохозяйственным инвентарем, семенами, продовольствием до нового урожая, лесными

материалами, денежными ссудами... Весь скот, собранный с кирнаселения в помощь голодающим, передать в фонд этих поселков. Для каждого поселка считать максимальной цифрой до 100 хозяйств, а для четырех поселков 400 дворов, для чего требуется на первое время...» Далее следовал перечень необходимого, а затем шла постановляющая часть.

Сакен все прочел с большим вниманием. Кончил читать, не выдержал:

— Сабыр абзи,^[41] это же настоящее революционное мероприятие! Молодец, абзи, молодец!

Вот тут, воспользовавшись моментом, и подсунул Сабыр предсовнаркому бумагу.

— Подпиши, пожалуйста, вот это...

— А что это такое?

— Пока пять тысяч!

— Что? Деньги?

— Нет, хлеб!

— Подожди, Сабыр абзи! Надо подумать.

— Мы уже подумали. Собрали весь инвентарь, транспорт, теперь нужен хлеб. Без хлеба никто в поселок не поедет.

— А известно, где будут расположены поселки?

— Примерно. В Петропавловском уезде намечаем заимку Баженовка. А в Кокчетавском уезде расположим поселок у озера Жокей. Там рядом золото, может быть, в дальнейшем создастся промышленный центр.

В Акмолинском же уезде правильнее будет построить поселок прямо в гуще казахских аулов. Наиболее подходящее место для этого — Кургальджин. Этот поселок послужил бы примером по ту сторону озера — твоему аулу, а по эту — Улытау. Пока только неизвестно, где будем располагать поселок в Атбасарском уезде. Для этих четырех поселков создан специальный отдел, руководить которым назначили Захара Катченко. Ну, теперь подпишешь эту бумажку? — полушутя-полусерьезно сказал Сабыр.

— Сабыр абзи, почему не получить все сразу?

— Не дадите...

— Если желаете, то берите все сразу. На такое благородное дело ничего не жалко! — сказал Сакен и поставил визу на 10 тысяч пудов хлеба.

— А деньги?

— Этот вопрос решу после приезда из Москвы, а пока нет никаких возможностей.

Если бы кто-либо из посторонних случайно заглянул на квартиру

председателя Совнаркома в этот вечер 13 декабря 1922 года, то, наверное, не поверил бы своим глазам и ушам. Сейфуллин сидел с домброй и с увлечением распевал свой любимый кюй Тока.

Напротив предсовнаркома пристроился уже немолодой человек с нотной бумагой на коленях.

Сакен поет, а его единственный слушатель торопливо выводит нотные знаки. Пение прерывается рассказами. Сакен популярно повествует о создании только что исполненного кюя.

Этот слушатель — Александр Викторович Затаевич, собиратель казахской народной музыки, знал, к кому обратиться.

Только не знал он, что предсовнаркома — создатель превосходнейших песен, а потому и не попросил их исполнить.

Сакен же промолчал. Ему казалось, что если он запоет свои песни, то это будет нескромно.

Перед тем как Сакену выехать на Всероссийский съезд, к нему пришел начальник Казахского государственного издательства А. Богачев. Когда он показал Сакену его собственные книги: «Неукротимый скакун», «На пути к счастью», «Красные соколы» — Сакен радовался, как дитя.

Всегда приятно, когда твой труд выходит в свет в виде книги, но будь эта книга и не его, а другого, он все равно бы радовался. Ведь это были первенцы новой казахской литературы, первая продукция казахского издательства.

Богачев несколько омрачил радость Сакена.

— Садуакас Сейфуллинович, вы крестный отец казахского издательского дела. Вы оказали нам большую помощь, находясь на посту комиссара народного просвещения. Думаю, что и теперь вы не откажете нам.

— Вы очень хитры, товарищ Богачев! Специально прихватили с собой эти книги, не так ли?

— Понимайте как знаете. Помните, недавно вы обратились через газеты «Енбекши казах» и «Степная правда» к казахским писателям и литераторам.

Многие уже пишут письма-заявки. Но мы испытываем производственные нужды. Не хватает мусульманских шрифтов, поэтому даже маленькие брошюры приходится несколько раз перебирать. Вы же собираетесь в Москву, решили бы заодно вопрос о получении шрифта из Казани и Уфы. Это раз. Во-вторых, нет у нас наборщиков-специалистов. В-третьих, нет денег для оборота. Работникам с трудом иногда выдаем аванс.

Есть среди них и такие, которые пугают, что уйдут.

— Архип Кузьмич, давайте начнем разговор с последнего. Сейчас из комиссариата финансов и копейки не выбьешь. Ведь конец года. Хотя вы и сдадите изданные вами книги в магазин «Знание», все равно сразу деньги не сможете получить, не правда ли? Давайте сделаем так: попробую выделить вам небольшую сумму по разверстке из средств на культурные мероприятия для каждой губернии. Только немедленно отправьте им книги. Договорились? Обещаю вам также, что с товарищами татарами и башкирами переговорю, а насчет наборщиков обсудим все по приезду.

В конце декабря Сакен выехал на Всероссийский X съезд Советов. Много у него вопросов, которые нужно решить в Москве. Особенно в финансовом комиссариате. Основная задача — добиться увеличения для Казахстана средств на новый год. Ведь из-за нехватки денег Сакен не мог пойти навстречу многим хорошим начинаниям.

В Москве шумно, торжественно. Москва как будто готовится к новым великим переменам.

Делегации с Украины, из Закавказья, Белоруссии с нетерпением ждут решения Всероссийского X съезда, потому что коммунистические партии национальных республик ставят перед Центральным Комитетом РКП (б) вопрос о государственном единстве трудящихся всех республик. Они привезли с собой решения съездов Советов своих республик об объединении на основе равноправия в Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

На X съезде, который открылся 23 декабря 1922 года, в повестку дня был включен вопрос об образовании СССР. Избрали делегацию на I съезд Советов СССР. В числе подписавших 30 декабря договор об образовании СССР был и Сакен Сейфуллин.

Съезд подвел итоги пятилетнего существования Советского государства. На основе принятых на съезде деклараций и договора об образовании СССР было решено разработать проект Конституции.

Избранный членом Исполнительного Комитета Союза ССР — высшего органа власти, руководящего всей деятельностью Советов между съездами, Сакен участвовал в работе первой после съезда сессии, в выборах Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Сессия Центрального Исполнительного Комитета РСФСР в связи с образованием в составе ЦИК СССР совета Национальностей приняла постановление о ликвидации самостоятельного народного комиссариата по делам национальностей.

В Оренбурге, как всегда, его ждали заботы, большие и малые. С созданием союзных учреждений неотложных дел заметно прибавилось. Приходилось в срочном порядке решать многие сложные вопросы. Но и несложные тоже требовали рассмотрения, а значит, и времени, и внимания Сакена.

В один из суматошных дней Сабыр Шарипов снова появился на пороге кабинета предсовнаркома. Опять протянул лист бумаги.

— А что это, Сабыр абзи?

— В прошлом году, чтобы лечить работников КирЦИК кумысом, купили несколько кобылиц. Сейчас без всякой надобности содержим двадцать четыре кобылицы с семнадцатью жеребятами. Думал отдать их в казахский поселок «Урнек», что в Баженовке.

— Вы советовались с Сейтеке?

— Он сказал, чтобы решил ты.

— Ойпырмай, ^[42] этот человек... — Сакен нехотя склонился над бумагой, написал в самом углу: «Разрешить отдать опытно-показательному казахскому поселку. Председатель Кирсовнаркома С. Сейфуллин. 2.1.23 г.». Вспомнил докладную Сабыра Шарипова об этих поселках. Хорошее начинание, пример для всех, подумал и взялся за перо. На чистом листе вывел крупно: «Казахский город», дважды подчеркнул. Сами собой написались строки: «Те, кто хочет, чтоб казахи встали в ряд народов с развитой культурой, должны скорее перейти к оседлой жизни, а не разговорами заниматься. Это исторически важное дело для быта казахского народа возглавил товарищ Сабыр Шарипов. Думается, что и в других краях Казахстана по примеру акмолинцев приступят к переводу казахской бедноты к оседлому образу жизни. Правительство Казахстана по силе возможности поможет в этом деле. Мы от души желаем, чтобы начатое хорошее дело увенчалось успехом!»

Закончил и отодвинул лист в сторону. Попозже надо будет передать Написанное в газету. Сейчас некогда — ждут другие, более спешные дела.

Именно в это горячее время на Сакена начали возводить хулу недруги. Они не могли придаться к Сейфуллину как предсовнаркому, здесь он был неуязвим. Зато чего проще очернить все его творчество поэта, драматурга, публициста.

В декабре 1922 года ташкентский журнал «Шолпан» поместил критическую статью на «Красных соколов». В этой революционной драме критиканы ничего путного не нашли. «Не заблуждайтесь, считая эту пьесу

казахской. Последняя часть, в которой автор старается показать жизнь казахов, фантазия Сейфуллина, а не жизнь казахов. О будущем этой книги могу сказать только одно, что она едва ли займет какое-либо место в казахской литературе. Коль так, зачем представляться красным соколом? И герои этой книги, показанные поверхностно, едва ли могут называться соколами...»

Эта критика нашла поддержку в некоторых кругах Оренбурга.

— Камня на камне не оставили! — с затаенным злорадством говорили одни.

— Это еще что! — веселились другие. — Настоящий кувардак^[43] увидите, когда заколем верблюда! «Красному соколу» так и надо!

Прочитав статью, Сакен огорчился. Хотя в этой критике было кое-что, над чем следовало подумать, недружелюбный тон ее глубоко его ранил. В самом деле, у кого не бывает недостатков? И сделай критик, пусть суровый, но беспристрастный разбор творчества Сакена — это было бы по справедливости, человечно, этично. Но он все малюет в един-единственный цвет — черный. И это обидно.

Первой мыслью Сакена было ответить критику. Но потом, подумав, он решил, что самому это делать неудобно. Может, найдутся другие критики, которые заступятся за него.

Через десять дней пришел первый номер журнала «Полярная звезда», издававшегося в Москве. Журналом заинтересовались все. В этом номере была помещена рецензия на сборник стихов Сакена — «Неукротимый скакун» — еще злее той, первой, в журнале «Шолпан». Под статьей стояла подпись — Назир Тюрекулов.

Тюрекулов, мог ли Сакен не знать его, бывшего председателя ЦИК Туркестанской республики, секретаря ЦК Компартии Туркестана, всеми уважаемого человека.

Тем более было читать несправедливые слова: «Ведь говорю же: революция идет своей дорогой; а Сакен своей. Даже не обернется». Это по поводу стихотворения «В день айта». А дальше еще хлестче: «От нижесреднего поэта нижесредняя польза». Не в зачет пошла даже «Марсельеза казахской молодежи». Из 69 стихотворений, составивших сборник, критик не нашел и единого, достойного внимания. Похоже, он не допускает саму возможность для Сакена создать что-либо стоящее. «Если бы узнали, что оренбургский казах по имени Сакен высказал ценное мнение, в тот же день Сакена привезли бы из Оренбурга и поместили в музей».

Следует ли удивляться после этого, что и пьеса «На пути к счастью»

не удостоилась ни единого доброго слова.

Сакен читал и не верил своим глазам. Неужто это ему советуют, «что бы он ни делал и о чем бы ни говорил — думать: что полезно для революции»? Как будто бы не об этом только все его помыслы.

Неужто это его книги, по мнению критика, не следует читать молодежи, ибо они вредят «истинному революционному воспитанию подрастающего поколения»? Словно не его «Марсельеза» стала любимой песнью строящей новую жизнь молодежи. Неужто и вправду предлагать его книги читателю — значит отбить у него охоту к чтению?

Сакен переставал понимать, что происходит. Может, полемический азарт завел критика так далеко, что он уже не разбирал, где друг, а где неприятель. Или кто-то тут поработал, подготовил соответствующим образом мнение о нем. У предсовнаркома немало тайных недоброжелателей — все еще не могут успокоиться те, кто некогда так ратовал за «Алаш-Орду». Порой казалось, что не рука Тюрекулова, а чья-то другая водила пером, из-под которого выходили все эти убийственные заключения.

На этот раз Сакену изменила его обычная выдержанность — как бы там ни было, он рвался в бой. Друзья с трудом удерживали его от опрометчивого шага.

— Оставь, Сакен! — говорили они. — Писать статью и пытаться таким образом обелить себя не дело. Ты написал книгу для того, чтобы ее читали, чтобы каждый мог высказать о ней свое мнение. Думаешь, что не найдется человек, который скажет свое справедливое слово? Не отчаивайся! Терпи!

И вот 2 февраля 1923 года газета «Енбекши казах» опубликовала доброжелательную рецензию на сакеновских «Красных соколов». Статья называлась «Первая ласточка». Автор ее Сака (псевдоним Арыстанбекова) писал:

«Октябрьская революция изменила политическую и духовную жизнь трудящихся казахов. Эти преобразования первыми почувствовала передовая часть общества, истинные сыны казахской бедноты. Они, сообразно новому течению, стали открывать новый путь в области литературы, высказывать новые мысли. Писатели, воспитанные на старых традициях, не могли идти в ногу с новыми политическими течениями и стали отставать, начали блуждать в потемках. Новое стало им непонятным, недоступным. Рожденный революцией новый путь — путь коллективизма...

Тех, которые стоят на новом пути, которые мыслят по-новому, пока

еще мало, но в конце концов они возьмут верх. Это закономерное явление в истории литературы, сама жизнь заставит старое сдаться. Это закон жизни.

Один из представителей нового поколения писателей, поэтов — Сакен Сейфуллин. Если внимательно приглядеться к последним стихам, пьесам Сейфуллина, то нетрудно заметить, что в них нет встречающегося в стихах старых писателей «бахвальства», «символизации себя», «приравнения себя к льву, тигру», «ветрогонства», «гамлетизма». Герои Сейфуллина не один человек, а целые коллективы.

Теперь, — продолжал рецензент, — поговорим о замечательной большой пьесе Сейфуллина «Красные соколы». Если подойти к разбору пьесы не с позиции однобокой критики, подобной той, что опубликована в журнале «Шолпан», а доброжелательно, то мы увидим следующее: эта пьеса рождена революцией трудящегося класса, ее герои — весь трудовой люд. Чтобы не видеть этого, надо быть слепым... Короче говоря, «Красные соколы» — это начало новой эпохи в казахской литературе... Конечно, нелегко бороться со старым. Для этого потребуется немало сил, энергии. Не следует забывать, что появление нового, наподобие «Красных соколов», на литературном фронте тесно связано с Октябрьской революцией...»

Ведь не зря говорят в народе — «хорошее веяние исходит от хорошего человека». У Сакена на душе посветлело — наконец-то его труд получил достойную, справедливую оценку.

Сейфуллин был одним из первых, кто поднял очень принципиальный вопрос — как следует называть его родной народ.

Почему казахов и по сию пору именуют киргизами? Конечно, казах казаха киргизом не назовет, но в официальном русском языке «киргиз» (вместо «казак») присутствует неукоснительно. А ведь это историческая ошибка, и пора ее исправить.

В поддержку Сакена, выступившего с большой статьей в «Енбекши казах», высказались и другие авторы.

Так, в «Степной правде» появилась статья Абдурахмана Айтиева. Она обрадовала Сакена, но и огорчила. Айтиев поддержал Сакена в вопросе о том, как называть казахов, и в то же время опровергал его другую статью — об Ахмете Байтурсынове. Дело в том, что, как вспоминал потом Сабит Муканов, некоторые из тех, кто еще разделял тогда националистические взгляды, позаботились о том, чтобы отметить юбилей Байтурсынова, и по этому поводу появился ряд статей. Байтурсынова представляли как вождя казахов. «Проявил некоторую слабость» и Сакен — напечатал лояльную статью о его дореволюционной просветительской деятельности.

Айтиев резко, хотя и не во всем справедливо, возражал Сакену. Айтиева поддержал Сабит Муканов. Характерно для Сакена: он не был согласен с Мукановым, однако опубликовал его статью в «Енбекши казах». Он вообще покровительствовал молодому Сабиту Муканову. Заметив его склонность к литературе, втягивал его в газетную работу.

Первые два месяца 1923 года прошли в спорах и дискуссиях. Разгоревшиеся страсти порождали потоки хвалебных и ругательных статей. И Сакен понемногу стал привыкать как к наскокам критики, так и к ее доброжелательному вниманию.

В один из таких дней в «Известиях» Киргизского областного комитета РКП (б) появилась рецензия Токтыбаева на сборник стихов Сакена «Неукротимый скакун». Сюда вошли стихотворения, написанные автором в промежутки между 1914 и 1922 годами.

Автор рецензии отмечал, что сборник не имеет «строго определенной устойчивой линии», и тут же оговаривался, что этого и нельзя было бы требовать от поэта. За короткий промежуток времени, писал он, казахский народ, как и его общественные деятели, пережил несколько этапов жизненных изменений. Перемены были настолько сильны, так изменили самый быт народа, что многим общественным деятелям пришлось пересмотреть свои взгляды. «Вот почему мы не можем строго критиковать общую линию произведений Сейфуллина», — резюмировал рецензент.

Рецензент находил ценность сборника в том, что, следя за мыслью поэта год от года, видишь, какие трудности приходилось поэту преодолевать. Видишь, как освобождался он от чуждых пролетариату влияний. Как от националистических и народнических идей шел к пролетарской идеологии.

Сакен идет своим собственным путем, замечал рецензент, путем непроторенным, и неудивительно, что порой он спотыкается.

Будем надеяться, заключал критик, что молодой поэт в дальнейшем исправит свои недочеты, проявит себя более основательным и устойчивым и дальнейшие его произведения станут настольной книгой пролетарской молодежи, вдохновляя ее к строительству новой жизни.

Рецензия была объективной и доброжелательной. У Сакена камень с души спал.

Впредь не буду, думал он, так близко принимать к сердцу все критические выступления, иначе не останется сил на работу. А дел-то полным-полно. Вот и весна не за горами. Кстати, пора кое-кому и напомнить об этом. Он вызвал к себе сотрудника газеты «Енбекши казах»

Шияпа Кожаметова.

Высокого роста молодой джигит записывает все, что говорит Сакен.

«Можно прожить без меда, мяса, кумыса, но без хлеба ни один человек не проживет». — Так начал Сакен свою очередную статью, которую назвал «Насущная задача сегодняшнего дня — увеличить посевные площади».

— Это нужно опубликовать в завтрашнем номере. Пока газета дойдет до аулов, глядишь, и сеять пора. А теперь начни с чистого листа!

Новая статья будет по мысли продолжением той первой. Ведь мало сформулировать задачу — надо еще внушить каждому, как важно научиться хозяйствовать. Объяснить, что экономика в конечном счете определяет все — и уровень культуры, в частности.

«Народ с отсталой культурой должен начать, прежде всего с налаживания своего хозяйственного быта.

Трудящиеся казахи, не изменив своего быта, не отказавшись от старого уклада жизни, не построив новый уклад хозяйствования, не могут встать в один ряд с развитыми народами. А что значит ведение хозяйства по-новому? Это значит — отречься от кочевого образа жизни, переходить к оседлости, заниматься земледелием. И самое главное — построить промышленные предприятия, фабрики и заводы. Вот что нужно казахской бедноте, трудящимся».

III конференция обкома РКП (б) открылась 17 марта. В ее работе принял участие представитель Центрального Комитета РКП (б) Е. Ярославский, который ознакомил присутствующих с международным положением. А когда перешел к вопросу о внутреннем положении, отметил, что представители национальных республик больше внимания стали уделять национальным моментам, чем классовой борьбе.

— Думаю, — сказал он, — конференция не посетует на меня за то, что я ознакомлю ее с некоторыми произведениями местных товарищей-киргизов, произведениями, которые характеризуют этот уклон. Передо мною стихотворение «Азия — Европа», написанное местным товарищем...

Конечно, с поэтов не всегда спросишь то, что с политиков. Но вот как преломляется в голове киргизского поэта борьба классов. — Сакен едва верил, что речь идет о нем... Между тем Е. Ярославский заключил: — Это не борьба классов, а борьба национальностей. С одной стороны — погрязшая в несправедливости, продажности Европа, а с другой стороны — чистая Азия, которая послала Моисея и других пророков. Здесь совершенно немарксистский подход. Еще один пример. «Новый путь для молодежи» — брошюра товарища С. Садуакасова — совершенно

немарксистская брошюра...

Сакен знал, что на этой конференции правые, поддерживавшие Садвакасова, получат достойный отпор. Он никак не предполагал, что в числе их окажется и сам.

Как ни тяжело было Сакену, а нельзя ни на минуту забывать о своих служебных обязанностях. Вокруг живые люди, они идут к нему со своими нуждами. И в перерыве между заседаниями он пишет статью о тяжелом положении, в которое попали рабочие Экибастузского завода из-за нерадивости некоторых руководящих товарищей. Заботится о том, чтоб была у них теплая одежда, чтобы были бани и школы.

Надо работать. Надо бороться. И не нужно думать, что новое придет само, что старое исчезнет без борьбы. Нет, нельзя распускать нервы.

В середине апреля в Москве начал свою работу XII съезд партии, который рассмотрел вопросы сельского хозяйства, промышленности и налогов. На съезде особое внимание уделялось ленинской национальной политике. И были намечены основные ее направления.

XII съезд выдвинул три основные задачи, которые должны были способствовать полному торжеству национального равноправия в Советском Союзе.

«Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии.

...Борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей, борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии...

Борьба с националистическими пережитками и прежде всего с шовинистическими формами этих пережитков является третьей очередной задачей нашей партии».

Претворение в жизнь великих задач XII съезда Совет Народных Комиссаров, возглавляемый Сакеном, начал с производственно-хозяйственной отрасли.

«Для достижения уровня других народов у казахской бедноты есть два верных пути, — писал в это время Сакен, — первый — это учеба, второй — развитие промышленного производства». Он призывал восстанавливать разрушенные производственные предприятия, предлагал открыть фабрику по производству тканей. Для строительства этой фабрики, указывал он, потребуется один миллион рублей золотом. «Половину этой суммы может найти правительство Казахстана, а остальная часть должна вноситься пайщиками-компаньонами. Верно говорят: «С миру по нитке, голому

рубаха». Если возьмется вся общественность, то, несомненно, любое дело выполнимо».

Сакен не устал доказывать также, что для развития земледелия необходима оседлость и, следовательно, строительство поселков и городов. Одним только животноводством, убеждал он, нельзя достичь заветной цели. «Если трудящиеся казахи не будут заниматься земледелием, не будут объединяться, будут жить так, как жили раньше, они никогда не сравняются с другими народами».

Опираясь на решения XII съезда партии, Сакен прилагал все усилия, чтобы улучшить и культурно-просветительную работу, привлечь широкие массы трудящихся к государственным делам, подготовить стойкие кадры.

Сакена давно увлекал вопрос, который в разное время затрагивался высшими органами республики, но все еще не находил своего решения, — это вопрос о превращении казахского языка в государственный язык.

Сакен хорошо понимал, что такому политически важному шагу должна предшествовать длительная подготовительная работа.

И в то же время стало ясно, что нельзя этот вопрос все время откладывать.

9 июня 1923 года Сакен послал в газету статью, где писал, что «ведение делопроизводства на казахском языке нужно начать с аулов, волостей, районов. Для организации ведения делопроизводства на казахском языке в волостных исполкомах, в уездах необходимо открыть курсы по подготовке кадров. Все документы в городские учреждения из аулов, районов должны поступать, написанные на казахском языке. Надо отречься от разговоров о том, что в городских учреждениях нет людей, владеющих казахским языком. Городские учреждения обязаны установить контроль за письмами на казахском языке. Есть закон о том, что все языки должны быть равны».

Далее он писал: «Ведение делопроизводства на казахском языке не может быть осуществлено одним человеком, это дело всех и должно осуществляться сообща, общими усилиями. Каждый гражданин, который хочет, чтобы трудовой люд Казахстана достиг уровня других народов, чтобы сам мог взять бразды правления в свои руки, должен прилагать к этому все усилия. Ждем, что скажут и что предпримут по этому поводу местные учреждения».

Через день после выступления газеты Сакен говорил с трибуны президиума КирЦИК.

— Мы все ясно понимаем, что вопрос о превращении казахского языка в государственный язык — вопрос политической важности. Во время

проведения совещаний с местными работниками я высказал мысль о создании специальной комиссии при КирЦИК. Будет уместным одновременно решать этот вопрос и сверху и снизу. Поэтому необходимо создать специальную комиссию из представителей КирЦИК и обкома, народных комиссариатов просвещения, финансов и внутренних дел. Так как признание языка каждой нации государственным языком решается в масштабе всей федерации, надо потребовать средства из государственного фонда, необходимо также выделять средства из краевых и местных бюджетов. Только тогда мы будем иметь возможность открыть курсы по подготовке кадров. Без средств это дело ни на шаг не продвинется.

Пришла телеграмма, вызывающая на вторую сессию Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета. До отъезда Сакен успел опубликовать вторую статью, где писал, что «правительство Казахстана приступает к осуществлению ведения делопроизводства на казахском языке в тех районах Казахстана, где большинство населения составляют казахи, а именно, в степных волостях — волостных исполкомах, аульных исполкомах, районных судах и учреждениях милиции...»

Декрет о введении в учреждениях делопроизводства на казахском языке был принят на заседании КирЦИК 22 ноября 1923 года.

Газета «Советская степь» попросила Сакена Сейфуллина написать специальную статью «О казахском языке».

Сакен сделал это с удовольствием — осуществлялась давняя его мечта. Он писал о том, что решения XII съезда по национальному вопросу — «акт исключительной важности, небывалый в истории политики прежних и теперешних правительств всех стран мира», что основанное на этих решениях постановление КирЦИК о ведении делопроизводства на казахском языке сочувственно принято казахским крестьянством и казахской интеллигенцией, о чем свидетельствовали постановления волостных, уездных и губернских съездов Советов. Призывал русских учить казахский язык:

«Некоторые товарищи думают, что изучить киргизский язык очень трудно. На самом деле знать киргизский язык очень легко, выгодно для всех тех, кто живет в России.

Киргизский язык является чистым коренным, богатым языком тюркских племен. Хорошо зная киргизский язык, человек может объясниться с татарами, башкирами, узбеками, турками и прочими тюркскими народностями».

Сакен участвовал в работе II сессии ВЦИК, разрабатывавшей проект и

текст Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Ему было поручено КирЦИК «разрешение в Центре различного рода очередных вопросов, касающихся Казахстана». Поэтому он вынужден был на несколько дней задержаться в Москве.

Много пользы принес Сакену обмен мнениями с делегациями Украины, Азербайджана, Татарии. И в частности, с Нариманом Наримановым. Каждая республика накапливала свой определенный опыт строительства новой жизни. Этот опыт мог оказаться пригодным и для других.

Когда Сакен вернулся в Оренбург, здесь шла подготовка к III сессии КирЦИК. В связи с тем, что Мендешев еще не вернулся из Москвы, основными докладчиками утвердили Сакена и заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Журавского. Когда сессия начала свою работу, члены КирЦИК, прибывшие из губерний, потребовали, чтобы был сделан доклад о работе II сессии ВЦИК. Поэтому первым слово предоставили Сакену.

Он начал свою речь с рассказа о создании Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета. Затем перешел ко II сессии ВЦИК — сессии, которая приняла и утвердила Конституцию. Он сказал, что Конституция — основной закон Союза Советских Социалистических Республик и что этот Союз есть союз братства, равенства и добровольного сотрудничества народов.

Он остановился на работе Совета Союза и Совета Национальностей и закончил свое выступление такими словами: «...На пороге Европы и Азии создан Союз Советских Социалистических Республик. Это залог и основа будущего мирового союза, братства и равенства всех народов всего мира. История человечества выдвинула руководителем этого братского союза нашего уважаемого учителя тов. Ленина».

6 августа 1923 года Сакен сделал доклад о работе президиума КирЦИК. Остановился на современном положении республики. Особенно подробно он разбирал насущные хозяйственные вопросы, обратив внимание на споры по созданию краевого бюджета, подготовке казахских кадров, делопроизводству на казахском языке.

Нелегко было Сакену совмещать обязанности государственного деятеля, руководителя правительства, и редактора газеты. Но Сакен никогда не забывал, что он еще и поэт.

И часто его тревожила назойливая мысль: если заниматься только политическими и административными делами, то для творчества не

остается ни сил, ни времени; но если отдаться полностью творчеству, то пострадают неотложные дела по строительству новой жизни... И наверняка, настанет такой момент, когда ему придется выбрать что-то одно. А вот что?

У Сакена был деятельный характер сангвиника. Занимая ответственный пост предсовнаркома, он считал, что ни один вопрос в жизни республики не должен его миновать. И не случайно его имя называют одним из первых среди организаторов многих дел. Воздушного флота Казахстана, в частности. Только вчера пришел к нему на прием представитель общества по организации краевого воздушного флота. По мнению представителя, если иметь 30 тысяч рублей, то аэроплан можно приобрести. Даже выбрали место для аэроплана — на пустыре, что на окраине Оренбурга. А уже сегодня Сакен сел писать статью «Нам необходимо летать». «В Казахстане нет железной дороги, пустыня, Голодная степь, нет парохода, нет хороших дорог для автомобилей. И по этой причине самым выгодным и дешевым видом транспорта является аэроплан. Нетрудно приобрести аэроплан. Только требуется помощь народа. Если народ будет собирать и сдавать деньги в соответствующие государственные учреждения, то можно будет купить аэропланы. Гражданский долг каждого — не только прочесть эти слова, а подумать и немедленно включиться в претворение в жизнь такого общенародного дела. Стремление осуществить это дело явится стремлением к культуре».

«Аэроплан — это крылья нашего трудолюбивого молодого поколения», — увлеченно писал Сакен.

Он сам еще принадлежал к этому поколению. Ему не было еще и тридцати лет. Но он находил общий язык и с теми, кто был моложе.

Сколько моральных неприятностей принесла ему статья Назира Тюрекулова. И вот теперь группа студентов Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве по собственной инициативе выступила против Назира Тюрекулова со статьей, в которой резко осуждала его метод ведения литературной полемики.

«В чем суть утверждения, что книга «Неукротимый скакун» не должна быть предложена подрастающему поколению? — с полным правом спрашивали представители этого поколения... — Нельзя мириться с превращением критики в оружие осмеяния, издевательства. Литературные произведения надлежит рассматривать с революционной точки зрения, с позиции интересов трудящегося народа. Только так должны высказывать свои мнения писатели». По заслугам получил рецензент из «Полярной звезды» и в статье Сабита Муканова — «Критика на критику», опубликованной на страницах журнала «Кызыл Казахстан».

Сакен уже привык, что творчество его вызывает столь горячие споры. К тому же он чувствовал: теперь у него есть свой читатель, и на душе становилось спокойнее. Сакен верил в его вкус и его дружелюбие. Пожалуй, настало время поделиться с ним своими мыслями об этом нашумевшем сборнике «Неукротимый скакун»...

Ушли в прошлое грозные события казахского национально-освободительного движения 1916 года. Стали историей Октябрьская социалистическая революция и гражданская война. Теперь многие взялись за перо, чтобы поведать об этих славных страницах истории казахского народа. Но нашлись и такие, кто извращал подлинные факты. Некоторые делали это неумышленно, не проверив источников, другие — намеренно. Последние вообще смазывали значение Октябрьской революции для казахов, утверждая, что «казахи к Октябрьской революции примкнули на полпути, эта революция не была для нас необходимостью». Они оплакивали прошлое.

Сакен считал своим долгом положить конец всем этим превратным толкованиям.

Нельзя медлить, некогда дожидаться, когда время отсортирует факты, нужно сейчас же садиться за историю казахов — прежде всего за период, что непосредственно предшествовал Октябрю и бурным его дням.

Его несколько затруднял выбор жанра. Поразмыслив, он в конце концов остановился на мемуарах. Но как только начал писать, понял, что у него не хватает материала. Одних только личных воспоминаний и собственных переживаний недостаточно.

И Сакен отложил работу. Прежде всего нужно было собрать факты. Ему удалось добыть почти все номера газет и журналов, выходивших в эти годы. Он жадно выпрашивал таких людей, как Сейткали Мендешев, Алиби Джангильдин и других. В командировках по аулам незаметно для других записывал все события, сохранившиеся в памяти народа.

Материала набралось горы. Но как трудно было установить достоверность собранных фактов. Ведь многое он знал со слов. И Сакен ведет подлинно источниковедческую работу. С семи вечера до двенадцати-часа ночи не гаснет лампа на его письменном столе.

Начиная с 19-го номера в журнале «Кызыл Казахстан» за 1923 год печатаются мемуары Сакена «Тернистый путь». Теперь среди некоторых литераторов Оренбурга, Ташкента начались толки о том, что «Сакен ведь хороший поэт, ему не к лицу заниматься прозой». Вскоре выяснилась и цель этого слуха. Иногда и похвала служит черному делу. Ведь Сакен

разоблачал в своих мемуарах некоторых крикунов, доказывая, что они к революции не имеют никакого отношения.

И конечно, не обошлось без нападок. Недруги Сакена придрались к его стихотворному поздравлению, адресованному журналу «Жас казах».

Сакен писал:

*Твоим кораном станет Маркс и Ленин,
Растущее младое поколение.*

Некий Ж. С. в газете «Лениншил жас» («Ленинская молодежь») юродствовал: «Если коран вам дорог, то нам он не дорог. Вы сравниваете слова Маркса и Ленина с кораном» Но Ж. С. просчитался. Достойный отпор дали ему учащиеся рабфака во главе с Габитом Мусреповым.

«Если сам блуждаешь, то не заблуждай других! Если хочешь критиковать слова Сакена, то критикуй по законам литературы, с точки зрения коммунизма. Газета тебе не игрушка. Газета — зеркало трудового люда. Если не нашлись у тебя хорошие слова, то не оскверняй зеленой мутью страницы «Лениншил жас».

Молодежь поддержала газета «Енбекши казах» и, в свою очередь, сказала свое весомое слово.

Приближались выборы в Советы Казахстана. И Сакен готовился к длительной поездке в Уральскую губернию.

Остановка была за транспортом. На лошади — уйдет уйма времени. А автомобиля председатель Совнаркома не имел. Сакен решил, что Совнаркому нужно приобрести хоть одну машину. Едва-едва наскребли денег и купили.

И вот Сакен мчится по степи. Автомобиль обгоняет мысли, только задумаешься об увиденном, уже набегают иные картины. Время от времени встречаются на пути проезжие — казахи на скрипучих старых деревянных арбах. Автомобиль гудит. Бедные проезжие в растерянности отводят в сторону своих волов и долго глядят вслед автомобилю.

Заночевал в казахском ауле. Казахи сбежались посмотреть на диво, они никогда не видели автомобиля. Щупают, гладят. И так на каждой ночевке, в каждом ауле, встретившемся на пути.

14 октября приехал в Уральск. Едва расположился в гостинице, сразу же сел за стол. Стихи-размышления «Автомобиль» родились еще в пути.

В Уральске ждали председателя Совнаркома. Тут же появились

журналисты, и на завтра в газетах «Кызыл ту» («Красное знамя») и «Красный Урал» появилось интервью. Заголовок — «Мысли С. Сейфуллина о развитии казахского народа», и ниже его слова: «Для того чтобы отсталый киргизский трудовой народ действительно пользовался благами свободы в настоящем и нога в ногу шел с русским пролетариатом и трудовым крестьянством по пути к общему счастью человечества в будущем, нужно скорее подняться киргизскому трудовому народу до культурного уровня русских трудящихся. А для этого необходимо сделать кочевников оседлыми, укрепить и усовершенствовать ведение скотоводческо-земледельческого хозяйства, развивать просвещение и кооперацию».

Эти мысли он уже не раз высказывал на страницах газет и журналов. Но чтобы они претворились в жизнь, видимо, необходимо было повторять их снова и снова.

Сакен выехал в Жымпиты — самый отдаленный и сплошь заселенный казахами уезд Уральской губернии. Там предстояло провести уездный съезд, а заодно и самому поглядеть, насколько укрепилась Советская власть в этом далеком крае.

Жымпиты были некогда столицей западных алашординцев, и, несмотря на их удаленность от культурных центров, здесь было много образованных людей. Втайне Сакен надеялся, что именно здесь он раздобудет уникальные материалы для своей книги «Тернистый путь».

Нерадостное впечатление оставило посещение Жымпитынского уезда.

Жымпиты — очень маленький городок, бедный. Нет в нем ни школ, нет и театров. И всего-навсего единственный клуб. Зато есть мечеть и церковь. А вот грамотных людей в уезде Жымпиты больше, чем во всей Уральской губернии. Но эти грамотеи, оказывается, казахских газет и журналов не читают. А простой люд здесь забитый, темный и более отсталый, чем на других окраинах Казахстана.

Оставалось возлагать надежды на будущее. А оно уже давало о себе знать.

Именно об этом и говорил Сакен на Жымпитынском уездном съезде Советов.

— Хотя тяжелое прошлое навлекает на грустные мысли, вот уже несколько дней я наблюдаю, как трудовой люд Жымпиты повернулся лицом к Советской власти и с доверием стал относиться к новому. Я вижу все это и радуюсь. В том, что собрание уездного Совета прошло по-деловому, безо всяких распрей, выбрано новое руководство, я вижу стремление молодежи к культуре, к знаниям. Я слышал их прекрасные песни и кюи, я знаю, что

увеличилось число людей, выписывающих газету «Енбекши казах», а в учреждениях делопроизводство теперь ведется на казахском языке. Все это первые ласточки великих преобразований, дорогие мои братья. И я от всей души желаю вам новых больших успехов! Вчера, взобравшись на развалины дома около базара, я осмотрел окрестности города и подумал, что Жымпиты в недалеком будущем станут одним из прекраснейших городов Казахстана, а Жымпитынский уезд превратится в один из цветущих уголков нашей необъятной Родины!

Постепенно рассеялись невеселые мысли, и в Уральск Сакен вернулся полный уверенности, что будущее его народа прекрасно. Наверное, эта уверенность и подсказала ему тему нового стихотворения, первого на казахском языке стихотворения о великом вожде.

Ленин!

Он поднял лежавших в пыли.

Имя его — святыня нашего времени.

Ленин — величайший провидец земли.

Опора всех угнетенных — в Ленине.

Ленин — свобода, если ты батрак,

Ленин — бой: за равенство бой священен.

Ленин — знамя великих атак.

Твердая политика и мудрость — Ленин.

В январе 1924 года открылся IV съезд Советов Казахской АССР. Самым памятным событием первого дня было вручение съезду Красного знамени рабочими делегатами, прибывшими с Уральско-Эмбинского нефтепромысла.

С ответным словом выступил Сакен Сейфуллин:

— Товарищи, по поручению президиума съезда я выражаю благодарность представителям рабочего класса нашей Уральской губернии. Это скромный и в то же время очень дорогой дар четвертому Всекиргизскому съезду Советов, он дорог тем, что такой дар — Красное знамя — Киргизский краевой съезд от своего малочисленного пролетариата получает впервые. Главная цель создания автономной республики в России заключалась в том, чтобы все угнетенные трудовые народы во главе со своим малочисленным пролетариатом разрешали свои основные задачи. Это у нас осуществляется постепенно. Четвертый Всекиргизский съезд Советов — первый съезд, на котором так ярко ощущается голос

пролетариата.

Сидящие в зале бурно аплодировали и дружно скандировали: «Да здравствует пролетариат!», «Да здравствует казахский пролетариат!»

После съезда руководители республики выехали на II Всесоюзный съезд Советов.

Троцкисты навязали дискуссию, стремясь создать фракции внутри партии, подорвать ее единство.

Итоги дискуссии подвела XIII партийная конференция, состоявшаяся 16–18 января 1924 года. Конференция наголову разбила троцкистов. Прибывший на II съезд Советов Сакен Сейфуллин участвовал в работе XIII конференции.

Считанные дни остались до открытия съезда Советов. В Москве трещал жуткий мороз, такой и в казахских степях в редкость. И все же Сакен бродил по столице, не уставая восхищаться ее уютом, ее дворцами, музеями, театрами.

Тревожила болезнь Ленина. Но все надеялись, что он выздоровеет, вернется к работе.

И вдруг известие — в состоянии Ильича произошли резкие перемены к худшему.

А вечером 21 января Сакен узнал, что Ленин умер...

Сакен не находит себе места в просторном номере гостиницы, ходит, покачиваясь взад-вперед. Казалось, небо упало на Землю! Как нам быть теперь? Хотя и есть решение конференции, разве успокоятся эти оголтелые троцкисты?! Разве не попытаются они воспользоваться этой неожиданной трагедией народа?! Ух, беспощадный мир, беспощадная смерть, ведь умеешь же выбирать себе жертву, проклятье тебе, смерть! И когда ты только насытишься!

Уже перевалило за полночь. Сакен устало опустился на стул. Невысказанное, невыплаканное горе давит, душит, путает мысли. И он уже не может сидеть, не может молчать.

Хочется кричать. Стихи родились из крика.

*Сегодня скорби пробил час,
Сегодня скорбь пронзила нас,
Сегодня алые знамена
Склонил, скорбя, рабочий класс.*

Сегодня, хмурым зимним днем,

*Об Ильиче мы слезы льем,
Его заветы вспоминая,
Народ прощается с вождем.*

*Ильич к борьбе призвал народ,
На сто веков глядел вперед,
И путь, который указал он,
К счастливой жизни нас ведет.*

*Отметим горечь этих дней,
Сплотив ряды еще тесней
Вокруг знамен непобедимых
Великой партии своей!*

В далеком от Москвы Оренбурге утром 22 января собрался КирЦИК. Траурное заседание было коротким.

«Президиум КирЦИК с глубоким прискорбием извещает о смерти любимого вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, который всю свою жизнь посвятил борьбе за освобождение и раскрепощение угнетенных и неполноправных национальностей от вековых цепей капиталистического рабства и эксплуатации человека человеком и заложившего фундамент Союза ССР на основе товарищеского сотрудничества всех трудящихся.

Президиум КирЦИК постановил:

1. Для участия в похоронах В. И. Ленина командировать в г. Москву 5 человек представителей КАССР — 2 киргизов, 1 от военного ведомства, 1 от рабочих и 1 от крестьян.

2. Объявить дни 23, 24, 25, 26 и 27 января с. г. траурными. Все увеселительные учреждения: театры, кинематографы, цирки, рестораны и пивные должны быть закрыты.

3. Аналогичный порядок траурных дней сообщить всем губисполкомам».

Это постановление было опубликовано в газетах.

Мороз. Костры на площадях. И нескончаемые вереницы молчаливых, плачущих людей на улицах.

От Павелецкого вокзала вслед за гробом Ленина идут и делегаты

съезда Советов.

Идет Сакен. Идет и повторяет, повторяет без конца:

*В рабочем классе скорбь и стон,
Но, до зубов вооружен,
Шагает с траурной повязкой
Он впереди людских колонн.
В своей печали он суров
И до конца разбить готов,
Борясь за дело ленинизма,
Любые происки врагов.*

То ли это конец того, вчерашнего, стихотворения или это новые стихи, рожденные скорбью?

Колонный зал Дома союзов в трауре. Печальная, хватающая за душу музыка. Шаркают тысячи подошв.

В тиши то здесь, то там прорываются рыдания.

Сакен стоит в почетном карауле у гроба вождя. И ничего не видит. Слезы, беззвучные слезы застилают свет, людей.

Сегодня никто не стесняется слез...

Сакен отошел от гроба с таким чувством, словно и постарел на десять лет, и возмужал в горе. Еще раз прочитал обращение ЦК РКП (б). Оно теперь у него в сердце.

«Умер человек, который основал нашу стальную партию...
Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетарита, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России. Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии.

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего.

Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка.

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов...»

Эти строки побудили Сакена написать статью «Ленин и пробуждающийся Восток».

«Ленин — дорог для всех народов Востока. В их глазах Ленин — гений из гениев, дальновидный провидец, исключительный герой.

Товарищ Ленин, рожденный на голову выше всех провидцев, всех гениев в истории человечества, Ленин — предводитель трудящегося класса, всего мира. Весь мир знает о том, что Ленин был и есть Красное знамя борьбы за свободу, за счастье всего трудящегося класса, все наши победы на любых фронтах сражений связаны с его именем. Нет во всем Востоке, в бескрайней Сахаре ни одного дома, ни одной лачуги, в которой не знали бы имя Ленина. Глубоко скорбят эти дома и лачуги, услышав страшную весть: «Любимый предводитель ушел из жизни...»

Сердце мое разрывается от бесконечной боли, от скорби, великий учитель, преклоняюсь перед твоим безжизненным телом, поклон мой тебе!» — так закончил Сакен свою статью, предназначенную для «Известий».

Сакен вернулся в Оренбург. Долго не мог он прийти в себя после великого горя. Чтобы рассеять тяжелые думы, написал стихотворение «Красная звезда», посвященное вступлению в ряды партии в дни ленинского призыва своего товарища по Омской семинарии Таутана Арыстанбекова.

Связав свою судьбу с просвещением, Сакен никогда не переставал думать об улучшении культурно-просветительной работы. Даже в обыденных статьях, связанных с хозяйственными вопросами, он находил повод высказать свои мысли относительно роли просвещения в жизни народа.

«Учись, открой глаза, избавляйся от безграмотности». «Если делом, силой, языком — всеми доступными средствами не будешь способствовать улучшению просвещения, то подрастающее поколение будет проклинать тебя».

Сакену было чуждо мнение, что вот эти знания хороши, а вот эти плохи. Все радовало Сакена: и учитель, без усталости воспитывающий детей; и ветеринар, борющийся с болезнями животных; и милиционер, блюдуший порядок; и наборщик, набирающий рукопись; и солдат, обучающийся защищать свою Родину; и счетовод, осваивающий тонкости учета государственного и народного добра; и ребенок, который пытается, но еще никак не может научиться правильно держать карандаш.

Сакен всегда готов был как поэт — воспевать прекрасную жизнь, как руководитель — приказывать для пользы дела, как журналист — поднимать жизненно важные проблемы.

На заседании президиума КирЦИК от 6 марта 1924 года обсуждалась работа комиссии по введению в учреждениях делопроизводства на

казахском языке. А. Джангельдин, Н. Нурмаков, Ж. Садуакасов, С. Сейфуллин отметили, что декрет, принятый еще в 1923 году, выполняется неудовлетворительно. Сейткали Мендешев. Коростелев. Авдеев высказались на этот счет уклончиво, а Мухтар Саматов стал утверждать, что казахский язык нужно и возможно применять только на местах.

КирЦИК вынужден был принять повторное решение. Сакен направил всем председателям губернских и уездных исполкомов «Открытое письмо». Резкое письмо со справедливыми упреками в адрес местных работников, опасющихся, что, ратуя за казахский язык, они могут прослыть «националистами». Сакен, разоблачая эту демагогию, еще раз напоминал о необходимости вводить казахский язык в делопроизводство и не только сверху вниз, а прежде всего — снизу вверх.

Для того чтобы скорее обучить казахский народ грамоте, нужно было упростить арабский алфавит, сделать его доступным для масс.

Естественно, возникла мысль о том, что реформа алфавита — дело неотложное. Именно об этом и говорили казахские ученые на своем первом съезде.

Сакен выступил с конкретными предложениями, которые потом легли в основу постановления КирЦИК.

К лету 1924 года между руководителями Казахской республики возникли разногласия, которые, конечно же, мешали их плодотворной работе. Мендешев и Коростелев уже меньше прислушивались к мнению Сакена. Уехал в Москву Абдулла Асылбеков, Шарипов ушел в «Эмбанефть», Жанайдара на посту секретаря сменил Ураз Исаев.

30 сентября КирЦИК рассматривал вопрос о включении в Казахстан Сырдарьинской и Семиреченской областей.

В тот же вечер корреспондент газеты «Степная правда» взял у Сакена интервью в связи с четырехлетием Казахской республики.

«Четыре года тому назад, — отметил Сакен, — перед нами во весь рост стоял вопрос о киргизских работниках. Чувствовалась неподготовленность к управлению тех молодых работников, которые были призваны к созданию молодой республики. За это время научились работать как в масштабе уездов, так и губерний.

В киргизские степи политическое сознание до сих пор еще глубоко не проникло. Тот промышленный киргизский пролетариат, который был в Восточной Киргизии, разошелся по степям. Отсутствие классового сознания объясняется еще и родственными связями. Они еще очень сильны.

При кочевом образе жизни привить культуру трудно, и наша первая задача — это землеустройство, научить ведению хозяйства и улучшить его. Пока в этой области за отсутствием средств успехи невелики, хотя стремление к оседлости можно считать поголовным.

В деле введения в работу советских органов киргизского языка сделано очень много. Можно сказать, что почти во всех волостях уже пишут на киргизском языке...»

К своему пятилетию Киргизская социалистическая республика подошла окрепшей как экономически, так и политически.

Но новые задачи индустриализации, повышения эффективности сельского хозяйства решали уже новые руководители республики.

Вместо Коростелева секретарем обкома стал Ненайшвили, вместо Мендешева председателем президиума КирЦИК был избран Мынбай Жалауов. Пост председателя СНК занял Ныгымет Нурмаков. Смагула Садвакасова назначили народным комиссаром просвещения и редактором газеты «Енбекши казах». Таким образом, основной и решающий руководящий состав целиком был переизбран.

Перед Сакеном открывались новые возможности для усиленной творческой работы. Уезжая на XI съезд Советов, Сейфуллин предупредил новое руководство республики, что хочет поступить в Социалистическую академию, дабы пополнить свое образование и потом всецело сосредоточиться на чисто литературной работе.

В Москве Сакен сразу же вошел в круг ведущих советских писателей и попытался разобраться в тех направлениях и организационных принципах, которые бытовали среди них.

Чем отличается, например, организация «Кузница» от РАПП, какие организационные формы наиболее приемлемы для молодой, только что встающей на ноги казахской литературы?

Сакен встречается с Владимиром Кирилловым, высоко ценившим дарование Сейфуллина. Кириллов был ответственным секретарем «Кузницы» и, естественно, стремился обратить Сакена в свою «веру».

Но Сакен был осмотрителен. Разговор между ними походил на обмен взаимными колкостями.

— Владимир Тимофеевич, как говорится в этих строчках:

Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,

Разрушим музеи, растопчем искусства цветы, —

все еще продолжаете рушить или уже начал глотать вас червь сомнения?

— Сакен Сейфуллинович, не стоит придирааться. Чего не наговорит поэт, когда трясет лихоманка вдохновения! Что там я, даже твой друг Владимир Маяковский подарил мне «Мистерию-буфф» с таким автографом: «Товарищу по борьбе с Рафаэлями». Всему свое время. А время было интересным, Сакен.

— Владимир Тимофеевич, я ведь пошутил. А если серьезно, то у меня куча вопросов к вам. У нас в Казахстане, как вам известно, еще не создана организация писателей. Вот и хотел бы ознакомиться с вашим уставом и программой.

Кириллов великодушно подарил Сакену экземпляры устава и программы «Кузницы», выразив при этом надежду, что и в национальной республике теперь будет еще одно отделение этой ассоциации.

От Кириллова Сакен зашел к Селивановскому, одному из руководителей РАПП. И объяснил суть дела. Тот, в свою очередь, протянул Сакену отпечатанный типографским способом устав и платформу РАПП.

— Это мы утвердили в январе, на совещании при участии Анатолия Васильевича Луначарского. Могут быть изменения, но пока пользуйтесь. Хорошее начинание, и в других республиках создаются организации писателей. Удачи вам, — пожелал Селивановский.

А в доме старого друга Феоктиста Березовского Сакен узнал, что Центральный Комитет РКП (б) создал комиссию во главе с Фрунзе.

Основная ее цель — определить конкретную политику партии в области художественной литературы. Оказывается, все литературные группы и организации Москвы, которых было слишком много, высказались за то, чтобы как-то привести в систему писательские организации.

— Система системой, а представители различных групп напропалую расхваливают свои творческие платформы и поносят соседей. — Завидев Сакена, Федор Гладков неожиданно спросил: — А как у вас в республике?

— Наши поэты и писатели все еще не могут выбраться из пеленок, — ответил Сакен. — В этом году и мы, наверное, создадим свою организацию. Наше положение яснее, чем ваше: у нас есть еще такие литераторы, которые открыто выступают против революции. И здесь предстоит идейная борьба, она сплотит истинно революционных писателей.

— А какие-нибудь организации есть?

— Пока нет. По приезде, видимо, возьмемся.

— От разрозненных групп толку не будет. Лучше бороться организованно, — заключил свою мысль Гладков.

Перед выездом Сакен сходил в РОСТА, чтобы увидаться с

Маяковским. Но тот оказался в командировке.

По дороге домой, в новую столицу Кзыл-Орду, Сакен вспомнил, что он давным-давно не писал стихов. И что ему уже не терпится вот тут, сейчас же, в поезде, сесть за поэму. И название есть — «Мать сыра земля».

*О, если бы мир весь с нами
Под Красное встал знамя
И власть Советскую признал своей,
О, если б все народы
Под знаменем свободы
Трудились бы для счастья людей.*

Поезд добирался до Кзыл-Орды долго, и все же поэму кончил уже дома.

*Я землю обнимаю —
Теперь я понимаю,
Как мне она, родная, дорога!
Земля — моя отрада,
Мне ничего не надо —
Была б она цветущею всегда.*

*О вы, цветы и травы,
В одном всегда вы правы, —
Что надо вас лелеять и любить.
Средь вас любое сердце
Сумеет загореться
И песню вдохновенную сложить.*

ПОТОК СКАЗАНИЙ

7 апреля 1925 года краевой партийный комитет принял постановление: «Учитывая просьбу товарища Сейфуллина о предоставлении ему возможности заниматься литературно-творческим трудом, назначить его председателем научной комиссии при комиссариате просвещения».

Сакен после возвращения из Москвы приступил к своим новым обязанностям.

12 июня секретариат краевого комитета РКП (б) принял решение о создании ассоциации казахских пролетарских писателей (КазАПП). Было создано организационное бюро в составе Сакена Сейфуллина, Николая Феоктистова, Беимбета Майлина, Абдрахмана Байдильдина. Этому бюро были вменены в обязанность «организация пролетарских писателей Казахстана, ведение пропагандистской работы и созыв Всеказахстанской конференции пролетарских писателей».

Оказалось, что создать писательскую организацию Казахстана не такое простое дело. Даже среди членов организационного бюро нет единства во мнении. Хотя все сходится на одном — создать необходимо.

Сакен давно задумывался над названием организации — ведь оно как знамя. И поделился своими соображениями с членами бюро.

— Мне кажется, что нам не очень подходит название «ассоциация пролетарских писателей». У нас ведь немногие писатели выходцы из пролетарских слоев. По-моему, членами нашего объединения должны быть все писатели, кто защищает интересы казахской бедноты, то есть выходцы из различных бедняцких кругов населения. Поэтому я предлагаю назвать нашу организацию — ассоциацией «пролетарских, крестьянских писателей». Может, более общо — «Организацией революционных писателей». Если договоримся о названии, сразу нужно решить вопрос и о платформе нашей организации. В Москве я познакомился с работами РАПП и «Кузницы».

— Думаю что нужно принять платформу РАПП. Перевести на казахский язык те документы, что ты привез, и дело с концом, — сказал Абдрахман.

Беимбет поддержал:

— Сакен, ты давно в литературе. Не раз подвергался критике. Кто же начнет, как не ты. Все козыри тебе в руки! Переводи, и покончим с

организационным периодом.

Таким образом, все организационные дела КазАПП легли на плечи Сакена.

Сакен составил и опубликовал письмо от имени «Правления организации революционных писателей Казахстана».

«В столице Казахстана — Кзыл-Орде создано правление организации революционных писателей трудящегося класса Казахстана. Цель правления — организовать революционных писателей трудящегося класса Казахстана с тем, чтобы на основе единой платформы включиться в литературную работу... Организация революционных писателей Казахстана считает себя одной из ветвей общей организации пролетарских писателей Советского Союза, поэтому она полностью принимает платформу РАПП и будет руководствоваться ею, о чем мы и заявляем публично. Кто признает эту платформу, тот пусть вышлет свою анкету нам».

«После Октябрьской революции дальнейшее развитие получила казахская литература, появились революционные писатели, представители трудового класса. Однако ввиду своей разрозненности многие не могут найти правильного пути и попадают в сети «Алаша».

С помощью различных ухищрений приходят на литературный фронт люди, воспитанные в духе «Алаша». Они наряду со стихами, сказаниями, рассказами занялись ныне критикой казахской литературы. Но от их «критики» веет отжившими взглядами, они не отреклись от старого. Вот почему потребовалось создание единой организации революционных писателей Казахстана с ее яспой: платформой. Теперь эта организация создана».

Редактор газеты «Енбекши казах» Смагул Садвакасов долго упорствовал по поводу упоминания в письме правления КазАПП «Алаша». Он заявил, что письмо должно излагать только организационные принципы. Лишь благодаря вмешательству краевого комитета партии документы увидели свет.

Смагул затаил обиду на Сакена и, используя свое положение редактора, всячески задерживал публикацию его произведений. С трудом удалось опубликовать куски поэмы «Мать сыра земля».

С давних пор мечтал Сакен написать поэму, посвященную Октябрьской революции. Кажется, теперь для осуществления этой мечты появились реальные возможности. Но вот беда — в голове столько мыслей, на языке столько слов, а на бумаге...

Бессонная ночь. Наутро Сакен как чумной, как рыба, оглушенная

льдом. Глаза бы не глядели на бумагу! И люди в тягость.

Никогда он еще так не мучился над стихами. Может быть, бросить, забыть, ну хотя бы на время? Потом придет само.

Нет, не забудет. Только изведется. Сакен бредет на берег Сырдарьи. Вид водной глади, речная прохлада должны успокоить, отвлечь. И тут рядом друзья — Утекин и Мажит Даулетбаев — дурачатся, песни поют. И вместе с ними веселится Сакен. Кажется, он сбросил с себя непосильную ношу многодневных дум и «поэтических терзаний».

Дома он опять в плену все тех же настроений. Но теперь ему кажется, что он нашел и новые слова, и новые ритмы, да и название необычно — «Советстан».

Да, да, именно «Советстан» по прообразу — Казахстан, Узбекистан.

*О родина храбрых — Советский Союз!
Твоими детьми я по праву горжусь:
Ведь крепче нет сплава,
Чем молодость — слава
Страны величавой,
О родина храбрых — Советский Союз!*

Строфа получилась неплохо. Новы и слог и ритм.

*Возил меня раньше тулпар — Байге-кок,
Теперь меня поезд несет на восток.
Что лучше в дороге?
Скакун тонконогий
Иль поезда строгий,
В степные просторы летящий гудок?
Да, задаст он задачку знатокам стихосложения!*

Кроме Абая, у всех казахских поэтов в стихах преобладает однообразный, монотонный ритм. А вот русские поэты обращаются с ритмами очень вольно. Ну и пусть себе шипят «знатоки», зато как просторно стало мыслям.

*Союз наш — экспресс, он летит по мостам,
По свежим лугам, по широким полям.*

Страны нашей лучшей
Народы могучи,
Свободны, как тучи, —
И это отлично известно врагам.
Есть земли, куда не доскачешь верхом,
И много племен и народов кругом
Под знаменем рдяным
В труде неустанном
Раскинутым станом
Живут здесь, как братья, в союзе одном...
Лети, от-арба! Нет дороги назад!
«Тра-там-та-та-та...» — колеса стучат.
Пусть степи родные
Встречают прямые
Лучи золотые!
Дорога длинна, и просторы блестят.
Веди же, вожатый,
Веди, миновав
Откосы и скаты,
Огромный состав,
Так будь осторожней, —
Во мгле придорожной
Скрывается враг.
Просторы блестят,
И дали синее,
Лети же скорее!
Колеса стучат:
«Тра-та-та-та-так.
Тра-так...»

Сколько дней он промаялся в поисках! Зато когда нашел ритмику, поэма была закончена в один день. Не удивительно, ведь ее мысли, ее настроение вынашивались, быть может, многие годы.

Теперь главное — не портить поэму, больше не прикасаться к ней.

И, наверное, впервые ему захотелось тут же, немедля прочитать поэму кому-нибудь вслух. Раньше он и не замечал за собой таких порывов, сам справлялся с собственными «поэтическими восторгами».

Пригласил Сабита, сотрудника «Енбекши казах». Он жил в его же

квартире.

Сабит даже растерялся. Что с Сакеном случилось? Ведь всегда молчит, словом не обмолвится о своих новых стихах, пока не сдаст их в печать.

Слушал и ушам не верил — хороши стихи, но словно написал их иной, не казахский поэт.

Сабит знал, что Сакен не любит, когда его хвалят, и сказал буднично:

— Давайте я захвачу с собой, поместим в номере седьмого ноября.

— Ну нет, джигит мой, не те нынче времена пошли. Теперь все самому надобно с начальством обговаривать, иначе оно в претензии будет. Смагулу сам доложусь.

— Дело ваше. Кстати, Смагул просил напомнить, что седьмого ноября исполняется четыре года газете «Енбекши казах». Неплохо было бы, если бы вы написали об этом событии этак строк пятьдесят.

— Согласен. Я стоял у колыбели этой газеты, и она немало сделала для развития казахской литературы, да и ныне «Енбекши казах» — главная опора КазАПП.

Сакен и так и сяк ворочает номер «Енбекши казах» за 7 ноября 1925 года. «Советстан» не опубликован. Правда, статья его появилась, но и в ней обрезан последний абзац.

И в последующих выпусках газеты Сакен не находит своей поэмы.

Конечно, это все происки Смагула. Но не слишком ли зарвался он? Пора и ему дать по рукам.

Сакен не любил жаловаться в «вышестоящие органы». Но на сей раз написал в отдел печати краевого комитета ВКП(б).

В письме он поведал не только о возмутительной дискриминации, которой подверглась его поэма, написанная к восьмой годовщине Октября. Сакен рассказал и о постоянных задержках, которые чинит редакция каждому его произведению, о том, что она произвольно выбрасывает из них целые строфы, как это было со стихами «Осень в степи».

*Пока в тебе еще бунтуют силы,
Но ты все чаще опускаешь взгляд.
Стоишь в стороне.
Но знай — твоя могила
Была готова восемь лет назад.*

Вот такие строки редакция почему-то задержала.

Обратил он внимание отдела печати и на те слова, которые редакция вычеркнула из его юбилейной статьи: «Молодые писатели трудящихся, раньше неопытные, ныне выросли. Теперь нужно, чтобы прежние враги трудящихся, писатели старые, держались подальше от «Енбекши казах».

Эта купюра уже не случайна. Тем более что вместо заказанных 50 строк он подал 35.

Крайком ВКП(б) не оставил без внимания письмо Сакена.

Но Смагул Садвакасов не унимался. Полгода он мариновал «Советстан» и в то же время без оглядки печатал сомнительные стишки писателей-националистов, скрывавших свои подлинные имена за псевдонимами.

Сакен не впал в уныние, но, конечно, не мог похвастаться хорошим расположением духа. Он мог пойти к секретарю крайкома, но тогда его недруги завопили бы, что Сакен выпрашивает для себя какие-то особые условия. Поэтому Сакен избегал встреч с руководящими товарищами.

*Но свои чувства он излил в стихах:
Ах, эти попрошайки курицы!
Пристанут — нет от них отбоя,
Едва вы выйдете на улицу,
Крупы и проса взяв с собою.
Так и «друзья». Они — как курицы.
Снут, пока вы не в опале.
Но стоит небесам нахмуриться —
Ищи-свищи! «Друзья» пропали.
Их дружба сущая безделица.
Друг проверяется на деле.
Друг с вами тайнами поделится
И ваши горести разделит.*

А последующие строки Сакен посвятил другу, который понимал чистоту его души.

*Тебе, мой друг безвестный,
Все помыслы души
Я раскрываю в песне, —
Ты ж слушай, не дыши.
О, что душа без песни*

И песня без души?!

В середине лета Сакен получил долгожданный отпуск. И, ни на минуту не задерживаясь, направился в родной аул.

Знакомая дорога, но каким оказался долгим путь! Сакена знали, Сакену несли сказки и песни, к нему шли рабочие железной дороги Кзылжар — Акмолинск с жалобами на свои бытовые нужды, с просьбами о помощи.

Сакен несколько дней и ночей провел в лачугах рабочих. Знакомился с их жизнью, бытом, немудреными развлечениями.

По пути заезжал в Караганду, Нильди. Как хорошо дома! Как вкусно пахнет первый снег, но как быстро пролетело время. Он его и не заметил, с увлечением работая над поэмой «Кокче-Тау».

Возвращаясь в Кзыл-Орду, Сакен сделал остановку у своего друга Жакии Айнабекова. Его брат, Кайып, — тоже поэт, но считает себя неудачником, так как его стихи только изредка появляются на страницах газет и журналов.

Не без тайного умысла, едва представился к тому случай, Кайып прочел Сакену две строфы — не свои, Шолпан.

*Теснятся в сердце то рассвет, то ночь.
Желанью моему никак не сбыться.
Быть может, вы сумеете помочь —
У вас охват, как у могучей птицы.*

*Четыре года я уже в дороге.
Никто руки не подал мне в пути.
Немного знаний. Но мечты так много,
Что в сердце — пламя. Мне его нести.*

Сакен сразу все понял, перебил его.

— Каке, как поживает Шолпан?

— Разве ты не слышал?

— А что?

— Нет больше нашей сестрички... Сакен изменился в лице.

— Бедная Шолпан! Она ведь была первой нашей поэтессой. Первая

ласточка. Только-только расцветший цветок. Увяла, не успев созреть...

— Не думал, что ты не знал, — сожалеючи говорил Кайып, — хотел было выложить свои обиды и нужды. Вот и вспомнились ее стихи, посвященные тебе! Сакен ничего не слышал:

— Она горела пламенем. Году в двадцать третьем помог я Шолпан опубликовать ее стихи «Путник и рабочий» в газете «Енбекши казах» к Октябрьскому празднику...

Кайып помолчал. Потом сказал напрямик:

— Ты ведь помог выпустить и книгу Сабыра Шари-иова «Алтыбасар», даже написал предисловие к ней.

— Да, Каке! И что же?

— Всем помогаешь, а почему не обращаешь внимания на меня?

— Ведь в газетах и журналах появляются ваши стихи.

— Да, изредка, но хотелось бы и мне выпустить книгу. Вот я собрал все, что написал. Можно было бы назвать «Красные степные цветы». Увези с собой в Кызыл-Орду. Прочти, если найдешь подходящим, сделай что-нибудь, а нет — так порви. Я это говорю тебе как руководителю КазАПП!

— А что же вы сердитесь, Каке?

— Ну а как же, если с вами говорить помягче, то вы не понимаете! Редко публикует мои стихи «Енбекши казах» — обидно!

— У казахов много поэтов. Разве может газета поместить стихи всех? Скоро будем выпускать литературный журнал. Вот тогда и будет вам простор, Каке.

Жена Кайып поспешила вмешаться — перевела разговор на житейские темы. Поделилась радостью — единственная дочь двоюродного брата Кайыпа, Батырбека, учится в Кызылжарской совпартшколе.

— Наверное, скучает по дому. Ты же едешь в Кызылжар, передай ей привет, гостинцы.

— Достаточно ведь и того, что вы помогаете ей деньгами, зачем еще гостинцы?

Кайып сразу понял, что Сакен не настроен обременять себя всякими поручениями.

— Ох эти женщины! Всегда поставят в неудобное положение, — сказал и недовольно посмотрел на жену. — Зачем тебе возиться со всякими гостинцами,хвати, пожалуйста, только деньги.

— Да, путь далек, — сказал как бы между прочим Сакен,

По приезде в Кызылжар Сакен послал мальчика — сынишку хозяина дома, где он остановился, в общежитие совпартшколы пригласить Гульбарам Батырбекову. Вскоре в комнату вошла воспитанная в аульных

традициях молодая красавица с длинными косичками, приятным матовым оттенком лица и искрящимся взглядом.

— Сестричка, в ауле все живы и здоровы. Каке воспользовался моей поездкой и передает тебе деньги и привет. — И, достав из внутреннего кармана сложенные пополам деньги, передал ей. — Ну, как учеба, наверное, привыкла уже к городской жизни?

Гульбарам силится что-то сказать, шевелит губами, но ничего не слышно. Все еще не может расстаться с аульной застенчивостью. Засобиралась было уходить, но хозяин дома сказал:

— Посиди, милая, покушаешь с нами.

Гульбарам еще больше засмузилась, не зная, что и ответить. А Сакен украдкой бросает взгляд на юную красавицу. Кажется, вовремя и кстати хозяин дома предложил остаться ей.

Не находя, что ответить, Гульбарам хотела было сослаться на занятия, но вышедшая из кухни женщина не дала ей даже опомниться.

— Ну что же ты стоишь, миленькая, как пугливая козочка! Пойдем со мной, — сказала и увела в другую комнату.

У Гульбарам не хватает смелости смотреть в лицо человека, который уже достаточно знаменит. А хозяин дома — ее директор. Она не стала есть. Когда ты сильно смущен, то и вода застревает в горле.

Кое-как прошел этот вечер. Тот же мальчик, который привел девушку, проводил ее до общежития.

Почти всю ночь Сакен не сомкнул глаз. Он и читал, и слышал, что бывает на свете любовь с первого взгляда. Но себя считал застрахованным от нее. И напрасно...

Назавтра он сам разыскал Гульбарам в совпартшколе. Потом дома был недолгий разговор.

— Вчера мы не смогли поговорить, — начал было Сакен издали. — Мне кажется, тебе лучше было бы учиться в Кзыл-Орде. Присматривали бы за тобой, помогли бы.

Чувствительное сердце девушки поняло, куда клонит поэт. От смущения щеки ее вспыхнули густым румянцем. Но, преодолевая робость и волнение, она сказала с сомнением:

— Не знаю даже, без того уже я далеко забралась от аула. Вот теперь, если с вами уеду, то, наверное, и не найду своих родных, свой аул.

— Я понял смысл твоих слов. — Сакен продолжал после недолгой паузы: — Если ты сдержишь свое слово, то я во всеуслышание объявлю о своем намерении.

Он хотел выразиться как-то помягче, но получилось слишком

прямолинейно. Гульбарам ничего не ответила на это, кроме как «поживем — увидим».

Сакен отправился в Кзыл-Орду. По пути он думал о Гульбарам.

Наверное, он не должен был вот так, сразу сказать ей все, что он чувствует, о чем мечтает со вчерашней встречи. Но так уж получилось...

А через несколько дней поэт заговорил стихами. «Моей сестре — студентке совпартшколы (Гульбарам)».

*Ты в город ушла на учебу,
Но там, вдалеке от степей,
Смотри, не забудь об ауле,
О родине дикой своей.
Для девушек дальних аулов
Должна ты примером служить
И светочем ясного знания
Извечную мглу осветить.
Старайся же из совпартшколы
Вернуться с большим багажом,
Чтоб светоч ученья и знаний
В ауле зажегся твоим.
Все делай, как знаешь... но люди
Пускай про тебя говорят,
Что внутренний мир твой богаче,
Чем самый богатый наряд!
Нет проку в пустом человеке,
Ведь в блеске своем показном
Он схож оболочкой наружной
С красивым, но горьким плодом.
Все эти тревожные мысли
В свою заключаю я речь,
Желая от грубых ошибок
По-братски тебя убересть.
Поэтому в письмах советы
Любимице шлю я своей...
Ведь город, в котором живишь ты,
Лежит вдалеке от степей.*

Сразу же по приезде в Кзыл-Орду он отнес эти стихи в газету

«Енбекши казах». Оказывается, в его отсутствие редактором назначили Габбаса Тогжанова. Сакен знал его как человека принципиального, у которого слово не расходится с делом.

Стихи, посвященные Гульбарам, опубликовали быстро, но с послесловием: «Все верно у Сакена, но неверно его утверждение «носи длинные косы», а то от тебя будут люди шарахаться». Разве женщину украшают только длинные косы? Одни любят длинные косы, другие — короткую стрижку. Это дело вкуса. Никто не вправе давать установки — носи длинные косы или наоборот — короткую прическу. Это должен учитывать и наш поэт-коммунист».

Задетый за живое, Сакен написал опровержение: «По моему мнению, редакция неправильно поняла смысл стихотворения. Я не утверждаю, что «не остригай косу». Я не говорю, что все дело только в косах. Я просто предостерегаю:

*Немало у нас шалопаев,
Которым учеба чужда.
Страшись, им во всем подражая,
Невеждой прослыть навсегда».*

Как тянется время! Гульбарам пишет редко, а он почти каждый день. И, наконец, телеграмма — Гульбарам переводится в совпартшколу Кзыл-Орды!

Бог ты мой, что тут началось! Где-то куплена мебель. И хорошо, что Сакен получил двухкомнатную квартиру.

Потом была скромная свадьба.

Все теперь спорится в руках Сакена: и новая работа — он заведует теперь отделом истпарта в Казкрай-коме ВКП(б), — и руководство ассоциацией казахских писателей. Да и самому пишется легко, радостно. Хотя он не всегда пишет о радостном, веселом.

Завершен мемуарный историко-документальный роман «Тернистый путь». Отдельные его главы были опубликованы в 1923–1924 годах и сразу же привлекли всеобщее внимание. Народ ждал продолжения романа, который обещал правдивое изображение событий бурных дней 1916–1920 годов.

Это настроение чутко уловили издатели. На страницах газеты «Енбекши казах» в феврале 1927 года было опубликовано объявление, что в

скором времени в свет выйдет книга Сакена Сейфуллина «Тернистый путь». Сообщалось, что в связи с нехваткой бумаги она будет издана малым тиражом. И желающим приобрести книгу предлагалось заблаговременно делать заявки.

Посыпались письма читателей. Некоторые догадливые люди в письма вложили деньги, а большинство ограничилось выражением пожелания получить книгу, иные даже забывали написать свои адреса. Издательство вынуждено было дать второе объявление. Уважаемые товарищи, писали издатели, мы приветствуем ваше желание, но не можем выслать книги без оплаты. Тем, кто живет в городе Кзыл-Орда, следует вносить деньги за книгу в кассу издательства. Те же, кто живет вне города, пусть вложат деньги в свое письмо и при этом укажут точный адрес, имя и фамилию. Без денег книга не может быть выслана.

В итоге четырехтысячный тираж «Тернистого пути» разошелся прямо со склада издательства, только мизерное число экземпляров попало в магазины «Знание». Это превзошло все самые радужные и крылатые надежды Сакена.

Никто не остался равнодушным к этой книге, написанной столь свободно и в нарушение условных литературных форм.

Автор придерживался писательской манеры Герцена в «Былом и думах», памятуя его слова: «Писать о чем-нибудь жизненном и без всякой формы».

В романе «Тернистый путь» С. Сейфуллина отсутствовала единая жанровая форма, которая могла быть обозначена тем или иным существующим литературным термином. Но книга, как и сама жизнь, художественно воссоздаваемая Сакеном, была глубоко содержательна и в то же время заключала в себе огромное богатство литературных форм. Об этом одним из первых сказал соратник Сакена — Сабит Муканов: «Тернистый путь» — это, с одной стороны, история, с другой стороны — учебник политграмоты и, с третьей стороны, — самое интересное, захватывающее читателя художественное произведение».

Взору читателя открывалась широкая панорама недавнего прошлого. Перед ним, как живые, в сложнейших взаимоотношениях проходили десятки и сотни людей, прямые и косвенные участники больших исторических событий, представители разных слоев казахского общества. Это был великолепный роман-хроника.

В своем монументальном, эпическом произведении Сакен Сейфуллин ведет повествование от имени лирического героя, преломляющего в своем сознании все происходящее. Это и вносит в его эпос теплую лирическую

струю и позволяет Сакену показать историю через человека.

То было большим достижением не только Сакена, но и всей казахской литературы. «Тернистый путь» дал классический предметный урок всем казахским писателям, как надо создавать произведения на современную тему.

«Тернистым путем» зачитывались и зачитываются поколения читателей.

Сакен чутко отзывается на события народной жизни. Конфликт на КВЖД стал поводом для новой поэмы — «Чжан Цзо-лин».

Уже опять не хватает времени. А тут новое назначение — ректором Казахского института просвещения.

Краевой комитет разрешил выпуск альманаха «Жыл кусы» («Первая ласточка»). Его выход в свет должен быть приурочен к Октябрьским торжествам.

И снова ночи напролет Сакен читает, правит, отбирает для альманаха лучшее.

Не сдают своих позиций писатели старой, народнической, националистической школы. Они попытались даже сорганизоваться. Они наступают и со страниц «Енбекши казах», и со страниц журнала «Кзыл Казахстан». И каждое выступление получает должный отпор со стороны писателей-критиков из КазАПП.

Сакен ранее не участвовал в этих литературных дискуссиях. Но кто, как не он, знает подлинное положение дел в казахской литературе? И, видимо, нужно поделиться с читателями своими мыслями.

Сакен садится за статью «О казахской художественной литературе».

«В казахской литературе сейчас ясно определились два направления. Одно — байское, националистическое, другое — пролетарское. Среди писателей есть и неустойчивые. У них нет своего лица, мечутся из стороны в сторону. Но год от года неустойчивых становится все меньше и меньше. Они перейдут на сторону трудового класса... Потому что будущее казахской литературы принадлежит трудовому классу».

Есть и такие, кто использует литературные дискуссии для клеветы на советскую литературу вообще. Цель националистов понятна, их аргументы известны заранее. Но вот, к примеру, Смагул Садвакасов. Он уже докатился до вранья. Смагул заявляет:

«И Беимбет и Сакен писатели, слабо разбирающиеся в основах марксизма, особенно Сакен. Сакен — поэт, тоскующий по старым обычаям аула. Это доказывают названия его книг: «Неукротимый скакун»,

«Домбра», «Красные соколы». Миражи старого аула...

Сакен не отрекся от прошлых привычек. «Минувшие дни» если и не греют душу Сакена, то и не охлаждают».

Эти мысли Смагула полностью поддержал Габбас в своих критических статьях.

«Кто утверждает, что Сакен пролетарский поэт, тот обманывает и партию, и себя... Сакен еще не успел стать пролетарским поэтом».

Сакен защищал не только себя. Он защищал пролетарскую литературу Казахстана от нападков буржуазных националистов и их приспешников.

Как раз в это время Сейфуллина назначили ректором Казпедвуза, и ему пришлось перебраться в Ташкент.

Ташкент — не Кзыл-Орда. Крупный культурный центр со своим университетом, да и литературные силы собрались в Ташкенте немалые.

Сакен читает лекции в САГУ — Среднеазиатском государственном университете имени В. И. Ленина и с увлечением работает с начинающими молодыми писателями.

Именно в Ташкенте Сакена потянуло к серьезной исследовательской работе. И, может быть, толчком послужили все мытарства, которые он претерпел, добываясь публикации лекций академика В. Бартольда по истории тюркско-монгольских народов.

В 1929 году Сакена пригласили в Алма-Ату руководителем кафедры литературы в Казахском университете.

Новое поприще открывало и новые возможности для занятий историей казахской литературы.

Сакен публикует «Открытое письмо о казахской литературе»:

«С тех пор как у казахов началась новая жизнь, как были построены новые школы... одной из неотложных задач, стоящих перед органами народного просвещения Казахстана, стало исследование истории культуры и литературы казахского народа. Однако и по сию пору нет книг по истории и литературе, которые бы отвечали школьным программам. Чтобы написать историю народа, историю литературы, нужны прежде всего факты. Поэтому мы обращаемся с просьбой к сознательным гражданам всех уголков Казахстана — собрать и послать в университет древние исторические памятники, такие, как: ораторские речи, рассказы и сказания о батырах, декламации, сказки, легенды, обрядовые песни и т. п... Все это бесценные материалы казахской истории, истории культуры и литературы казахского народа».

Задумав написать книгу «Казахская литература», Сакен призвал в

помощники, в соавторы весь казахский народ.

Появилась отдельным изданием поэма «Кокче-Тау». И Сакен торжественно преподнес ее 17 старым соратникам по литературной работе.

Много сложено легенд и песен о Кокче-Тау. Их слагали акыны, о Кокче-Тау пел народ. Магжан воспевал красоту Кокче-Тау, воспевал и скорбел о прошлом, о безвозвратно ушедшем величии былой ставки хана.

А Сакену хотелось создать свою легенду о Кокче-Тау.

Кокче-Тау виделся поэту, как прообраз Родины. Ее прошлое и ее настоящее. Он дерзал заглянуть и в грядущее.

Как легко писались первые главы, их сразу же опубликовал журнал «Жана мектеп» («Новая школа»).

Пленительна «Казахская Швейцария», ее зеркальные озера, окружившие голубую гору — Кокче-Тау. Гора смотрится в хрустальное зеркало вод щетиной своих хвойных лесов. Каждый утес, каждое озеро воспеты в поэмах, о каждом есть своя легенда.

*Как невеста, накинув на девичий стан,
Словно ткань шелковистую, легкий туман,
Кокче-Тау стоит — голубая гора —
На границе твоей, Казахстан.
Золотые дожди умывают ее,
В летний зной ветерки обвевают ее.
Каждый день разноцветные облака
К ней, на миг прилетев, обнимают ее.
Как текущий хрусталь в драгоценном кесе,
Спят озера меж скал в первобытной красе.
В полдень воздух дрожит над ковром из цветов,
А утрами брильянты сверкают в росе.
Кокче-Тау легенды в народе живут,
И не только певцы о ней песни поют,
Даже звучные ветры, летящие с гор,
Шепот древних легенд и преданий несут.*

Эти строки будто сами легли на бумагу. Но трудно дается Сакену общая сюжетная линия поэмы. Ни красота природы, ни прекрасные легенды еще не могут создать образа Родины, той Родины, которая видится Сакену.

История и легенды должны органически вплестись в ткань поэмы о Кокче-Тау сегодняшнем, Кокче-Тау будущем. Это сделать нелегко. Во всяком случае, еще никто из казахских поэтов не делал таких попыток. Сакен — первооткрыватель. И он мучается, он забрасывает поэму на долгие месяцы. Отвлекается, работая над публицистическими статьями.

По просьбе рабочих, строящих железную дорогу Кзылжар — Кокче-Тау, Сакен пишет повесть «Землекопы». В это же время он составил из своих стихов сборник «На волнах жизни», готовит второй выпуск альманаха «Жыл кусы».

Но из головы не выходит поэма. Он не пишет, но мысленно перебирает множество сюжетных ходов, находит, оценивает и часто отбрасывает детали, сложившиеся, казалось, куски.

Поэма рождалась медленно, шли годы. Но однажды Сакен, оставив все остальные дела и заботы, вновь уселся за «Кокче-Тау».

Поэма созрела.

Сейфуллин прежде всего переработал те ее главы, которые были уже опубликованы. По-новому зазвучала легенда о девушке-калмычке, попавшей в плен к свирепому завоевателю Аблаю. Сакен подчеркнул ее ум, ее бесстрашие, ее преданность своему народу.

Гордая девушка и в стане врагов вышла победительницей. Не знатный и не богатый воин Адак пришел на помощь пленнице. Народ гуманен — вот главная идея, которую вложил Сакен в свой вариант древней легенды. И такое ее толкование было потом воплощено в опере народного артиста Казахской ССР С. Мухамеджанова.

Сейфуллин через всю поэму настойчиво проводит мысль, что как бы ни было прекрасно, прошлое, какими бы красочными легендами оно ни оживало — человек живет настоящим. Настоящее достойно поэзии. Достоин стихов трудовой народ, создавший своими руками все богатства и всю красоту мира. Народ — это и его певцы, его поэты.

*Если б нашим певцам, как Ибрай и Виржан,
Был бы ход и простор своевременно дан,
Может быть, и они стали петь, как Шаляпин,
И гремели б, как он, среди народов и стран.*

Поэт радовался строительству казахского городка, находя в нем олицетворение оседлой жизни народа. Нынешний Кокче-Тау станет всесоюзным курортом, и начало этому уже положено постройкой

«Борового». Как радуют поэта поезда, автобусы и автомобили, мчащиеся по старым караванным путям. Он любит самолетами, взлетевшими выше отрогов Кокче-Тау, — вот они, вестники новой жизни.

Окрыленный успехами своего народа поэт заглядывает в его недалекое будущее.

*Все загадки веков разгадаем, пойдем,
Землю с небом по всем измереньям пройдем.
Все преграды, которые встретим в дороге,
Разгромим, разобьем, рассечем, как мечом.
От земли оторвемся и в небо взлетим,
Землю с небом обнимем обхватом одним.
Землю с небом, как куклу, в руках покачаем,
Полюбujemy, будто ребенком родным.
И, вспугнув межпланетную тишину,
Прилетят наши правнуки на Луну.
Средь далеких планет мирового пространства
Посетят они в будущем не одну.
Будет время — прикажет Земле человек
Задержать иль ускорить стремительный бег.
Южный полюс иль Северный Солнцу подставить —
Будет время — прикажет Земле человек.*

В эти годы Коммунистическая партия очищала свои ряды от чуждых элементов, и кое-кто настойчиво твердил о непролетарском, «небедняцком» происхождении Сейфуллина. Но он остался незапятнанным,

16 марта 1931 года Сакен завершил работу над первой книгой по истории казахского народного фольклора. И его потянуло к еще не испробованным жанрам.

Сакен взялся за сатирический роман «Наш быт». Параллельно писались поэмы «Кзыл-ат» и «Альбатрос».

Сакен Сейфуллин был в расцвете своего творчества. Читатель знакомился со все новыми его произведениями: «В те годы», «Социалистан», «Айша», «Плоды»...

В течение десяти дней казахские деятели искусства, культуры и литературы показывали в столице Советского государства свои достижения.

Москвичи искренне наслаждались талантами Курманбека и Канабека, восторженными овациями встречали Джамбула.

Покорила москвичей своей соловьиной трелью Куляш Байсеитова, получившая в 1936 году почетное звание народной артистки СССР.

Кончилась декада в Москве, а Алма-Ата еще только готовилась к празднику искусства.

12 июля 1936 года — день великого торжества казахской советской литературы.

Казахстан отмечал 20-летний юбилей литературной деятельности Сакена, ставшего к тому времени подлинно народным писателем.

В день юбилея краевой комитет партии и Совет Народных Комиссаров Казахстана направили Сакену поздравления.

«Товарищу Сакену Сейфуллину.

Краевой комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Казахстана поздравляет большевика, поэта казахских трудящихся с замечательным праздником — 20-летием творческой деятельности в литературе.

В период колониального порабощения казахского народа царизмом, в годы революции, гражданской войны и социалистического строительства Вы своим художественным словом вдохновляли казахских трудящихся на борьбу с классовыми врагами казахского народа, с врагами пролетарской революции и крепко держали красное знамя великой партии Ленина, на всех фронтах были вместе с партией.

Краевой комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Казахстана желает Вам, награжденному орденом, заслуженному солдату пролетарской революции, дальнейшего плодотворного труда на литературном фронте».

Постановление КазЦИК ошеломило Сакена:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Казахстана в связи с 20-летием творческой деятельности Сакена Сейфуллина на литературном фронте:

1. Присвоить имя Сакена Сейфуллина Семипалатинскому учительскому институту, казахской средней школе, станции Алма-Ата, улице Училищная в Акмолинске, улице Набережная в Кокчетаве;

2. Присвоить имя Сакена Сейфуллина разъезду № 11, откуда начинается Дзезказганская ветвь Караганда-Балхашской железной дороги;

3. Выделить легковой автомобиль в личное пользование Сейфуллина».

Юбиляр едва успевал читать поздравительные телеграммы.

Леонид Соболев, считавший Сакена своим другом и наставником, слал ему слова приветов и благодарности.

Как жалко, что в газете всего восемь полос, они не могли вместить сотни телеграмм!

И все же газеты поместили поэтическое поздравление Ильяса Джансугурова «Тулпар» («Аргамак»). Поэт славил поэта.

*Лети, лети
и поднимайся ввысь.
Лети, орел.
Лети, мой «Красный сокол».
По нраву мне
твоя такая жизнь,
Что поднимает
над землей высоко.
Скачи, мой быстрый,
мой крутой тулпар.
Скачи и радуй
свой народ безмерно.
Лети, мой красный сокол,
по степям,
Неси до звезд
любовь свою и верность.
Пою тебе.
Пою приход весны.
И радости моей
предела нету.
Любимей необъятной стороны —
Нет у казахов
лучшего поэта.*

Мухтар Ауэзов написал статью «Поэт правдивый и гордый». В ней как на ладони весь творческий путь Сакена.

«Бесперывный двадцатилетний путь поэта — нелегкий путь, путь переживаний, радостей и горестей, творческих поисков и раздумий... Всю энергию, порывы души и жизненный опыт отдавал он людям...

Если рассматривать этот 20-летний путь поэта не с точки зрения критика и историка, а с точки зрения рядового читателя, то мы увидим две особенности в творчестве Сакена, которых нет у других. Первая из них — правдивость, вторая — поэтическая гордость.

Чувства, выраженные в его произведениях, — это не плод личных переживаний, не частное, а общее, едино-целое. Сакен — поэт с ярко выраженной целью. Он не ищет легких путей, а смело преодолевает все трудности и невзгоды. Он всем сердцем отражает правдивые явления жизни. Поэтому его путь — это великая правда жизни, в которой закономерны преодоления препятствий, это дорога, усеянная подъемами и спусками, холмами и оврагами...

От Сакена, прошедшего двадцатилетний творческий путь, с его богатым жизненным опытом, мы вправе ждать новых, больших, интересных художественных полотен».

Юбилейный номер газеты «Казах адебиеты» («Казахская литература») на восьми полосах вместо обычных четырех пестрел фотографиями, воспоминаниями, стихами на казахском и на русском языках.

Старый друг Захар Катченко, товарищ по тернистому пути, рассказал об одном отрезке этой дороги. Дмитрий Снегин слал Сакену Сейфуллину привет на русском языке.

Были здесь и стихи самого Сакена, были и дружеские шаржи. Большая статья Есмагамбета Исмаилова «Сакен и казахская поэзия» подводила итог:

«Мы говорим, что поэзия Сакена — это первые шаги казахской советской литературы. Если не считать отдельных людей, то общественность никогда не была про» тив такого мнения и не будет. Сакен — основоположник пролетарской литературы».

Молодые поэты тоже приветствовали основоположника и своего наставника стихами.

Тогда еще начинающий поэт, Касым Аманжолов, выразил общие чувства народа к своему знаменитому писателю:

*Льются строки твои, как ручей.
В сердце ты,
И в крови твоя песня.*

*Ты — в счастливом саду соловей.
Голос твой
Всей степи необъятной известен.*

*Нам завещана бодрость навек.
Нет конца торжеству,
Нет у сердца покоя,
Ты — скакун,
Ты — орел
На сегодняшнем тое,
Где так гордо звучит «Человек»!*

13 июля. К 7 часам вечера во Дворец культуры, расположенный на углу улиц 8 Марта и Комсомольской, устремились толпы людей.

Торжественная обстановка царила в просторном зале. Бурной овацией встретили собравшиеся Сакена, которого вывел под руку на сцену первый секретарь крайкома ВКП(б) Леон Исаевич Мирзоян.

Сабит Муқанов открыл юбилейный вечер:

— Сакен Сейфуллин является истинным родоначальником казахской советской литературы. Это неопровержимая истина. Сакен не только литератор в чистом виде. Он — человек социального, политического мышления. Он не только пером защищал Октябрьскую революцию от врагов, он защищал ее и с оружием в руках. Сакен первым в казахской литературе воспел обобщенный образ победившего пролетариата, первым призвал корчевать с корнем мир капитала. Первый кирпич казахской пролетарской литературы заложен Сакеном. Этого никто не может оспаривать.

Сакен сидел потрясенный, тронутый до слез этим нескончаемым потоком приветствий.

Но наступает пора и ему сказать свое слово собравшимся. Сколько раз он всходил на трибуны и говорил легко, свободно. А тут произнес слово «товарищи», и... комок подкатил к горлу.

— Трудно, оказывается, говорить в такие минуты. Правду говорят в народе, что такие знаменательные дни в жизни человека встречаются не часто. Верно и то, что такая почестъ оказывается не каждому, — начал он и вновь замолчал. — Люди меня считают оратором. Хотя я и умею говорить, но в данный момент не нахожу слов, чтобы выразить свою признательность и любовь к нашей партии, нашей советской общественности. Мне кажется,

что я так и не смогу найти слова, чтобы выразить свои чувства, идущие от чистого сердца... Чувство поэта выражается всегда открыто. В такой праздничный для меня день сама душа человека требует откровенности. Когда я вспоминаю Декаду казахской культуры, литературы и искусства в Москве, успехи казахской музыки и песни на этой декаде, высокую оценку Советского правительства, награды, которыми удостоили нас, когда думаю о том, какое большое внимание оказывает краевой партийный комитет развитию казахской советской литературы и поэзии, и то, что в скором будущем наш край будет преобразован в союзную республику, то меня охватывают гордость и любовь к нашей партии и правительству за их неустанную заботу.

Я заявляю нашему народу, нашей партии, что все мои силы, вся энергия до конца будут отданы партии, будут отданы нашей великой социалистической Родине.

Минуло двадцать лет.

Накануне 40-летия Великого Октября маленький клуб Союза писателей Казахстана с трудом мог вместить всех желающих присутствовать на торжественном вечере.

Вечер был посвящен памяти Сакена.

Его открыл Сабит Муканов волнующими воспоминаниями о друге и наставнике. Казалось, это только начало бесконечного рассказа о легендарном человеке. Определяя место Сакена Сейфуллина в казахской литературе, Сабит Муканов сказал:

— Основоположник казахской советской литературы Сакен Сейфуллин преуспевал во всех жанрах, заложил их основы. Поэтому он, повторяю еще раз, человек, заложивший фундамент казахской советской литературы. Но он не только основоположник этой литературы, а человек, который до конца своей жизни активно развивал все эти жанры. Сакен — отец казахской советской литературы.

1964 год. 23 мая.

Многие не смогли попасть в зал Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова. Но для тех, кому не досталось места в театре, для всей общественности республики радио разносило народное сказание о красном соколе.

Семидесятилетие со дня рождения великого сына казахского народа превратилось во всеобщий праздник.

И Москва отдала дань памяти «поэту революции». Русские писатели выразили это немногими, но емкими словами:

«Сакен Сейфуллик — гордость советского народа».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

1894 — 15 октября у Жамал и Сейфуллы родился первенец — Садуакас — Сакен.

1905 — Сейфуллин поступает учиться в русско-казахскую школу при Спасском медеплавильном заводе.

1908-1913 — учится в Акмолинской начальной приходской школе и заканчивает первое отделение третьего класса Акмолинского трехклассного городского училища.

1912 — зима — весна — С. Сейфуллин обучает русскому языку шакиртов мусульманского медресе.

1913 — 21 августа — принят в первый класс Омской учительской семинарии.

1913 — в ноябрьском номере (№ 21) журнала «Айкап» была опубликована первая печатная статья С. Сейфуллина.

1913 — 25 ноября — С. Сейфуллин стал известен омской охранке.

1914 — март — организация первого культурно-просветительского общества казахской молодежи «Бирлик» («Единство») в Омске, С. Сейфуллин избран в руководящий центр общества.

1914 — декабрь — вышел сборник стихов «Откен кундер» («Минувшие дни») С. Сейфуллина.

1915 — апрель — первое выступление художественной самодеятельности казахской молодежи на «Сибирском вечере».

1916 — 10 мая — С. Сейфуллин окончил Омскую учительскую семинарию, ему присвоено звание учителя начального училища.

1916 — начало июня — член комиссии по переписке имущества 12 волостей Акмолинского уезда.

1916 — июль — С. Сейфуллин пишет стихотворение «Волнение», посвященное национально-освободительному движению казахского народа в 1916 году.

1916 — 1 сентября — С. Сейфуллин — организатор и преподаватель Бугулинской школы.

1917 — 9 марта — переехал в город Акмолинск. Написал стихотворное приветствие Февральской революции «Спешно собрались мы в поход».

1917 — начало апреля — организатор и руководитель общественно-политического и культурного общества «Жас казах» («Молодой казах»).

1917 — июль — издание газеты «Тиршилик» («Жизнь»), неофициальным редактором которой был С. Сейфуллин.

1917 — сентябрь — открытие в Акмолинске новой русско-казахской школы и организация трехмесячных педагогических курсов, где преподавал С. Сейфуллин.

1917 — ноябрь — С. Сейфуллин приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию стихотворением «А ну-ка, джигиты!». Это первое произведение казахской советской литературы.

1917 — 27 декабря — установление Советской власти в Акмолинском уезде, С. Сейфуллин избран членом президиума Акмолинского Совдепа и назначен народным комиссаром просвещения.

1918 — февраль — С. Сейфуллин принят в члены Российской Коммунистической партии большевиков.

1918 — апрель — создание «Марсельезы казахской молодежи».

1918 — 1 Мая — премьера спектакля по пьесе С. Сейфулдина «Бакыт жолына» («На пути к счастью»).

1918 — 4 июня — белогвардейский переворот в Акмолинске, арест С. Сейфуллина.

1919 — 5 января — С. Сейфуллин отправлен этапом из акмолинской тюрьмы в Петропавловск.

1919 — 24 января — 12 карта — 47 суток в «вагоне смерти».

1919 — 3 апреля — С. Сейфуллин бежит из колчаковской тюрьмы города Омска.

1919 — конец июля — возвращение в родной аул.

1919 — сентябрь — конец декабря — С. Сейфуллин через Бетпак-Далы (Голодная степь) уходит в Аулие-Ата (ныне г. Джамбул).

1920 — 7 мая — возвращение в Акмолинск, С. Сейфуллин назначен помощником заведующего административным отделом ревкома.

1920 — 26 июля — на съезде Советов С. Сейфуллин избран членом исполнительного комитета и назначен заместителем председателя Акмолинского исполнительного комитета, заведует административным отделом.

1920 — 4 октября — делегат Учредительного съезда Советов, провозгласившего Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

1920 — 12 октября — С. Сейфуллин избран членом президиума Центрального Исполнительного Комитета КазАССР.

1920 — ноябрь — поездка в Москву, присутствовал на VIII съезде Советов и слушал доклад В. И. Ленина о плане ГОЭЛРО.

1921 — член Чрезвычайной комиссии по присоединению Акмолинской и Семипалатинской областей к КазАССР.

1922 — 13 июня — С. Сейфуллин назначен редактором республиканской газеты «Енбекши казах» (ныне «Социалистик Казахстан») и заместителем народного комиссара просвещения республики.

1922 — декабрь — III съездом КазАССР избран председателем Совета Народных Комиссаров республики.

1922 — вышли сборник стихов С. Сейфуллина «Асау тулпар» («Неукротимый скакун»), драмы «Кызыл сункарлар» («Красные соколы»), «Бакыт жолына» («На пути к счастью»).

1922 — 23-30 декабря — делегат X съезда Советов РСФСР и Всесоюзного учредительного съезда Советов, провозгласившего создание Союза Советских Социалистических Республик, избран членом ЦИК.

1923 — апрель — С. Сейфуллин делегат XII съезда РКП (б).

1923 — 22 ноября — президиумом КазЦИК на основе решения XII съезда РКП (б) принято постановление о ведении делопроизводства на казахском языке.

1923 — начало публикации отрывков из историко-мемуарного романа «Тернистый путь» в журнале «Кызыл Казахстан» («Красный Казахстан»).

1923 — 80 ноября — стихотворение С. Сейфуллина «Ленин» — первое произведение в казахской советской литературе, посвященное В. И. Ленину.

1924 — январь — С. Сейфуллин возглавляет казахстанскую делегацию на похоронах В. И. Ленина. Опубликована его статья в газете «Известия» «В. И. Ленин и пробуждающийся Восток».

1925 — 7 апреля — С. Сейфуллин назначен председателем академического центра при Казнаркомпросе.

1925 — 12 июня — назначен председателем организационного бюро по созданию Казахской ассоциации пролетарских писателей (КазАПП).

1925 — ноябрь — создание поэмы «Советстан».

1926 — май — С. Сейфуллин назначен заведующим испарта Казкрайкома ВКП(б).

1926 — декабрь — женитьба на Гульбарам Батырбековой.

1927 — февраль — С. Сейфуллин назначен ректором Кзыл-Ординского института народного просвещения.

1927 — октябрь — ноябрь — выход альманаха «Жыл кусы» («Первая ласточка»), составленного из произведений казахских пролетарских

писателей под редакцией С. Сейфуллина.

1927 — декабрь — издание историко-мемуарного романа «Тернистый путь».

1928 — май — ректор Ташкентского казахского педагогического института, руководитель литобъединения казахской молодежи.

1929 — август — С. Сейфуллин — доцент кафедры казахской литературы Казахского педагогического института.

1929 — 26 декабря — пишет открытое письмо о сборе лучших образцов казахского устного творчества и литературы.

1931 — 16 марта — закончил работу над первой частью истории казахской литературы. В 1932 году она издана как учебник для студентов вуза.

1931 — публикация отрывков из сатирического романа «Наш быт».

1932 — февраль — С. Сейфуллин назначен главным редактором журнала «Эдебиет майданы» («Литературный фронт»).

1934 — 12 июня — открытие I съезда Союза писателей Казахстана. С. Сейфуллин произнес вступительное слово.

1934 — 17 августа — 1 сентября — участие в работе I Всесоюзного съезда советских писателей.

1934 — сентябрь — С. Сейфуллин — профессор Казахского коммунистического института журналистики.

1935 — издание поэмы «Социалистан» и повести «Айша».

1936 — май — С. Сейфуллин участник Декады казахской литературы и искусства в Москве.

1936 — С. Сейфуллин первый из казахских писателей награжден орденом Трудового Красного Знамени.

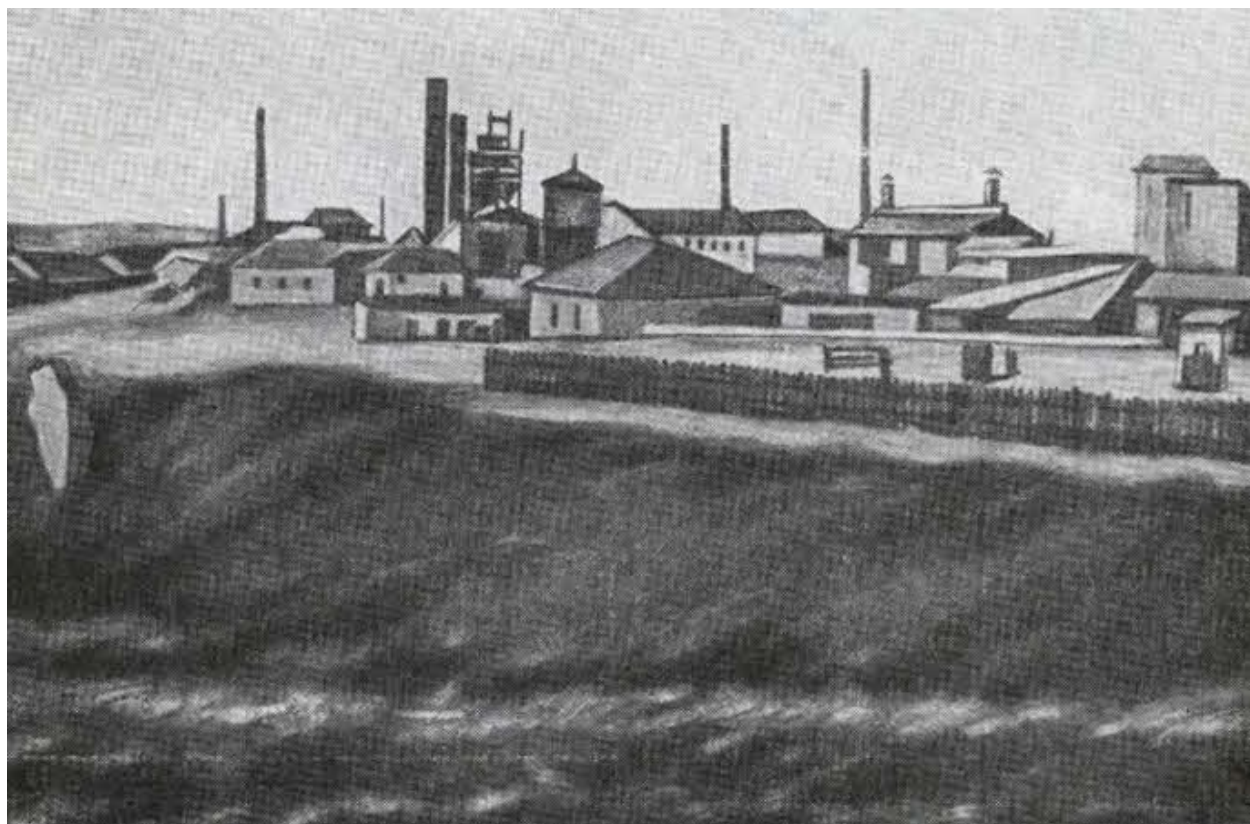
1936 — 12 июля — празднование 20-летия творческой деятельности С. Сейфуллина.

1938 — смерть Сакена Сейфуллиновича Сейфуллина.

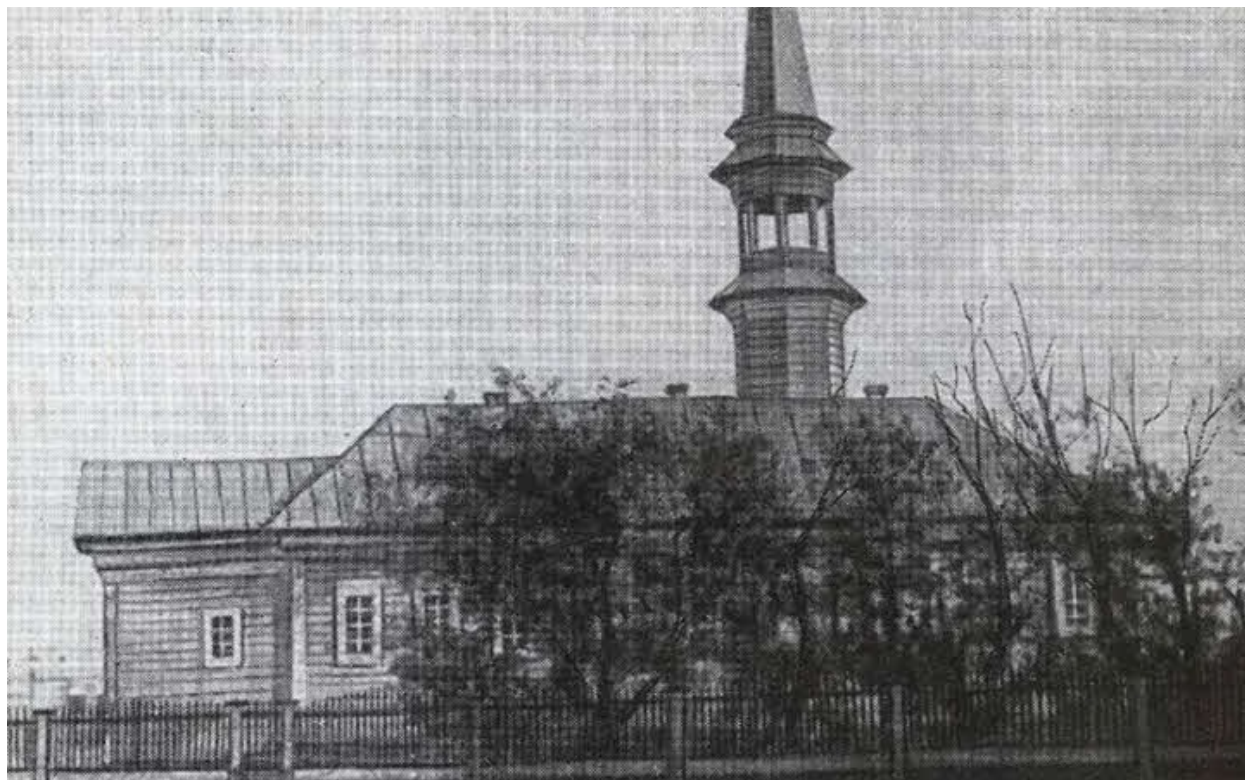
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Сейфулла. Отец Сакена Сейфуллина.

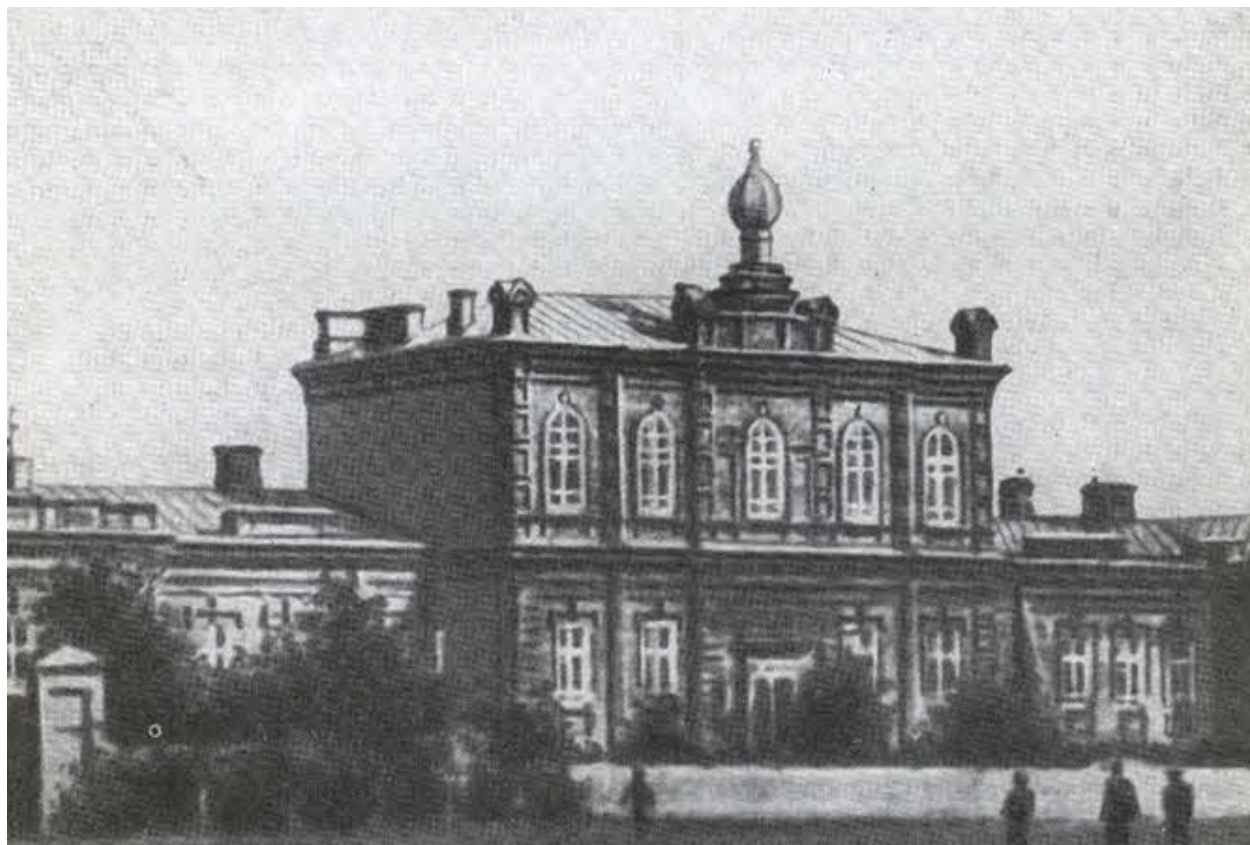
Спасский медеплавильный завод, где учился С. Сейфуллин.

Мусульманская духовная школа — медресе, где С. Сейфуллин в 1912 году бесплатно обучал казахских детей русской грамоте.

Шаймерден Альжанов.

Здание Омской учительской семинарии, где С. Сейфуллин обучался в 1913–1916 годах.

Угар Жанибеков — один из организаторов Советской власти в Северном Казахстане и Омской области.

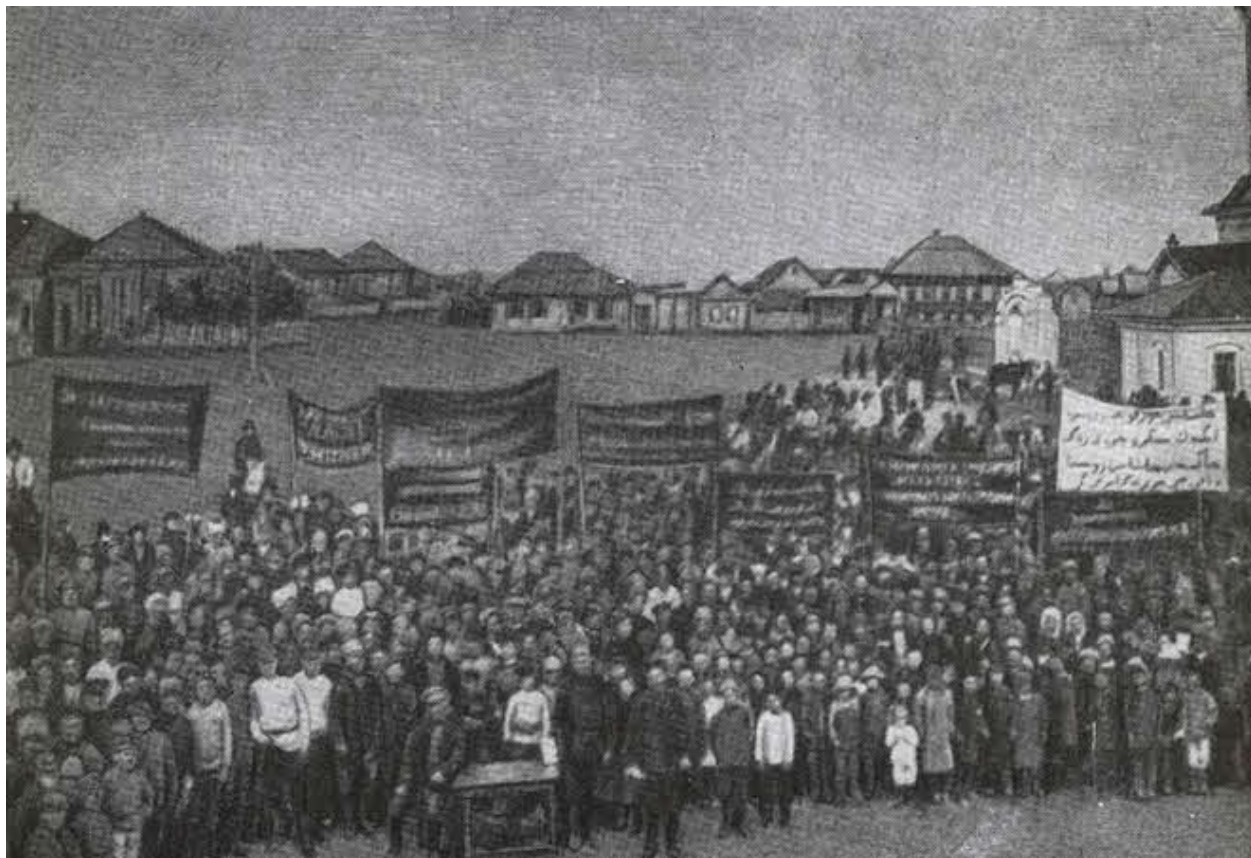
Октябрьские дни в Акмолинске (ныне Целиноград).

Сакен Сейфуллин. 1916.

Дом М. Айтпенова в городе Омске, где спрятался С. Сейфуллин после побега из колчаковской тюрьмы.

Празднование 1 Мая 1918 года в городе Акмолинске.

Сакен Сейфуллин. 1920.

*Делегаты III Всекиргизской партийной конференции РКП(б). 1922.
Сейфуллин — первый (слева) в первом ряду, в центре — Е. Ярославский.*

Сакен Сейфуллин. 1922

Сакен Сейфуллин. 1921

С. Сейфуллин и А. Утекин. 1925.

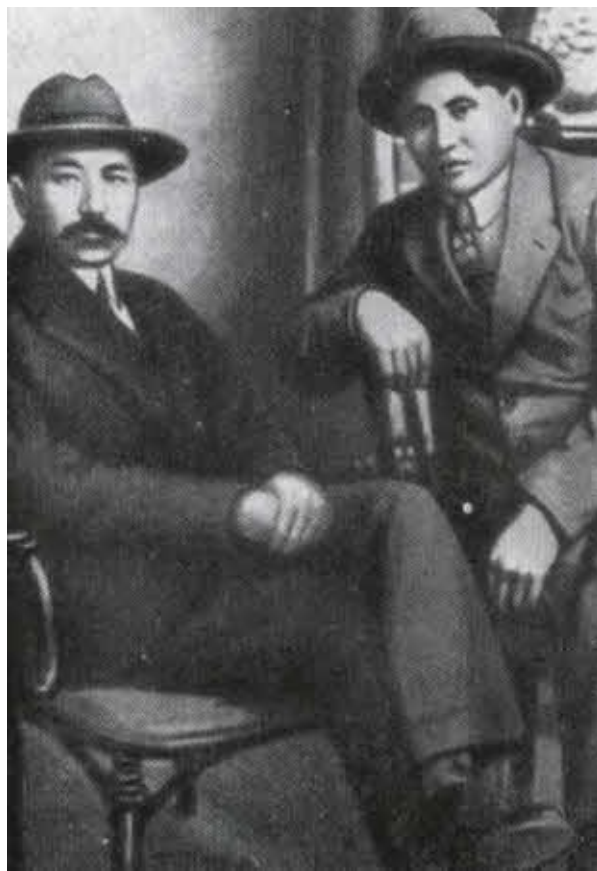

Активные члены КазАПП — Казахской ассоциации пролетарских писателей. 1928. Первый ряд. Слева направо: Сабыт Муканов, Абдрахман Байдилялов, Беимбет Майлин. Второй ряд: Калакан Абдыкадыров, Сақан Сейфуллин, Абдрахман Айсарин. Третий ряд: Жакан Сыздықов, Орынбек Беков, Асқар Токмагамбетов. Четвертый

ряд: Рахымжан Малабаев, Елжас Бекенов, Мажит Даутлетбаев.

Гульбарам Сейфуллина и Мариам Муканова. 1927.

С. Сейфуллин и С. Муканов. 1927.

Казахские писатели. 1930.

Г. Сейфуллина с дочерью Лаурой. 1931.

Сын С. Сейфуллина — Аян. 1936.

Сакен Сейфуллин. 1932.

Сакен Сейфуллин. 1933.

Сакен Сейфуллин. 1934.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ГАЗЕТИ № 10 1936

Сакен Сейфуллин

К 20-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЮБИЛЕЙ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

ГОСТ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА

Сакен Сейфуллин — один из крупнейших казахских писателей. Его творчество — это история борьбы за свободу и справедливость. В его произведениях отражены все этапы развития казахского народа. Сакен Сейфуллин — это совесть казахского народа. Его творчество — это светлый маяк, который указывает путь к будущему.

В 1916 году в Казахстане началось восстание против царского режима. Сакен Сейфуллин был активным участником этого движения. Он написал много стихов и прозы, которые были направлены на пробуждение сознания народа. Его творчество было жестоко подавлено царскими властями. Сакен Сейфуллин был вынужден эмигрировать в Турцию, а затем в СССР. В СССР он продолжил свое творчество, работая в различных учреждениях культуры. Его творчество было высоко оценено советскими властями. Сакен Сейфуллин — это великий казахский писатель, который оставил после себя богатое наследие. Его творчество — это часть истории казахского народа.

Қазақ әдебиеті

Большевик оған сәкенге қалондә сәлем.

Революция оған

Сакен Сейфуллин — это великий казахский писатель. Его творчество — это история борьбы за свободу и справедливость. В его произведениях отражены все этапы развития казахского народа. Сакен Сейфуллин — это совесть казахского народа. Его творчество — это светлый маяк, который указывает путь к будущему.

Seifullin Saken қолдауға

Сакен Сейфуллин — это великий казахский писатель. Его творчество — это история борьбы за свободу и справедливость. В его произведениях отражены все этапы развития казахского народа. Сакен Сейфуллин — это совесть казахского народа. Его творчество — это светлый маяк, который указывает путь к будущему.

Полоса «Литературной газеты» и первая страница газеты «Казак әдебиеті», посвященные С. Сейфуллину. 1936.

Дружеский шарж на Сейфуллина.

Друзья и сверстники С. Сейфуллина. 1959.

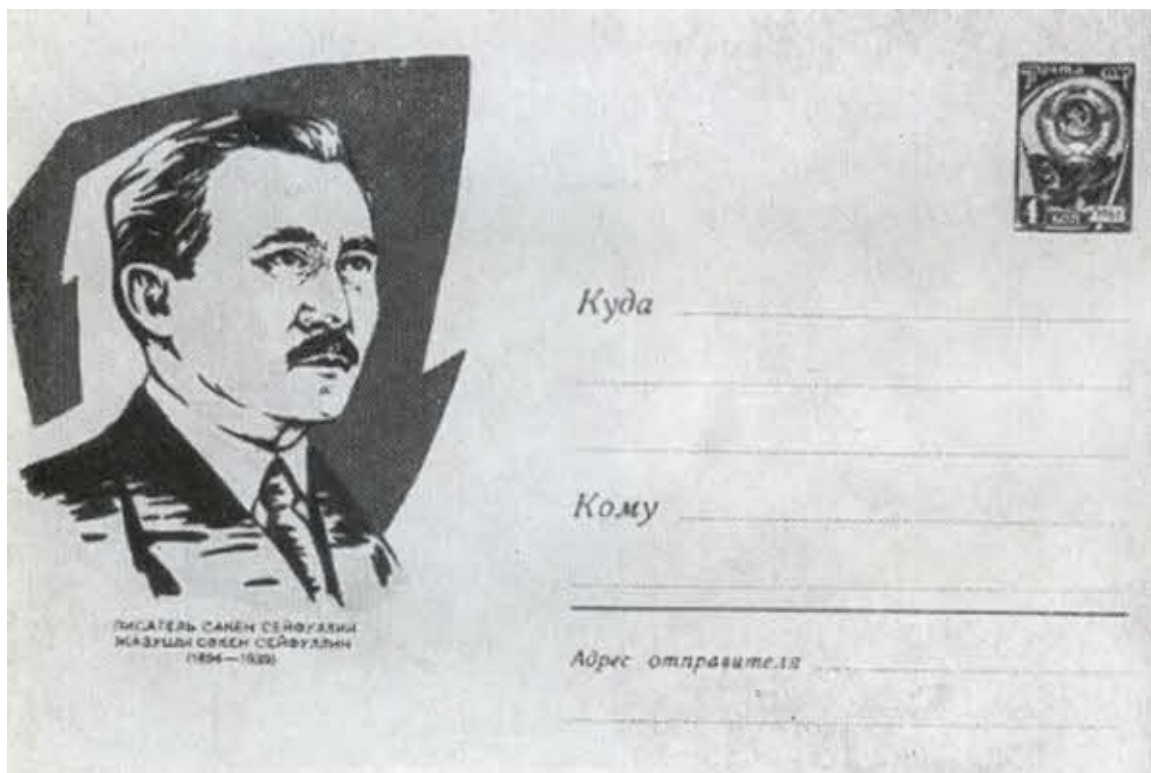
Гульбарам— жена С. Сейфуллина. 1963.

Катченко Захар Петрович. 70-е годы.

Почтовая марка. 1964.

Юбилейный конверт. Художник В. А. Крымский.

Выставка книг С. Сейфуллина в 1964 году, организованная казахскими студентами ленинградских вузов.

Сакен Сейфуллин. 1936.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

На казахском языке

С. Сейфуллин, Откен куйдер (Минувшие дни). Сборник стихов. Казань, 1914.

С. Сейфуллин, Асау тулпар (Неукротимый скакун). Сборник стихов. Оренбург, 1922.

С. Сейфуллин, Кызыл сункарлар (Красные соколы). Драма. Оренбург, 1922; Семипалатинск, 1926.

С. Сейфуллин, Бакыт жолына (На пути к счастью). Драма. Оренбург, 1922; Семипалатинск, 1926.

С. Сейфуллин, Домбыра. Сборник стихов. Оренбург, 1924.

С. Сейфуллин, Экспресс. Сборник стихов. Кзыл-Орда, 1926.

С. Сейфуллин. Тар жол, тайгак кешу (Тернистый путь). Историко-мемуарный роман. Кзыл-Орда, 1927. Второе издание. Алма-Ата, 1936. Третье издание. Алма-Ата, 1960.

С. Сейфуллин, Турмыс толкынында (На волнах жизни). Сборник стихов. Кзыл-Орда, 1928.

С. Сейфуллин, Жер казгандар (Землекопы). Повесть. Кзыл-Орда, 1928.

С. Сейфуллин, Кокче-Тау. Поэма. Кзыл-Орда, 1929.

С. Сейфуллин, Казак әдебиети (История казахской литературы). Учебник. Алма-Ата, 1932.

С. Сейфуллин, Альбатрос. Поэма и стихи. Алма-Ата, 1933.

С. Сейфуллин, Кызыл ат (Красный конь). Поэма. Алма-Ата, 1934.

С. Сейфуллин, Содалистан. Поэма. Алма-Ата, 1935.

С. Сейфуллин, Айша. Повесть и рассказы. Алма-Ата, 1935.

С. Сейфуллин, Олендери мен поэмалары. Стихи и поэмы. Составитель Е. Исмаилов. Алма-Ата, 1957.

С. Сейфуллин, Энгимелер мен новестер. Рассказы и повести. Составитель М. Базарбаев. Алма-Ата, 1958.

С. Сейфуллин, Шығармалар. Сочинения, тт. 1–6. Составители Е. Исмаилов, Т. Какишев. Алма-Ата, 1960–1964.

На русском языке

С. Сейфуллин, В «вагонах смерти» атамана Анненкова (из книги «Тернистый путь»). Кзыл-Орда, 1927.

С. Сейфуллин, Айша. Повесть. Алма-Ата, 1935.

С. Сейфуллин, Кокче-Тау. Поэма. Перевод Н. Ф. Феоктистова. Алма-Ата, 1935.

С. Сейфуллин, Избранные стихи и поэмы. Под редакцией Е. Исмаилова. Алма-Ата. 1958.

С. Сейфуллин, Стихотворения и поэмы. Под редакцией И. Сельвинского. Москва, Гослитиздат, 1959.

С. Сейфуллин, Повести и рассказы. Алма-Ата, 1959.

С. Сейфуллин, Тернистый путь. Перевод С. Талжанова и И. Щеголихина. Алма-Ата, 1964.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

Исследования

Т. Арыстанбеков, Жыл кусы (Предвестник). «Енбекши казах», 1923.

Е. Исмаилов, Сакен Сейфуллин. Монографическая глава к «Очеркам истории казахской советской литературы», 1958. М., 1960; «История казахской литературы», том 3, книга I, 1967.

Е. Исмаилов, Акын жэне революция (Поэт и революция). Монография. Алма-Ата, 1964.

Т. Какишев, Октябрь оркени (Плоды Октября). Монография. Алма-Ата, 1962.

Т. Какишев, Даур суреттери (Литература и время). Монографические этюды. Алма-Ата, 1967.

Т. Какишев, Сакен Сейфуллин. Очерк. Алма-Ата, 1967.

С. Кирабаев, Сакен Сейфуллин. Монография. Алма-Ата. 1962; на русском языке, 1967.

С. Муканов, Глашатай казахской пролетарской литературы. «Казак эдебиети», 1936.

С. Муканов, Осу жолдарымыз (Пути нашего развития). Алма-Ата, 1960.

А. Тажибаев, Поэзия жэне омир (Поэзия и жизнь). Алма-Ата, 1960.

Токтыбаев, Асау тулпар (Неукротимый скакун). «Известия казахского обкома РКП (б)», 1923.

Очерки, воспоминания и художественные произведения

Т. Аликумов, Туган ауыл (Родной аул). Рассказы и повести. Алма-Ата, 1968.

Х. Бекхожин, Сункар туралы аңыз (Легенда о соколе). Поэма. Алма-Ата, 1958.

Т. Какишев, Кызыл сункар (Красный сокол). Историко-литературный очерк. Алма-Ата, 1988.

А. Кошимов, Лашин хикаясы (Легенда сокола). Повесть. Алма-Ата,

1965.

«Кызыл сункар» («Красный сокол»). Сборник воспоминаний. Составитель М. Сейфуллин. Алма-Ата, 1970.

С. Муканов, Сакен Сейфуллин. Историко-героическая драма. Алма-Ата, 1962.

С. Муканов, Есею жылдары (Годы возмужания). Мемуарный роман. III книга. Алма-Ата, 1964.

Г. Мусрепов, Кездеспей кеткен бір бейне. Поэма в прозе. Алма-Ата, 1967.

Г. Мусрепов, Однажды и на всю жизнь. Алма-Ата, 1968.

К. Сатыбалдин, Узак жол (Долгий путь). Драма. Алма-Ата, 1970.

С. Сейтхазин, Биздин Сакен (Наш Сакен). Поэма. Алма-Ата, 1967.

Г. Серебрякова, Сакен Сейфуллин. В кн.: «Странствия по минувшим годам». М., «Советский писатель», 1965.

Г. Серебрякова, О других и о себе. М., «Советский писатель», 1968.

А. Тажибаев, Монологтар (Сагынамын кун сайын) (Жажду встречи каждый день). Сценическая драма-поэма. Алма-Ата, 1967.

С. Талжанов, Сейфалланын Сакени (Сакен — сын Сейфуллы). Повесть. Алма-Ата, 1959.

С. Талжанов, Улдай кеги (Мечь Улдая). Повесть. Алма-Ата, 1967.

А. Токмаганбетов, Акын дагдыры (Судьба поэта). Поэма. Алма-Ата, 1965.

Автор в своей книге использовал материалы партархива Института истории партии при ЦК КП Казахстана, центральных государственных архивов Казахской ССР, Узбекской ССР, Татарской АССР, Башкирской АССР и Государственных архивов Омской области РСФСР, Северо-Казахстанской и Целиноградской областей Казахской ССР, Центрального государственного архива литературы и искусства в Москве, ленинградских архивов и др.

Стихи Сакена Сейфуллина перевел для этой книги Сергей Киселев. Кроме того, в книге помещены переводы С. Наровчатова, М. Львова, В. Виноградова, В. Бугаевского, А. Тарковского, А. Кафанова и др.

Примечания

1

Тамыр-друг

Джайлау — летнее кочевье

Акауыз — «пустой рот» — так назывался штраф.

В царской России в официальных документах казахов именовали киргизами.

Хажи — мусульманский священник.

Шакирты — учащиеся.

Дамулла — начинающий мулла.

Джут — гололед, часто встречающийся зимой в казахской степи.

Год рождения Сейфуллина дан здесь по мусульманскому календарю.

«Айкап» — первый казахский журнал демократического направления. Издавался в городе Троицке с 1911 по 1915 год. Издателем и редактором журнала был талантливый писатель, публицист, поэт, переводчик Мухаметжан Сералин (1882–1929).

Кафир — правоверный.

Гайса — Иисус Христос по-мусульмански.

«Медресе Галия» — средняя школа в городе Уфе, готовившая мусульманских учителей для аульных школ и мектебе.

Аят-хадис — «божъе законоположение».

Гомуми — общество, объединение.

«Казах» — газета, издававшаяся в городе Оренбурге буржуазными националистами (1913–1918 гг.).

Кереи — казахский род.

Муфтий — глава мусульманского духовного управления.

«Айтыс Биржана и Сары» — «Поэтическое состязание Биржана и Сары».

Так называют младшие братья жену старшего.

Обращение женщины любого возраста к мужчинам моложе ее мужа независимо от их родственных отношений.

Коримдик — вознаграждение за добрую весть.

Тымак — казахский головной убор с большими ушами и наплечьем.

Алаш — легендарное название казахского народа.

Кедеи — бедняки

Жеди — веревка, натянутая по земле на кольях, к ней привязывают жеребят.

В «Очерках истории Коммунистической партии Казахстана» о партии «Уш жуз» сказано следующее: «В борьбе против Алаш-Орды, за победу Советской власти в казахской степи большевики шли на временные соглашения с поддерживающими власть Советов мелкобуржуазными группами и организациями, в том числе и с партией «Уш жуз», за которой шла часть казахских трудящихся.

«Уш жуз», или так называемая Киргизская социалистическая партия, состояла в основном из мелкобуржуазной казахской интеллигенции и выражала интересы зажиточной части аула. Она возникла в ноябре 1917 года в Северном Казахстане...

Вступая во временные соглашения с партией «Уш жуз», большевики в то же время вели решительную идейную борьбу с ней, разоблачая ее неустойчивость и непоследовательность, псевдосоциалистический и мелкобуржуазный характер ее программы и политической линии. В дальнейшем, во время гражданской войны, «Уш жуз» распалась. Часть ее членов перешла в лагерь контрреволюции, остальные встали на сторону пролетариата» (стр. 108–109, 1963 г.).

Бостек — овчинка, которую стелют на пол.

Торе — аристократы, потомки ханской династии Чингизидов; позднее так стали именовать и высокопоставленных чиновников.

Казахский народ делился на три орды, то есть на Большой, Средний, Малый жузы, куда входят разные роды и племена.

Барымта — набег с целью угона скота.

Достархан — стол с яствами.

В «Очерках истории Коммунистической партии Казахстана» сказано, что «в вопросе о национальной государственности некоторые партийные организации Казахстана допустили серьезную ошибку: отбрасывая буржуазную автономию, они отрицали также и советскую автономию. Так, например, Акмолинский уездный съезд депутатов казахских трудящихся, правильно оценив контрреволюционную сущность буржуазной автономии Алаш-Орды и отвергнув ее, вместе с тем принял ошибочное постановление» (стр. 121).

11 мая 1918 года президиум комитета Западносибирских Советов принял такое постановление: «Дело Тогусова. Ввиду того, что возводимые обвинения в значительной мере не подтвердились и что поднявший дело Полюдов определенных материалов для обвинения не представил, постановляется: на одном из ближайших заседаний президиума заслушать дополнительные объяснения Полюдова по этому делу».

Президиум комитета к делу Кольбая не вернулся. После мятежа чехословаков Советская власть в Омске пала, и Кольбай оказался у Колчака, который обвинил его в поддержке Советской власти. Во время восстания большевиков в декабре 1918 года он вместе с Шаймерденом сбежал из тюрьмы и прятался среди казахов. Но здесь его схватили палачи «Алаша» и передали Колику. Есть врачебное заключение о том, что он умер в тюрьме от тифа. Но есть и слухи о том, что он расстрелян.

Камча — кнут.

Нагаши — родственники матери

Кимешек — женский головной убор.

«Ушкун» — «Искра» — орган Киргизского военно-революционного комитета, издавалась с 1919 года, затем была переименована и стала называться «Енбекши казах» («Трудовой казах»), а с 1932 года — «Социалистик Казахстан».

Суюнчи — вознаграждение за хорошую весть.

Шаймерден погиб в 1920 году в колчаковской тюрьме города Красноярска.

Абзи — татарское обращение к старшему.

Междометие, выражающее сожаление.

Кувардак — блюдо из свежей печени и почек.